

10.333
1959

ბაზილიკონი
203 30000-15

3

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1959

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания третий

62.308

С О Д Е Р Ж А Н И Е

КАРЛО КАЛАДЗЕ. Пастух из Гудамакари. Шел первый снег... Стихи	3
КОНСТАНТИНЭ ГАМСАХУРДИА. Цветение лозы. Роман. (Продолжение)	6
ТАМАЗ ЧИЛАДЗЕ. За ним вся Родина стояла. *** Стихи	31
АКАКИЙ БЕЛИАШВИЛИ. Рустави. Роман	33
МИХАИЛ ЛОХВИЦКИЙ. У парома. Из цикла рассказов «Деревня в горах».	63
АНДРО ТЕВЗАДЗЕ. С Лихской горы. Стихи.	66

ИНОСТРАННЫЙ РАССКАЗ

ИТАЛО КАЛЬВИНО. Последним прилетел ворон.	68
---	----

О Ч Е Р К И

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. По дорогам Индии. Очерк второй	72
--	----

ВЕЛИКОЕ СЕМИЛЕТИЕ

Г. ТВАЛЧРЕЛИДЗЕ. Кладовые недра — промышленности	82
Атомный реактор строится. Беседа с заместителем директора по научной части Института физики Академии наук Грузинской ССР А. Гачечиладзе.	85

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

М. ФЕТИСОВ. Факты и обобщения. Заметки об очерках истории грузинской литературы.	87
--	----

Предсъездовская трибуна

Ш. КУРИДЗЕ. Только жизнь — источник творчества	92
Коротко об авторах	96

3

МАРТ
1959

საქართველოს
საქართველოს

საქართველოს

ს. ო. დ. ბ. რ. ა. ნ. ე.

Редактор **К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ**

Редакционная коллегия:

Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ (заместитель редактора),
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ

Чтобы в дыханье ласковом твоём
Растаял

горный снег

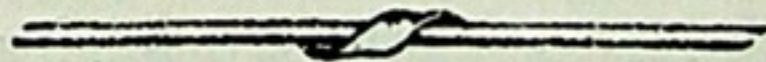
мало-помалу.

А выйдет срок —
И с буркою вдвоем
Опять уйду по склонам к перевалу.

* * *

Перевод с грузинского Е. Евтушенко

Шел первый снег.
Темнели на тропинке
Водой свинцовой первые следы,
И плавали,
Как будто три снежинки,
В ручье, еще журчащем, три звезды...
Нет,
Ничего я не переиначу —
Ни ночи той, ни скрипов, ни речей...
Стихотворенье звездами означу.
Чтобы похоже было на ручей.
Но вот,
Уже забыв о том свиданье,
Гляжу, не понимаю ничего:
То кажутся они тремя цветками,
То искрами камня моего.
К их одному значенью не привыкну.
Три звездочки мерцают на листке,
Похожие на смутный след прививки
На бледной-бледной девичьей руке...
Гляжу на них в раздумии глубоком,
Не забывая все же одного:
На три снежинки в том ручье далеком
Похожи они более всего.

ЦВЕТЕНИЕ ЛОЗЫ

Р О М А Н

(Продолжение)

Авторизованный перевод с грузинского С. Трегуба

VIII

Годердзи хотелось остаться наедине с Нуну. Он знал, что сейчас же за рощей проходит дорога, ведущая в село, но она всегда полна людьми, и застенчивая Нуну постесняется идти там рядом с молодым человеком.

— Пойдем-ка, Нуну, к старому дубу, — предложил он. — Ребята говорили — недавно ураган огромную ветку сломал.

Нуну не спешила домой. Что ее ждет там? Подвыпившая мачеха, нахальный Канкре, не менее противный Коберидзе, и самое неприятное, пожалуй, среди них существо — соседка Маруа, которая под видом случайных гостей из года в год приводила в их дом все новых и новых женихов.

Именно в эту минуту особенно остро ощутила девушка свое одиночество: не было у нее ни матери, ни родного дома.

Стоит ей сейчас появиться, и Кетуа потребует, чтобы она показалась пьяным гостям. Кончится тем, что Нуну вынуждена будет бежать и провести эту ночь в сарае.

К старому дубу вела протоптанная тропинка, но Годердзи сказал: — Пойдем оврагами, так быстрее доберемся.

Юноша и девушка спустились в овраг. Склоны его были каменисты и пересечены глубокими расщелинами. Вокруг росли кусты кизила и орешника.

Сначала Годердзи шел впереди, расчищая путь кинжалом. Но потом, заметив, что девушке трудно идти, он взял ее под руку.

Нуну радостно было чувствовать его рядом с собой. Сильная рука Годердзи бережно и нежно поддерживала ее каждый раз, когда она спотыкалась о камень. Но девушка, стыдясь и пугаясь этой близости, осторожно высвободила свой локоть. Как только Годердзи отпустил ее руку, Нуну споткнулась и, конечно, упала бы, если бы ее снова не поддерживала та же крепкая рука.

Они вышли на равнину.

Близился вечер. Сквозь прозрачные облака слабо струился на землю мерцающий отсвет заката.

Со стороны алазанских рощ, оттуда, где были сады и виноградники, доносился уже протяжный, будто бы выхваченный из песни крик полевых сторожей: «Ау-у-у!»

Испуганно метнулась какая-то птица.
Годердзи снова взял Нуну под руку.
— Так и не удалось мне раньше побыть наедине с тобой, — преодолевая робость, сказал он. — Как хороша была ты в тот день!

— В какой?

— В тот день, когда взрывали аммонал на участке Мамуки.

Нуну ласково улыбнулась:

— Разве ты меня тогда впервые увидел?

Годердзи засмеялся.

— Пожалуй, впервые.

— Не понимаю, что ты хочешь этим сказать?

— А то, Нуну, что случается в жизни так: человек ежедневно что-то видит, но словно не замечает того, что видит. Потом внезапно происходит нечто такое, что как бы возвращает ему зрение, и перед ним открывается новый мир.

Расскажу тебе одну историю.

Однажды вечером, когда я еще учился в школе, я неожиданно для себя услышал шелест листьев тополя. Лето стояло жаркое, а от дерева веяло прохладой. Сколько раз до этого дня я проходил мимо и не замечал его. А в тот день поднял голову и залюбовался.

Нуну зарделась.

— Что же особенного произошло в тот день? Я работала, как и все другие.

— Особенное произошло не с тобой, а со мной, — сказал Годердзи. — Я тогда как бы впервые увидел тебя.

Они шли уже по тропинке. Годердзи на минутку умолк. В его памяти снова ожило лицо Нуну — такое, как в тот памятный день, когда взрывали аммонал, и он сказал:

— Я, разумеется, согласен с тем, что мужчина и женщина равны друг другу, но то, что всегда порочит мужчину, не всегда, оказывается, порочит женщину. Трусливый мужчина, например, всегда смешон и отвратителен — страх делает его жалким. У женщины же все это выглядит несколько по-иному. Страх не всегда искажает ее лицо. Оно может и тогда, как мне кажется, оставаться прекрасным.

— И только?!

— Нет, не только это.

— Что же еще?

— Слезы никогда не украшают мужчину, они всегда — признак его слабости. Но разве можно то же самое сказать о плачущей женщине или ребенке?

Нуну слушала Годердзи с интересом. К чему, однако, он все это клонит?

— Ты, как видно, много читаешь в последнее время, Годердзи. Скажи, из какой книги все это вычитал? — сказала она, улыбаясь.

Он не понял ее иронии.

— Клянусь, это только мои наблюдения. Может быть, я не сумел выразить свою мысль — писатель сделал бы это лучше, но я поделился с тобой только своими наблюдениями. Писатели часто высказывают наши мысли, дорогая Нуну. Ты разве этого не замечала?

И не дожидаясь того, что она ответит, он, глядя ей в лицо и думая о ней, сказал:

— В наше время слабые люди мало на что пригодны. Нам нужны смелые и сильные люди.

Нуну почему-то в эту минуту подумала о своей подруге Натии Таралашвили: к слабым или смелым относит ее Годердзи?

Нуну хотелось упомянуть о Натии и послушать, как отзовется Годердзи об этой девушке, чье имя бермуховские сплетницы связывали обычно с его именем. В последнее время слухи эти, правда, прекратились. Не было уже людей, которые могли бы рассказать о том, что они видели Годердзи, гуляющего с Натией, а Зина Залдастанишвили вчера передала Нуну, что Годердзи вообще перестал интересоваться Натией. Да и сама Нуну стала замечать в Годердзи перемену: почти каждый день, после окончания работы, он искал случая, чтобы встретиться с ней самой. Но Натия, словно нарочно, ни на минуту не оставляла Нуну.

Сегодня она почему-то раньше обычного ушла домой, сказав, что ей нездоровится. Кто ее знает — действительно ли ей нездоровилось или, может быть, она поняла, что у Годердзи уже не лежит к ней душа.

Обо всем этом думала сейчас Нуну.

«Кто может определить тот день, то мгновение, когда любовь к желанной овладевает сердцем человека?» — мысленно спросил себя Годердзи.

У него и у Нуну накопилось так много невысказанного, того, о чем хотелось поведать друг другу! Но так получалось, что они словно кого-то боятся, словно кто-то наложил запрет на их чувства, словно не было у них слов, чтобы открыться друг другу. Они шли сейчас молча, и не произнесенные пока еще вслух слова любви все громче и громче звучали в их сердцах, стремились вырваться наружу.

Но ни один из них не решался произнести то единственно нужное в этот прекрасный вечер слово.

Они шли вдоль кустов кизила. На высоте вытянутой руки сидели совы, сверкая огненными глазами. Пролетали дикие утки. Со стороны алазанских рощ доносился крик полевого сторожа. Заяц перебежал тропинку, и Нуну вздрогнула от неожиданности.

На возвышенности уже виднелся старый дуб. Его мощные узловатые ветви, казалось, подпирали небосвод, усеянный крупными звездами.

Одна тяжелая ветвь была сломана ураганом и висела теперь на его могучем теле, как сабля с черными ножами у пояса великана.

Когда Годердзи и Нуну присели у подножья дуба, они услышали шум крыльев и сдержанное воркованье диких голубей.

— Как жаль, — сказала Нуну, — что ураган покалечил наш дуб.

Они сидели так близко, что слышали не только дыхание друг друга, но и биение сердец.

Годердзи следил за игрой лунного света на поверхности Алазани и нервно курил. От волнения у него пересохло во рту. Он бросил папиросу, обнял своими крепкими руками колени и положил на них голову.

А Нуну?.. Она тревожилась в эту минуту о том, как бы не прошел кто-нибудь случайно мимо них и не нарушил бы этих счастливых минут. Необычайный трепет охватил все тело девушки. Хотелось, чтобы сильные руки Годердзи, которые сомкнулись сейчас на его коленях, крепко обняли ее.

Девушка нетерпеливо ждала, когда вырвется наружу страсть, бушующая в его груди...

Но в это самое время прогремело два выстрела...

Что бы они могли означать?

Нуну встревожилась. Годердзи поднялся и посмотрел в сторону дороги. По ней мчалась какая-то машина.

— Не бойся, — попробовал успокоить он Нуну.

Где-то далеко зарокотал трактор. Он скоро умолк и снова только уже привычный, монотонный крик одинокого полевого сторожа изредка нарушал тишину.

Но Годердзи чувствовал, что ему не удалось успокоить Нуну. Он взял ее за руку. Нуну отстранилась.

— Что с тобой? Чего ты боишься? Я же здесь.

Девушка пристально вглядывалась в заросли кустарника.

— Посмотри, Годердзи, — прошептала она взволнованно. — Что-то черное движется над кустами.

И Годердзи действительно увидел какую-то маленькую черную тень, которая, постепенно увеличиваясь, приближалась к ним. Странное видение представилось ему: будто остроконечная папаха, сама по себе, лишенная владельца, ползла по вершинам кустов.

Не прошло и нескольких минут, как из-за кустарника появилась рослая фигура человека.

— Видишь, Годердзи, этот человек идет сюда...

— Не бойся, девочка, пусть себе идет, нам-то что от этого.

Теперь он уже сам настороженно следил за человеком, направляющимся к старому дубу. Но, чтобы развеять опасения Нуну, спокойно продолжал:

— Ну что с тобой, Нуну? Ты думаешь, что только мы с тобой любим старый дуб?

К этому времени незнакомец остановился. Он закурил и уселся на близстоящий пенек, спиной к Годердзи и Нуну.

Нуну торопила Годердзи:

— Уйдем отсюда.

— Что ты? — откликнулся Годердзи. — Как это можно? Если у него и в самом деле недобрые намерения, то пусть не думает, что мы его испугались.

— Прошу, уйдем отсюда, — настаивала Нуну.

И Годердзи уступил ее просьбе.

Когда они вошли в чащу, Годердзи обернулся и еще раз посмотрел на незнакомца. Тот по-прежнему сидел и курил.

У сарая для саженцев Годердзи, услышав кашель сторожа, крикнул:

— Гайоз, дорогой, ты не спишь?

— Кто там? — отозвался Гайоз. Он приблизился и узнал Годердзи и Нуну.

— Вам не встретился человек в остроконечной папахе? — спросил он.

— А что?

— Он спрашивал, не видел ли я Нуну — девушку из семьи Уджираули.

— Что же ты ответил? — испуганно спросила Нуну.

— Я подумал, что это кто-нибудь из твоих родственников, и сказал, что ты вместе с Годердзи пошла к старому дубу.

Нуну встревожилась еще больше, а Годердзи сказал:

— Ты напрасно перепугалась. Это, вероятно, кто-нибудь из своих. Увидав меня рядом с тобой, он постеснялся подойти.

Но сердце подсказывало Нуну другое.

— Поверь, Годердзи, этот человек в остроконечной папахе не из наших родственников.

Когда они отошли от сарая и вышли на дорогу, ведущую к селу,

Нуну все время старалась держаться на некотором расстоянии от Годердзи. Это злило юношу. И он сказал, что не было никаких оснований пугаться какого-то незнакомого человека, что Нуну просто-напросто не пожелала остаться с ним наедине...

Нуну перебила его:

— Знаешь, что я тебе скажу, Годердзи: ты уже дал повод бермуховским сплетницам для разговоров о тебе и Натии.

Годердзи передернуло.

— Я и Натия? Что ты говоришь, Нуну? У меня с ней нет ничего общего.

Нуну было приятно услышать это. Но ей хотелось, чтобы Годердзи привел более убедительное доказательство того, что между ним и Натией ничего не было. Потому-то она и сказала:

— Не пойму, вот уже больше года, как твои родственницы только и говорят о том, что ты с Натией вот-вот должны расписаться.

— Расписаться? Вздор! В прошлом году на свадьбе Жужуны Залдасанишвили нас посадили за столом рядом. Там были, кстати, Кетуа и Маруа. Они-то и привязались к нам: вы-де, так подходите друг к другу, что надо вас поженить. А утром я и Натия ушли раньше других — мы были вызваны к председателю колхоза. Отсюда и началось — пошли трепать языками бездельники.

Сердце Нуну учащенно билось. Она не пыталась уже высвободить свою руку из руки Годердзи. Он был так близок и дорог ей.

Они двигались вдоль цветущих деревьев, которые образовывали длинную аллею. Годердзи остановился, резко притянул к себе Нуну. Его губы должны были уже коснуться ее губ, как неожиданно обоих ослепил свет фар, и мимо промчалась грузовая машина. В кузове, видно, ехала молодежь; она пела и громко смеялась.

Годердзи попытался задержать Нуну, поцеловать ее. Но она уже сопротивлялась. Он попрощался и побрел к вачнадзевскому дому.

Душевный подъем, который только что пережила Нуну, сменился внезапной усталостью. Она еле-еле двигалась. Испытанное ею ощущение счастья перешло в печаль. Хотелось бежать за любимым, вернуть его. Перед глазами всплывало искаженное злостью лицо мачехи, ее ярко-накрашенные губы, до слуха девушки доносился пьяный хохот сидящих в доме людей... И Нуну снова с горечью думала о том, что у нее нет родного дома, что она там никому не нужна...

И тогда Нуну жалела уже о том, что она так холодно рассталась с Годердзи, не откликнулась на зов его и своего сердца.

Девушка вспомнила слова покойной матери, произнесенные ею десять лет назад: «Твое упрямство погубит тебя, Нуну».

В эту самую минуту от дерева, росшего напротив двора МТС, отделилась тень — это был человек с остроконечной папахой на голове. Девушка инстинктивно почувствовала опасность, повернулась и бросилась бежать. Но не прошло и мгновения, как человек нагнал ее и, схватив за плечи, попытался прижать к своей груди.

Разъяренная Нуну ударила его кулаком по лицу. Удар был такой силы, что из носа хлынула кровь. Он замычал и начал больно выворачивать Нуну руки. Девушка изловчилась и ударила его снова — с еще большей силой.

Верзила было отступил. Потом он выхватил финку. Нуну успела оттолкнуть его руку, но нож вонзился в ее плечо.

И тогда девушка так иступленно закричала, что проснулись спав-

шие под навесом трактористы. Ника Уджираули и Ваню Хелашвили схватили тяжелые гаечные ключи и перемахнули через ограду.

Верзила оттолкнул Нуну и скрылся. В суматохе, перелезая через колючую проволоку, он потерял свою каракулевую остроконечную папаху.

Когда Ника и Ваню привели домой окровавленную Нуну и положили на стул подобранную ими папаху, Кетуа сразу узнала папаху Коберидзе.

IX

Рано утром из районного центра в Бермуху прибыли следователь Хидашели и три милиционера. Покушение на Нуну было уже не первым преступлением за последние два года в Бермухе.

Хидашели был опытным работником. Он много лет находился в Кахетии и раскрыл несколько весьма запутанных дел, не менее сложных, нежели бермуховские.

Тедо Таралашвили встретил приезжих в сельсовете, он хотел предварительно поговорить с ними здесь, но следователь сразу же направился в дом Нуну, чтобы, не теряя времени, приступить к опросу потерпевшей и свидетелей.

Услышав у своего дома гудок машины, Кетуа насторожилась. Бледная от испуга, она ввела в комнату Нуну следователя, председателя колхоза и тотчас же удалилась.

Хидашели спросил Нуну:

— Неужели вы никого не подозреваете?

— Никого, — ответила девушка.

— Вы говорите правду?

— Да.

Тогда Тедо принялся уговаривать Нуну:

— Следователю надо говорить только правду. Ты должна помочь нам найти преступника.

Но девушка стояла на своем:

— Человек напал на меня ночью. К тому же он надвинул свою папаху на нос, и я не могла разглядеть его лица.

— Он что-нибудь говорил? — допытывался Хидашели.

— Нет. Когда я ударила его по лицу, он замычал, как бык, и отступил, а потом ударил меня ножом.

Тедо попробовал помочь следователю:

— Теперь скажи мне, доченька, может быть, кто-нибудь любит тебя в Бермухе и из ревности мстил тебе, а? Ты не бойся назвать преступника, мы не дадим тебя в обиду.

Нуну находилась меж двух огней. Девушка не умела хитрить даже в простых житейских делах. Но сказать сейчас правду, значит раскрыть свою девичью тайну, посвятить всех в свои отношения с Годердзи, с которым она сидела у старого дуба и который видел человека в остроконечной папаше. Она настояла тогда, чтобы Годердзи ушел, боясь сплетен. Но рассказать сейчас все это — значит дать пищу сплетникам.

Нуну удерживало и другое: высказав свои подозрения, она тем самым неминуемо восстановит против себя и всех близких людей того, чье имя она назовет. Жизнь станет невыносимой. К тому же она поставит под угрозу Годердзи: он ведь обязательно захочет отомстить за нее — и может поплатиться за это жизнью. Разве могла Нуну пойти на это?!

Вот почему девушка так твердо стояла на своем:

— Нет, никого не подозреваю, — повторяла она.

Ничего не добившись от Нуну, следователь приказал ввести Кетуа.

Тедо посмотрел на нее из-под своих мохнатых бровей:

— Я гляжу, ты что ни день—все плачешься: «Больна, не могу работать», приносишь в контору какие-то справки. А для гостей находишь время. Вчера даже дети помогали нам в работе, а ты затеяла кутеж.

— Что вы изволите говорить, батано? Какие гости? Какой кутеж? Вы ведь знаете, что я и в самом деле больна; у меня воспаление мочевого пузыря, — причитала Кетуа. — Вчера собиралась ехать в город, врачам показаться... Не могу я работать на винограднике. Уж лучше мне скотину пасти, чем работать, согнувшись в три погибели.

— Но ты ведь и скотину отказалась пасти в прошлом году. Забыла разве? — напомнил Тедо.

Кетуа притворно заплакала.

— Мне и за скотиной нельзя ходить. Вы же знаете. С кем тогда оставить моего Малхаза?

— А что с ним случится, пусть играет с детьми.

— Как? Разве ты не знаешь, что мой Малхаз, если за ним не присмотришь, натворит нивесть что! Землю начнет есть.

Женщина готова была без конца говорить о своей мнимой болезни и ненормальном сыне. Тедо остановил ее:

— Мы пришли сюда не за тем, чтобы ты плакалась. Советую тебе, Кетуа, говорить товарищу следователю только правду, — произнес он жестко.

Кетуа растерялась:

— Что же я должна говорить, дядя Тедо? Ведь я ничего не знаю.

От страха у нее подкашивались ноги, и она, всхлипывая, опустилась на тахту.

Из соседней комнаты доносились недовольные голоса членов семьи Уджираули. Тщетно пытались милиционеры навести там порядок. Женщины и дети поминутно открывали дверь, которая немилосердно скрипела.

На допрос ввели соседку Маруа. Как только Маруа увидела плачущую Кетуа, она тотчас и сама начала плакать.

— Ничего не знаю. Никуда не ходила. Ничего не видела, — твердила Маруа. Она призывала в свидетели всех святых, клялась памятью мертвых и жизнью живых.

В это время в комнату вошел мальчик—сын Кетуа Малхаз. Его поразил, должно быть, сверкающий карандаш в руке следователя, и он внимательно следил за его движением.

Следователь заинтересовался кутежом, который был у Кетуа вечером, незадолго до нападения на Нуну. Но Кетуа и Маруа утверждали, что никакого кутежа не было, что все это, мол, сущие выдумки.

Веселые искорки детского смеха сверкнули в глазах Малхаза. Следователь заметил это. Он дал знак оставить его наедине с мальчиком.

— Сколько тебе лет? — спросил он Малхаза.

— Тринадцать, — ответил тот. — Какая у тебя хорошая ручка, дядя!

— Это не ручка, а карандаш.

Малхаз потянулся к карандашу.

— Раз тебе так нравится этот карандаш, возьми его, пусть он будет твоим, — сказал следователь и вынул из кармана другой карандаш.

А как тебя зовут, мальчик?

— Малхаз.

— Ух, какое красивое имя. А теперь скажи: кем тебе приходится Нуну?

— Кто? — спросил Малхаз, уставившись теперь на другой, зеленый, карандаш следователя.

— Вон та девушка, — сказал следователь, указывая на Нуну.

— Сестра моя.

— Хорошо. Теперь скажи мне, где ты был вчера вечером.

— Для чего тебе это, дядя? Хочешь записать на бумажку?

— Нет, я ничего не буду записывать, просто мне хочется знать.

— Я был дома.

— Еще кто был дома?

— Моя мама.

— Еще?

— Тетя Маро.

— Еще?

— Кто еще мог быть? — Малхаз почесал затылок и стал перечислять, загибая пальцы: — Дедушка Абриа, дедушка Лео, дядя Канкре и еще один длинный-длинный человек, тот самый, у которого на голове была остроконечная папаха.

— Больше никого не было?

— Никого.

— Хорошо. А теперь скажи, Малхаз, что они делали?

— Вино пили.

— Еще что делали?

— Ничего больше... ссорились.

— Не знаешь, из-за чего ссорились?

— Не знаю, дядя.

— А теперь скажи мне, Малхаз, не помнишь, когда пришел хозяин этой папахы?

— Светло еще было, когда он пришел.

— Он пришел один?

— Нет, его тетя Маро привела. А потом тетя Маро ушла.

— Он ничего не приносил с собой?

— Один большой-большой чемодан притащили они.

— А что было в том чемодане, не знаешь?

— Много-много платьев, шапок и туфель. Этот длинный человек должен был отвезти в город меня и мою мамочку, но я стал плакать, и мы не уехали в город.

Следователю стало ясно, что Кетуа и Маруа скрыли от него что-то очень важное. Из соседней комнаты все еще доносился шум голосов. Он мешал сосредоточиться. Хидашели решил отправиться в сельсовет и там продолжить допрос.

Было воскресенье, и возле сельсовета толпилось много любопытных. Пока еще толком никто ничего не знал, но болтуны успели уже распространить разного рода слухи.

Некоторые утверждали, будто вчера ночью бандиты похитили Нуну Уджираули и Годердзи Эланидзе. Затем где-то в лесу милиция догнала бандитов и с трудом отбила девушку. Во время этой перестрелки и ранили, мол, Нуну.

...Абриа Уджираули, сняв шапку, вошел в комнату и поздоровался.

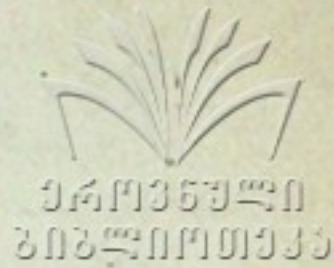
Следователь окинул его строгим взглядом:

— Предупреждаю — вы должны давать только правдивые показания. Понятно?

— Как не понять, батано. Меня не нужно предупреждать. Я никогда в жизни не говорил неправды и сейчас не собираюсь никого обманывать.

— Тогда скажите: вы были вчера на кутеже в доме Кетуа?

— Какой кутеж? Я случайно проходил мимо и зашел разделить с ними хлеб-соль.

- Хорошо. Кто же еще там был?
- Мой брат Лео, мой племянник Канкре...
- Еще?
- Коберидзе, гость из Тбилиси.
- К кому приехал этот Коберидзе?
- Не знаю.
- Чья это шапка? — и следователь показал остроконечную каракулеву папаху.
- Коберидзе.
- Теперь скажите, что привез с собой этот Коберидзе?
- Не знаю.
- И хлеб-соль проходила мирно, тихо?
- Там немного повздорили Коберидзе и мой племянник Канкре.
- Из-за чего?
- Канкре пристал к Коберидзе, будто бы тот не пьет вина.
- И только?
- Больше я ничего не знаю.

Лео, которого ввели вслед за Абриа, показал то же самое.

Потом допрашивали Канкре. Он подошел к столу, не снимая с головы грязной кепки.

Следователь показал на лежавшую перед ним каракулеву папаху и спросил:

— Скажите, чья это шапка?

— Шапка? Откуда я знаю, чья она? Я ведь не шью шапок, чтобы знать, у кого какая шапка на голове, — развязно ответил Канкре.

— Значит, вы не узнаете эту шапку? Не знаете, что она принадлежит Коберидзе, так что ли? — спокойный взгляд следователя скрестился с дерзким взглядом Канкре. Видно было, что этот парень не в первый раз подвергается допросу. Держался он вызывающе.

— Как ты ведешь себя, голубчик, уж не забыл ли ты, где и перед кем находишься? — пытался урезонить его Тедо.

— Я ничего не забыл, дядя Тедо, я все хорошо помню, — словно не понимая истинного смысла его слов, ответил Канкре. — Нахожусь в сельсовете, ну а дальше что?

— А знаешь, что ты забыл? В первую очередь, кепку с головы нужно снять, вот что, — рассердился Тедо. — И еще ты забыл о вежливости, о нашей грузинской вежливости. Тут до тебя входили Абриа и Лео, они догадались снять шапку и поздороваться, а ты?

Канкре недовольно стащил с головы кепку.

На вопросы следователя Канкре отвечал, что он был нездоров, ходил к врачу и случайно зашел к Кетуа. А с Коберидзе подрался потому, что тот воровал за столом вино, делал вид, что пьет его, а на самом деле не пил.

— Так неужели же вы подрались только из-за того, что Коберидзе не пил вина? — уточнял следователь.

— Я не обманываю вас, — угрюмо отвечал Канкре. — Мне захотелось побить этого человека, вот я и побил его.

Следователь улыбнулся.

— Так вы считаете, что достаточно захотеть — и можно кого хочешь побить, да? Теперь скажите, не привозил ли Коберидзе чего-нибудь для Кетуа?

— Не знаю. Я сказал вам, что был нездоров и зашел к Кетуа поздно.

Тогда снова вставил слово Тедо:

— Насколько известно, наш врач живет совсем в другом конце села. Кроме того, ты вовсе не похож на больного.

Канкре молчал.

— Значит вы не видели ни чемодана, ни подарков? — снова обратился к нему следователь.

— Я знаю, кто вам сказал об этом, — мрачно произнес Канкре.

— Откуда вы можете это знать?

— Я находился в соседней комнате и все слышал. Но вы не учли одного — что этот мальчик, Малхаз, ненормальный, припадочный.

— Ладно, — сделал вид, что согласился с ним, следователь, — Малхаз ненормальный. Но вы-то нормальный. Скажите, когда вы подрались с Коберидзе, эта шапка была у него на голове?

— Когда я ударил его в последний раз, его шапка упала в канаву. Но я не знаю, была ли на нем эта шапка или другая.

— Может быть, вы видели, как кто-нибудь другой в ту ночь доставал эту шапку из канавы?

— Нет, не видел.

— Как вы думаете, куда пошел Коберидзе после драки?

— Не знаю.

— А вы сами куда отправились, не помните?

— К Ниортава, на мельницу.

— Зачем вы пошли туда?

— Мы договорились с ним утром пойти на рыбалку.

Канкре понял, что его вызывающий тон рассердил следователя, и решил пойти на попятную. Повернувшись к председателю колхоза, он сказал:

— Этого Коберидзе я побил еще и потому, что он начал приставать к хозяйке, требовал, чтобы она заставила Нуну выйти к нему. Мы, Уджираули, никому не разрешаем так вести себя в нашем доме, ты это хорошо знаешь, дядя Тедо.

— Ага, до сих пор вы от нас это скрывали, — сказал следователь. — Хорошо. Теперь идите и подождите в коридоре.

Милиционеры ввели Коберидзе. Человек этот уже дважды был судим. Ему не хотелось в третий раз сесть на скамью подсудимых.

На все вопросы следователя Коберидзе отвечал односложно: «не знаю», «не видел», «не помню».

Коберидзе скрыл настоящую цель своего приезда в Бермуху. По его словам, он приехал в гости к своему родственнику свинопасу Попола, но хозяин оказался на собрании, и поэтому Коберидзе решил зайти к Кетуа и там подождать его прихода.

— Никакого чемодана с подарками я не привозил, — повторял он. — Разве возможно, чтобы человек с такой маленькой зарплатой, как у меня, мог дарить такие дорогие подарки?

Умолчал он и об истинной причине ссоры с Канкре.

— Хорошо, — продолжал следователь, — теперь скажите: после драки вы искали свою шапку?

— Искал, но не нашел.

— Куда же вы отправились после драки?

— К моему родственнику Попола.

— Вы не помните, который был час?

— Ровно двенадцать.

Следователь записал это.

— Откуда вы знаете, что было двенадцать?

— Когда я пришел к Попола, то вынул часы и посмотрел на них. Стекло было разбито, но часы все же работали.

— Ночью вы больше никуда не уходили?

— Никуда.

Следователь велел Коберидзе выйти и подождать в коридоре. Милиционеры ввели Ниортава и свинопаса Попола.

— С какой стороны приходится тебе родственником Коберидзе? — обратился следователь к Попола.

— Он был когда-то женат на моей сестре, батоно.

— А где теперь твоя сестра?

— Она умерла, батоно.

— Зачем приехал в Бермуху Коберидзе, ты не знаешь?

— Сказать по совести, не знаю. Он мне так сказал: ехал, говорит, по делам в Кварели и решил заглянуть к тебе.

— А раньше он бывал у тебя в гостях?

— В позапрошлом году.

— По какому поводу, не помнишь?

— Если не ошибаюсь, приезжал, чтобы закупить вина для артели.

Потом следователь обратился к Ниортава:

— Как поживаешь, Соломон?

— Лучше всех, батоно.

— Ночевал вчера у тебя Канкре на мельнице?

— Да, батоно, Канкре был у меня.

— Зачем же он пришел к тебе ночью?

— С утра мы должны были пойти на рыбалку.

— А который был час, когда он пришел к тебе, не помнишь?

— Поздно было, самое время ужинать крестьянину.

— И он больше никуда не уходил от тебя?

— Никуда, батоно.

— Откуда ты знаешь, может быть, он ушел после того, как ты заснул?

— Нет, батоно, наоборот, он спал, а я всю ночь работал. Канкре пьяный был — как улегся, так и спал беспробудно до самого утра.

— Ты не знаешь, чья это шапка? — спросил следователь, показывая ему папаху Коберидзе.

— Нет, батоно.

— Канкре пришел к тебе без шапки?

— Да, без шапки, батоно.

— Разве он без шапки ходит, этот ваш Канкре?

— Да, батоно, Канкре часто без шапки ходит. Он ведь не такой лысый, как я.

— Хорошо. Теперь ты мне вот что скажи, Соломон. Ты не заметил, был ли Канкре избит, когда он пришел к тебе?

— Я даже спросил, кто его так разукрасил.

— Что же он тебе ответил?

— Сказал, что он крепко побил одного человека.

— Он не назвал — кого?

— Я не спрашивал, а он не назвал.

Допрос ни к чему определенному не привел, так как не удалось установить, кто из двух — Канкре или Коберидзе — поднял упавшую в канаву папаху. А возможно, кто-то третий нашел папаху и, воспользовавшись ею, чтобы замести следы, совершил нападение на девушку.

Следователь вторично допросил Кетуа и Маруа. Но обе женщины, снова призвав в свидетели всех святых, поклялись, что не видели ни каракулевой папахи, ни того, кто нашел ее.

«Кто же напал на Нуну? — напряженно думал следователь. — Коберидзе? Канкре?». Трудно было предположить, чтобы кто-нибудь из:

них после драки, после того, как на месте происшествия появилась милиция, мог вернуться на дорогу и искать пропавшую папаху. К тому же, оба они — Коберидзе и Канкре — сильно избили друг друга: у Коберидзе под правым глазом огромный синяк и кровоподтек на подбородке, у Канкре же — крупные ссадины на носу и скулах. Не до папахи им было!..

Судя по всему, предстояло обнаружить третье лицо, которое и совершило, должно быть, преступление. Но кто этот человек?

Профессор Коринтели и его жена Медея собирались отправиться в Телави проведать своих родственников и осмотреть дворец царя Ираклия — местный исторический музей.

Приятное это путешествие откладывалось уже два раза. То неожиданно приезжал Цихистави, то заходил председатель колхоза. Они вводили Коринтели на участок, где закладывались виноградники, и он возвращался домой только поздно вечером.

Коринтели так увлекли колхозные дела, что он забросил даже свою научную работу «Грузинская ампелография»¹ и перестал лечиться, хотя врачи уже неоднократно предупреждали его о необходимости беречь свое здоровье.

Майя не успевала чистить костюм Вахтанга. Надев утром чистый, выутюженный костюм, он возвращался весь выпачканный, в грязи.

Коринтели не мог равнодушно наблюдать за работой. Частенько он сам брался за мотыгу, лопату или секатор и показывал колхозникам, как нужно ухаживать за лозой. Он, конечно, простуживался, заболел гриппом. Давало о себе знать сердце. Но стоило ему почувствовать себя лучше, как он снова включался в трудовой ритм колхозной жизни.

Когда на плоскогорье Девяти дубов закончилась посадка виноградных лоз, Коринтели выделил опытный микроучасток, названный им в шутку «Виноградником Грузии». На этом клочке земли было посажено по одному-двум саженцам из всех имеющихся в Грузии четырехсот пятидесяти сортов винограда: аладастури, алмура, авшилури, аричули, кларджула, мухамцване, тита, чанури, шавкапито, капистони, сакмиели, орола, чвитилури и многие-многие другие.

Бесконечно влюбленный в свое дело ученый хотел проверить, какие из этих сортов лучше всего приживутся на плоскогорье Девяти дубов, какие из них нужно здесь культивировать.

Много времени отнимали у Коринтели и поездки в Тбилиси на совещания и конференции.

Вот и пришлось с недели на неделю откладывать поездку в Телави.

Медея нервничала, сердилась. Телавские родственники были обижены, что она и Вахтанг так долго не приезжают к ним.

И вот, наконец, они твердо установили день отъезда в Телави — воскресенье.

Все, казалось, благоприятствовало этому. Они закупили подарки.

В воскресенье утром Коринтели получил из города легковую машину, выделенную ему правительством. Привыкнув разъезжать в парижских комфортабельных лимузинах, Медея каждый раз недовольно морщилась, когда ей приходилось ездить в чужой машине. Со дня возвращения из-за границы она только и мечтала о том, чтобы муж приобрел собственный автомобиль, чтобы у них была возможность объездить Кахетию, по которой она так тосковала в Париже, навещать, когда захочется, своих родственников.

¹ Ампелография — наука о сортах и видах винограда.

Но не успел еще Коринтели встать с постели, как Майя сообщила о ранении Нуны. Не обошлось, разумеется, без домысла: бандиты, мол, всю ночь продержали Нуну в лесу. Отважные трактористы не побоялись сразиться с ними и героически отбили тяжелораненую, умирающую девушку...

Как известно, в самой природе человека заложено желание не только выдумывать необычайные истории, но и слушать их.

Рассказывая, Майя сокрушалась о трагической судьбе несчастной девушки-сиротки.

Весть о покушении на Нуну взволновала Коринтели.

— Кто тебе рассказал эту историю? — спросил он Майю.

— Все село говорит об этом, — ответила Майя. — На рассвете я встретила Тедо, он сказал, что ждут следователя.

Медея знала, как трудно бывает мужу вставать утром с постели, если ночью ему пришлось поздно лечь. На этот раз, однако, Вахтанг быстро поднялся и начал надевать новый костюм.

— Зачем ты надеваешь этот костюм? Ведь мы же едем. Надень лучше дорожный френч и галифе. В машине новый костюм помнется.

— Костюм сменить — пустое дело, — думая о чем-то своем, ответил Вахтанг. — Посмотрим...

Медея расстроилась. Она поняла, что их долгожданная поездка в Телави могла снова сорваться.

Кто-то постучал. Надевая на ходу пиджак, Коринтели направился к двери.

Вошел шофер.

— Как дела, Андро?

— Плохо, батона профессор. Мы никуда не сможем сейчас поехать.

— Почему? — удивился Вахтанг.

— Карбюратор и насос засорились. Нужно разобрать и прочистить.

В другой раз это, вероятно, огорчило бы Коринтели. Сейчас же он искренне обрадовался тому, что машина не в порядке. Он беспокойно шагал по комнате, по балкону и думал о Нуно...

Часовая стрелка приближалась к девяти. Пришла Майя и передала, что хозяйка просит его к столу.

— Не ждите меня, — нервно ответил он, — садитесь, завтракайте.

Потом пришла Медея. Она была раздражена и обижена.

— Не заставляй меня ждать, Вахтанг. Давай скорее позавтракаем. Шофер сейчас исправит машину, и мы должны быть готовы к отъезду.

Коринтели, не желая выдать своего состояния, последовал за нею в столовую.

Когда Майя вышла, Медея сказала мужу:

— Что с тобой, Вахтанг? Ты и сегодня не собираешься в Телави?

— Кто тебе это сказал, Медико? — попытался утешить ее Коринтели.

— Во-первых, это видно из того, что ты не надел своего дорожного костюма и как будто не собираешься бриться, а, во-вторых, я не понимаю, что тебя так взволновало?

— Меня? Я вовсе не волнуюсь, Медико, просто мне неприятно было услышать, что в Бермухе случаются такие вещи.

— Не понимаю, что тут особенного, — сказала Медея. — Обычная история: какой-то юноша захотел похитить деревенскую девушку... Что же тут такого?

— Печально слышать, вот и все, — сдержанно произнес Коринтели. Сказав это, он выпил стакан молока, который обычно выпивал по утрам, и, сославшись на отсутствие аппетита, поднялся из-за стола.

Медея тоже встала и удалилась в свою комнату.

В это время Майя передала, что пришли Тедо Таралашвили и следователь Хидашели.

Коринтели спустился к ним во двор. Ахилл последовал было хозяином, но тот указал собаке на лестницу и приказал лечь.

Узнав о ходе следствия, Коринтели заметил:

— Я бы вот что посоветовал, товарищи. Есть у меня собака-ищейка. Может быть, она могла бы вам пригодиться.

И Коринтели через открытую дверь указал на Ахилла.

Следователь присмотрелся к собаке.

— У нас в милиции тоже имеются такие собаки. Жаль, что мы не взяли одну из них с собой. Что ж! Давайте попробуем и это средство. Если разрешите, профессор, то мы воспользуемся сейчас вашей собакой.

— Извольте, только я не уверен, пойдет ли Ахилл с кем-нибудь из вас.

— Пойдет, — уверенно произнес Хидашели. — Я умею подчинять себе собак.

Коринтели позвал Ахилла. Собака соскочила с лестницы и легко перепрыгнула через дворовую ограду вышиною в человеческий рост.

Подошел шофер Андро. Он сказал, что машина уже в исправности и можно ехать.

Медея находилась на балконе. Услышав, что сказал шофер, она спросила мужа по-французски:

— Мы поедem в Телави?

Коринтели смутился.

— Я вернусь через час. Ты будь готова к тому времени.

— Я давно готова, — зло ответила Медея.

Коринтели и Тедо посоветовали следователю повести Ахилла сначала в дом Кетуа. Так и поступили.

В доме Кетуа собаке дали понюхать остроконечную каракулевую папаху, затем Коринтели крикнул ей:

— Шерш!

Собака стала кружить по комнате, обнюхала пол, потом выбежала во двор, в ту самую дверь, из которой Абриа и Лео с таким трудом вытолкали Коберидзе и Канкре.

Собака привела людей, среди которых был и Годердзи, к старому дубу.

Здесь Ахилл несколько раз обежал вокруг пня, на котором сидел человек, которого видели Нуну и Годердзи, и побежал по направлению к мельнице. Путь ему преграждал ручей. След терялся.

Вернулись к старому дубу. Теперь Годердзи окончательно убедился в том, что преступление совершил человек, которого он прошлой ночью принял было за Лео Уджираули. Именно он преследовал их до того самого места, где Годердзи расстался с Нуну, и, воспользовавшись тем, что девушка оказалась одна, напал на нее.

Но и Годердзи, боясь поставить Нуну в неловкое положение, решил об этом никому не рассказывать.

У следователя, таким образом, не было прямых улик. Богатая практика привела Хидашели к одной непреложной истине: он знал, что правосудие похоже на обоюдоострый клинок. Замахиваться им следует крайне осмотрительно, в противном случае может получиться так, что в поисках одного виновника двум невиновным отрубишь голову.

Молча, словно поссорившись, сидели в машине Вахтанг и Медея, лицо которой было прикрыто шелковым платком. Она никак не могла простить мужу того, что из-за какого-то заурядного происшествия с какой-то заурядной крестьянской девушкой он заставил ее задержаться на целых три часа, тогда как в Телави их ждали к обеду родственники, достойные самого высокого уважения.

Машина мчалась по недавно гудронированной дороге, усыпанной песком. Колеса разметали этот песок, и крупницы его, ударяясь снизу о крылья машины, создавали монотонный тренькающий звук, похожий на звон маленьких колокольчиков.

Коринтели хотелось поговорить с женой, развеять ее дурное настроение. Неприятно было, что посторонний им человек, шофер Андро, является невольным свидетелем их размолвки.

Коринтели сказал:

— Видишь, Медико, какую чудесную дорогу сделали! А ведь две недели назад ее еще не было.

— Потому-то так и воняет гудроном, — грубо ответила она.

— Сказать по совести, меня этот запах не раздражает. Я люблю ту пыль, которая стоит в наших городах вокруг строящихся новых домов, радуюсь шуму стройки. Я люблю все, что говорит о возрождении нашей страны.

— Что поделаешь, мой Вахтанг; на вкус и на цвет товарищей нет, так, кажется, — язвительно ответила Медея. — Я не люблю ни запаха гудрона, ни пыли стройки. Всеми этому я предпочитаю запах духов «Коти». И вообще я хотела бы родиться в такое время, когда все строительные работы были бы уже закончены, и меня никто и ничем не беспокоил.

— Ах, вот чего ты хочешь, Медико, — ласково сказал Коринтели. — Ну-ка вспомни, как тащились мы обычно с тобой из Бермухи в Телави на старых повозках? Разве лучше было?

Медея не удостоила его ответом. Вахтанг посмотрел на часы.

— Через полчаса будем в Телави. Правда, Андро?

— Думаю, что раньше.

— Это меня устраивает, — заметил Коринтели, обернувшись к Медее. — Всего лишь один час занимает дорога от Бермухи до Телави. Можно будет в тот же день возвращаться домой.

Медея поняла, о чем говорил муж.

— Как, ты уже дал согласие телавскому институту? — встревожилась она.

— А что было делать! — ответил Коринтели. — Я, правда, человек беспартийный, но общая дисциплина и меня касается. Меня просили помочь телавскому институту виноградарства. Разве можно от этого отказаться?

— Да, но сколько времени мы будем еще жить в этой проклятой бермухской гостинице?

— Я ведь говорил тебе, что к концу месяца все устроится: нам построят домик в Гвелети.

Медея хотела возразить. Но она посмотрела на спину шофера и сдержалась.

Коринтели заметил это. И он горячо заспорил с тем, что не было сейчас высказано Медеей, но жило в ней.

— Тот, кто любит свою родину, должен примириться со многими трудностями во имя ее блага, — сказал он. — Государство — не курорт,

моя дорогая, чтобы каждый из нас мог выбирать наиболее приятное для себя место. Меня просили в свое время, как ты знаешь, остаться при кафедре в Монпелье. В Монпелье больше комфорта, нежели в Бермухе. Не так ли?!

— Эх, мой дорогой, — не выдержала все-таки Медея. — Родина всякого культурного человека может быть там, где ему хорошо живется, где есть комфорт, удобства...

Коринтели стоило больших трудов овладеть собой. Он сказал Медею по-французски:

— Так рассуждают только парижские снобы. Человек, у которого есть родина, не может так думать. Ты забываешь, что ты грузинка.

Медея ответила не сразу. Она на этот раз тоже прибегла к помощи французского языка.

— Знаешь, мой дорогой, — сказала она. — Не для того я отказалась от парижских салонов, чтобы коротать свой век в Бермухе, в этой темной медвежьей берлоге. Родина, о которой ты проповедуешь, это, по моему мнению, просто фикция. Моя родина там, где созданы лучшие условия для моей жизни. Красивые же горы и ущелья имеются в достаточном количестве и в Вогезах и в Швейцарии.

Они уже подъезжали к Телави. Только это и спасло Медею от гнева Коринтели.

Он открыл окно машины и чуть высунулся в него, с радостью ощутив ветер родных с детства мест.

Вот они, потемневшие от времени бастионы замка царя Ираклия. Детство и юность Вахтанга Коринтели прошли в его окрестностях. Он помнит еще то время, когда они казались ему страшным логовом, населенным сказочными дэвами. Потом, когда мальчик подрос, он никому не давал покоя своими расспросами о дворце, о его владельцах. Старый дьякон, служивший некогда в дворцовой церкви и хорошо знавший историю, долго рассказывал о тяжелой жизни царя Ираклия, о его походах и битвах. И все это крепко засело в памяти Вахтанга. Ему тогда казалось, что нет в мире замка более величественного, нежели этот. И теперь, проезжая мимо него, он испытывал тот же душевный трепет, что и в те далекие уже годы...

Машина свернула вправо, стала спускаться по узкой улочке и остановилась у дубовой калитки.

Когда Коринтели вошел во двор, ему сразу же бросились в глаза узловатые стволы дубов, состарившиеся деревья инжира и ореха, высохшие грушовые деревья, на ветвях которых, подобно сорочьим гнездам, виднелись наросты грибков.

На лестнице дома лежала старая облезлая овчарка. Она подняла голову, залаяла и попыталась встать, но не смогла и лишь посмотрела на пришедших своими слезящимися глазами.

Коринтели погладил крупную голову собаки с коротко обрезанными ушами.

Открылась дверь, и на балкон вышла сгорбленная женщина — тетя Текле. По ее сморщенным щекам потекли слезы. Высохшими руками она обняла Вахтанга, поцеловала его в глаза и стала причитать.

— Мое почтенье, мое почтенье! — слышался рокочущий бас, и представительный плотный старик вышел навстречу гостям. Широко раскинув руки, он заключил в объятия Медею, потом крепко прижал к своей богатырской груди Вахтанга.

— Услышав лай собаки, я решил опередить Текле, — сказал он, — подошел к двери и стал наблюдать, как ты поднимался по лестнице. И, знаешь, мне показалось, что это не ты, а Ростом, твой отец, встал из

гроба и вернулся к своему очагу, ей-богу! Ты хорошо знаешь, Вахтанг, что я никогда не признавал смерти, но в эту минуту я еще раз убедился в том, что ее действительно не существует.

— Давно известно, дядя Нико, — ответил Вахтанг, — чем ближе человек к старости, тем больше он становится похожим на своих родителей.

Тетя Текле причитала все громче и громче. Дядя Нико прикрикнул на нее.

Твердыми мужскими шагами пересекла балкон высокая женщина с длинной шеей, прямая и плоская, как доска.

— Тетя Варя, — воскликнула Медея и обняла ее. Расцеловавшись с Медеей, женщина с длинной шеей подошла к Коринтели и протянула ему для поцелуя свою костлявую руку. Она проделала это с таким выражением лица, с каким надменные старые барыни встречали обычно своих управляющих или бедных родственников.

Когда все вошли в гостиную, тетя Варя уселась в дряхлое, с проваленным сиденьем кресло и холодными, прищуренными глазами уставилась на поседевшие виски Коринтели. Трудно было определить, рада она или недовольна тем, что видит его. Коринтели, в свою очередь, тоже изучающе смотрел на тетю Варю. Он обнаружил, что на верхней губе у нее проросли уже поседевшие густые усики, а волосяной покров на щеках и подбородке делал ее неприятно похожей на мужчину.

Коринтели всегда была противна эта женщина, тетка его жены, высокомерная и чванливая представительница княжеского рода Даддани, которую в шутку называли «дядюшка Варя».

Справа и слева от камина висели старые картины и выцветшие фотографии. Коринтели перенес свой взгляд на них. Вот его мать. Рядом — младшая сестра Нана. Трое умерших уже дядей. Здесь же почти совершенно поблекшие портреты представителей разных поколений рода Коринтели — дед с длинной седой бородой и прадед, наконец, отец — в форменной одежде землемера.

Гости умылись с дороги. Дядя Нико взял Вахтанга под руку, подвел к длинному столу и усадил рядом с собой.

Разрушающая сила времени коснулась всех, кроме него. Казалось, что этот незаменимый тамада, убежденный эпикуреец, прирожденный Дон-Жуан остался таким же, каким был в юности. Годы изрядно посеребрили густую гриву его волос, длинную волнистую бороду; они покрыли кончик его слегка горбатого носа и скулы тончайшими красными прожилками, его благородное овальное лицо стало как бы крупнее, но время не смогло заставить этого человека состариться, отказаться от вина, от женщин... И голос у этого старика был мощным и зычным. Красные, толстые, чувственные губы и крепкие, сверкающие белизной зубы — все говорило об огромном запасе жизненных сил.

Коринтели то и дело с улыбкой оглядывал развеселившегося дядю Нико, его пальцы с желтыми, как шпоры старого петуха, ногтями, и думал про себя: «Если бы какой-нибудь художник пожелал бы изобразить Бахуса, то лучшей природы, чем дядя Нико, ему не сыскать».

Медея корила Вахтанга, говорила, что дядя Нико рассердится на них за опоздание. На самом же деле произошло нечто другое, ею непредвиденное.

— Хорошо, что ты запоздал, — сказал дядя Нико, — у меня есть свои соображения, я сообщу их тебе позже.

Дядя Нико знал, что если бы Вахтанг и Медея приехали часа на

два раньше, то его жена — тетя Текле обязательно вспомнила бы своего покойного брата, женщины подняли бы плач и пожелали бы немедленно пойти на кладбище. А дядя Нико больше всего на свете ненавидел плач, кладбище. Семейное пиршество, к которому старательно готовился этот влюбленный в жизнь человек, было бы, разумеется, испорчено. Неприятно было, что за столом такое множество женщин, одетых в траур. Дядя Нико сказал Вахтангу:

— Пригласил я сегодня директора школы и трех учителей, да какая-то комиссия приехала из Тбилиси и задержала их. Знаешь, кого еще я позвал? Доцента Зураба Арадели, твоего друга юности, того, что учился вместе с тобой за границей.

— Почему же он не пришел?

— Не знаю, право. Сегодня я хочу насладиться рассказами о ваших путешествиях. Куда и как ездили? Где что видели?

Коринтели ответил:

— Из Константинополя мы поехали в Бомбей, объездили Цейлон, Яву, Мадагаскар, Голландскую Индию, добрались до Токио, оттуда — в Нью-Йорк и Вашингтон. Потом мы путешествовали по Южной Америке, были на острове Гаити, оттуда отправились в Барселону. Из Испании поехали в Италию, пересекли Грецию и через Стамбул вернулись домой.

— Циствала! — позвал Нико.

Появилась девочка с голубыми глазами.

— Ступайте в марани — ты и Леван — и принесите вина.

Дядя Нико сказал Вахтангу:

— Дорогой мой, уважь старика. Я хочу сегодня выпить с тобой. Три рога — за светлую память усопших. Остальные тосты будем пить кувшинчиками. Помнишь, отец твой любил пить кувшинчиками?

Циствала и соседский мальчик Леван принесли вино.

— Слушай, Леван, — весело сказал мальчику хозяин. — Ты видишь, как подвели нас гости, не можем же мы пить вместе с этими женщинами, иди, поддержи нас.

Мальчик заморгал своими длинными ресницами и, застенчиво улыбаясь, сел между одетыми в черное женщинами, похожими на ворон.

— Боже великий и хвалы достойный, — нарочито торжественно произнес дядя Нико, исполняющий и на этот раз почетную роль тамады. Он наполнил рог вином и вручил его Вахтангу.

— Что за вино? — тихо спросил Коринтели.

— Пей и разберись сам, — ответил дядя Нико. — В старом вине столь же трудно разобраться, как и в молодой женщине. Не так ли?

Вахтанг засмеялся.

— Общим свойством людей, — продолжал хозяин, — является то, что они предпочитают хвалить уже сотни и тысячи раз хваленые вещи, воздерживаясь от похвалы чего-либо нового, так как для того, чтобы хвалить новое, нужно обладать еще и способностью его обнаружить. Сумеешь ли ты это сделать? Геройство не в том, чтобы хвалить известное, а в том, чтобы хвалить то, чего еще не хвалили.

Слова дяди Нико развеселили Коринтели. Ему было хорошо в отчем доме. Он вспомнил свою молодость, и, несмотря на протесты Медеи, осушил рог до дна и опрокинул его горлышком вниз, чтобы показать тамаде, что вино выпито.

Появились новые гости.

— Добро пожаловать, — приветствовал их тамада.

¹ Циствала — женское имя, букв. небесноглазая.

Коринтели заинтересовался ими. Дядя Нико шепотом объяснил: — Тот, что с длинной шеей, — Дадиани, другой, с большой головой — Вачнадзе, а лысый — Цероденашвили, здесь его называют проше — Цероденой¹; кажется, он инженер.

— Чем же занимаютя те двое?

— Дадиани — зоотехник, Вачнадзе — работает инструктором на тбилисском ипподроме; оба они дальние родственники твоей жены, пришли ко мне, вероятно, по делам, как к ветеринару.

Дядя Нико явно обрадовался тому, что число собутыльников увеличилось. Он стал красноречивее, шумнее.

Коринтели же, отвыкший от вина, почувствовал, что уже первый рог одолел его. Учащенно забилося сердце. Он попросил тамаду:

— Не заставляй меня пить.

Но дядя Нико всячески старался развеселить Вахтанга. Ему понятно было его состояние. Вернуться в отчий дом и застать только пожелтевшие портреты покойников, старую тетку и беспомощную собаку...

Итак, тамада хотел вином и шутками развлечь Вахтанга. Поэтому он и сказал:

— Ты не знаешь, какая прелюбопытнейшая история случилась со мной прошлой осенью!

— Какая? — насторожился Коринтели.

— А вот какая, — улыбнулся дядя Нико, обнажив свои желтые, как кукурузные зерна, зубы. — Когда-то я от тебя, если не ошибаюсь, слышал, что Эмпедокла очень интересовало, что происходит в глубинах земли. Для того, чтобы узнать это, он прыгнул в кратер Этны. А потом, спустя несколько лет, во время извержения Этны из ее кратера вылетели сандалии Эмпедокла.

— Да, помню, дядя Нико, я рассказывал тебе эту легенду, — подтвердил Коринтели.

— Но со мной произошла еще более удивительная история, — смеялся дядя Нико. — Ты знаешь, царь Ираклий всю жизнь боролся против турок, персов, лезгин... Я же, чтобы не отстать от него, боролся с болезнями скота, бруцеллезом, сибирской язвой и больше всего, как ты догадываешься, с вином. Ты, вероятно, помнишь отцовскую или, точнее, дедовскую амфору в вашем подвале, первую слева, которая выглядывала из земли, как кратер Этны? Чтобы чистить ее изнутри, в нее по лестнице влезали два парня. Так вот, в прошлом году я купил виноград в Цинандали. Отжали его. Поставили лестницу. И я с Леваном влезли в амфору, помыли. Потом залили ее вином и знаешь, что произошло со мной?

— Что? — с любопытством спросил Вахтанг.

— А вот что. Я наклонился, чтобы посмотреть, сколько еще вина вместит в свою ненасытную пасть амфора, оперся об ее край обеими руками, а я был выпивши, поскользнулся и полетел вниз головой. Слава богу, оказался рядом Леван. А то выбросило бы наверх молодое бродящее вино мои сапоги, как Этна сандалии Эмпедокла!

Дядя Нико от души хохотал.

Леван осушил по приказу тамады второй рог и почтительно спросил, кому его передать. Оказалось, что все мужчины уже выпили. Тогда тамада распорядился передать рог «дяде Варе».

Тете Варе явно не понравилось то, что ее называли так на людях, но она лихо опорожнила рог и обратилась к Коринтели:

— Если ты мужчина, выпей еще.

¹ Церодена — величиной с пальчик.

Коринтели ничего не оставалось, как принять из ее рук наполненный рог.

Дядя Нико знал, что Вахтанг болен гипертонией. Однако, как всякий любитель вина, он считал, что оно-то и есть лучшее лекарство от всех недугов. Он провозглашал тост за тостом, то за светлую память покойной матери Вахтанга, то за светлую память его отца и следил за тем, чтобы Вахтанг, как и все, пил. Медее удалось добиться лишь того, что рог заменили маленькими кувшинчиками.

Тетя Варя заметно опьянела. Коринтели сидел далеко от нее на противоположном конце стола. Но и он видел ее возбужденное, покрасневшее лицо. Она без устали дымила папиросой и, беседуя с Медеей, оживленно жестикулировала.

Говорила она на старомодном французском языке, манерно, как учили в прошлом веке.

Несмотря на веселый шум, поднявшийся за столом, до уха Коринтели долетало кое-что из того, что говорила тетя Варя. И это не могло его не заинтересовать.

— Ты не так уж счастливо выбрала себе мужа, — говорила тетя Варя. — Во-первых, он старше месье Шаркутье, фотографию которого ты мне прислала; тот выглядит довольно галантным джентльменом. А главное — мне очень не нравятся манеры Вахтанга. Такого человека в приличном обществе и за стол не посадят. Твой муж походит более на простого мужика, чем на ученого.

Медее что-то сказала на ухо своей тетке — она, вероятно, просила ее говорить не так громко. Но тетю Варю трудно было уже унять. Она зажгла очередную папиросу и продолжала:

— Я не люблю, дорогая, этих агрономов и зоотехников. Вечно от них пахнет картофелем и навозом. Не скрою и того, что я вообще ненавижу людей плебейского происхождения, так как они лишены не только средств и галантности, но и фантазии. И это само собой понятно. Людям, которые день и ночь имеют дело с животными, птицами и растениями, передается скотское поведение и тупоумие. Кроме того, твой муж — внук дьякона, а известно, что они, дьяконы, — люди тупые...

К столу подавали все новые и новые угощения. Дядя Нико, толкая под локоть Коринтели, просил его отведать то одно, то другое.

— А вот твой любимый матушкин хлеб¹. Ты объездил весь свет, но, скажи по совести, разве есть где-нибудь такой прекрасный хлеб? А вот курица с чесноком, гранатовый сок... Иф, иф! Все выбрано по твоему вкусу, ей-богу. Как видишь, я не равняю себя с царем Ираклием, но от его сына² — любителя поесть — не отстаю. Что касается еды и питья, то я, дай боже, в этом деле не ударил бы лицом в грязь даже перед принцем Уэльским.

Когда принесли жареного поросенка на вертеле, дядя Нико от удовольствия даже подскочил.

— Смотри, смотри, Вахтанг, как он зажарен! От такого и у абиссинского негуса потекли бы слюнки!

— Зачем брать так далеко, дядя Нико? Ты забыл короля Британии?

— Что делать, мой дорогой, революция так разогнала царей, императоров, королей, что искать их приходится либо в Африке, либо в Англии. Ха-ха-ха!

Вахтанг тоже от души смеялся. Иногда он поглядывал на сосре-

¹ Матушкин хлеб — вид грузинского хлеба.

² Один из сыновей царя Ираклия, впоследствии Георгий XIII, отличался чрезвычайной любовью к кутежам.

доточенные лица двух женщин в конце стола. Медея ухватила за руку тетки и что-то таинственно шептала ей.

Теперь дядя Нико расхваливал курицу, приправленную укропом и перцем. Но Вахтанг не слушал. Его чуткий слух ловил слова тети Вари:

— Что? Должны жить в Бермухе? *Mon Dieu, mon Dieu!*¹. После того, как тебе, дорогая моя, надоели чудесные Фобург, Сен-Жермен, «Мулен-Руж», кафе «Наполеон», «Трокадеро», Плас де ла Конкорд, Гранд-Опера, Виа Колумбие, ты должна наслаждаться обществом бермухских крестьян! Да я всю жизнь мечтала посетить эти святые места. Сколько времени ожидала визу. Ах если бы я была там, разве я позволила бы тебе развестись с месье Шаркутье. *C'est dommage, c'est dommage*².

Тамада поднял выпитый им кувшинчик и предложил всем опрокинуть свои кувшинчики, показать тем самым, что они пусты, и поставить их перед собой.

Раньше всех проделали это «дядя Варя» и тот гость, которого дядя Нико окрестил Цероденой.

Коринтели услышал пьяный голос тети Вари. Она уже никого не стеснялась:

— Родина! Родину может любить только ограниченный человек, дорогая. Аристократии родина так же нужна, как пятая нога лошади. Только рабочим и крестьянам нужно то, что называет твой муж родиной.

До чего терпелив был дядя Нико, но тут он не выдержал. Перебивая болтовню тети Вари, он сказал Коринтели:

— Тебе, как агроному, лучше меня должно быть известно, что дольше всех плодов на ветках остаются груши. Поздней осенью осыпаются грецкие орехи, миндаль, каштан и унаби. А на груше всегда остаются два-три плода до самого конца декабря, когда иней уже покрывает деревья. Посмотришь и видишь — где-то на верхушке осталось на ветке несколько плодов, и такие они черные и сморщенные, что если и упадут на землю, то их даже свинья не съест. Тетка твоей жены — еще хуже. Вот уж, действительно, только могила горбатого исправит. Эта самая «дядя Варя» лезла на стенку, когда узнала, что племянница ее выходит за тебя замуж. Она скулила, злословила, что Медико, мол, миллионы бросила на ветер. Дай боже тебе здоровья столько, сколько раз мы ругались с Варей.

— Эх, что делать, дядя Нико, — с горечью произнес Коринтели. — Сознание людей — не такое уж простое дело. Такие, как тетя Варя, и после революции ничему не научились.

Дядя Нико сострил:

— Говорил же великий Илья³: все знают, что представляет собой хороший князь, каким же должен быть плохой, а?

Коринтели думал о многом, но сказал коротко:

— Высохшие груши в конце концов упадут на землю. Собака лает, караван идет...

Появились еще гости: доцент Зураб Арадели и учитель Чхетиани. Увидев Арадели, тетя Варя прошипела:

— Вот еще один красный профессор.

Зураб Арадели был автором многих известных трудов о вредителях

¹ Боже мой, боже мой. (Фр.).

² Как жаль, как жаль. (Фр.).

³ Илья Чавчавадзе.

грузинской флоры и способах борьбы с ними. Коринтели сердечно обнял друга студенческих лет, с которым он два года назад объездил многие страны мира.

Взыскательный тамада «оштрафовал» опоздавших гостей рогом вина.

— Я знаю, вы сейчас начнете рассказывать о тараканах и кузнечиках, — сказал он Арадели. — Лучше расскажите, где видели больше красивых женщин, или что где пьют люди.

Поток веселья не захватил еще Арадели, он не расположен был шутить.

— Пьют всюду разное, — ответил он сдержанно. — Важно не это, а то, что кофе, которое с удовольствием пьют в Париже, Берлине, Лондоне, Вашингтоне, тяжело достается населению Малакки и Явы. Там у крестьян, да и не только у крестьян, зубов от него во рту не осталось: они ведь пьют его на голодный желудок, а это вызывает болезни желудка и выпадение зубов.

Но дядя Нико не мог вести серьезные разговоры. Он приказал наполнить кувшинчики и выпить за здоровье вновь прибывших.

— Пусть к добру будет их приход! — воскликнул он.

Только выпили за Арадели и Чхетиани, как появились новые гости. В столовую вошли три женщины. Одна блондинка, другая — брюнетка, а третья — с каштановыми, красноватого отлива волосами. Едва заметные веснушки покрывали ее удивительно белое лицо. Женщина эта, образно говоря, была похожа на плодоносную кахетинскую осень, когда в винограде преобладают янтарные цвета, а в листьях — красный — цвет спелого граната. Она привлекла к себе десятки глаз, среди них — глаза Коринтели.

Женщина была ему знакома. Но где и когда он ее встречал? Она была очень похожа на Нуну Уджираули. Только эта выше и полнее Нуну.

Коринтели вспомнил счастливые минуты, которые он провел на мельнице Ниортава, шум мельницы, крик диких гусей, лунную ночь... и Нуну. Он подумал: «Удивительно, неосуществленные желания оставляют более глубокий след в нашей памяти, чем желания осуществленные».

Дядя Нико изощрялся в новых и новых тостах. Когда он поднял кувшинчик за тетю Варю, в комнате потух свет. Гости всполошились. Дядя Нико, соблюдая спокойствие, сказал Вахтангу:

— Слава богу, что ночь распростерла надо мной свой покров, а то я должен был произнести совсем бесстыжие похвалы.

Внесли старомодные керосиновые лампы на огромных ножках. В век электричества они выглядели какими-то ископаемыми чудовищами.

...Коринтели думал о женщине, показавшейся ему знакомой. Как хороша ее голова на высокой шее, ее обвивающиеся вокруг головы косы, окруженные сейчас тем сиянием, какое бывает обычно у горящих веточек сухой лозы.

Есть своеобразная грань между знанием и незнанием, сомнением и догадкой, понятным и непонятным. Коринтели преодолевал ее. Он, кажется, вспомнил, где и когда видел эту женщину.

— Скажи, пожалуйста, дядя Нико, ведь это Суския Миндели, не так ли?

Вместо того, чтобы просто подтвердить это, дядя Нико накинулся на него:

— Ты опьянел, что ли! Неужели ты до сих пор не узнал Сускию Миндели, дочь пекаря Луки? Насколько я помню, ты даже влюблен был в нее в юности.

Да, это была именно она — дочь пекаря Луки, Суския.

Коринтели от всего сердца улыбнулся ей. В ответ и на ее лице промелькнуло еле заметное движение, свойственное обычно сдержанным женщинам: не улыбка, а ее тень.

Теперь-то вспомнилось Коринтели, что в тот год, когда он и Медея уезжали учиться в Тбилиси, Суския поступила в заведение святой Нины.

И, думая о своем, Коринтели спросил:

— А я не помню, дядя Нико, почему дочь пекаря Луки называли таким странным именем.

— Точно не знаю, но слышал, что какой-то иностранный художник приехал в Телави рисовать Кахетинский Кавкасион. Он часто, говорят, ходил к пекарю Луке на дом, за грузинским хлебом. Жена Луки скончалась во время родов, оставив ему дочку. Художник сдружился с пекарем и нарисовал его портрет. Ему понравилась и его маленькая девочка. Он нарисовал и ее, назвав ее именем возлюбленной Рембрандта — Саскии. Потом это имя — Саския — переделали на Сускию.

Теперь Коринтели вспомнил и то, что Суския Миндели была в юности такой же худенькой, как и Нуну Уджираули. Она была воплощением той красоты, которую изображали в своих скульптурах древнегреческие мастера.

Дядя Нико сказал:

— Эта девочка нам так нравилась, что я и твоя тетка Текле называли ее нашей будущей невесткой, чем и заставляли тебя, бедняжку, краснеть.

Коринтели подумал: «Кто знает, может быть, я и был бы более счастлив, если бы взял в жены дочь пекаря». Но он не высказал этого вслух.

Он только спросил:

— Дядя Нико, что теперь делает Суския?

— Она врач. Работает в здешней больнице. Почему-то не пожелала выйти замуж. Живет неподалеку от нас, в маленьком домишке, вместе с отцом. Лука и по сей день пекарь. Уж не сожалеешь ли ты, Вахтанг, что не женился на ней?

— Как сказать, — ответил Коринтели. — Жалеть о чем-нибудь свойственно обычно бесхарактерным людям. Я ни о чем не жалею, что было сделано мною в сознательном возрасте. Однако...

— Что, однако?

Коринтели разоткровенничался:

— Я уважаю Медико, но ее окружение не нравилось мне раньше и, тем более, не нравится теперь. Я верю тебе, как собственному отцу, дядя Нико, и потому говорю это. Эти люди оскорбили и осквернили мое чувство к Медико.

Дядя Нико сказал:

— Жаль, что у тебя нет детей.

— Я и сам очень переживаю это, — согласился Коринтели. — Не могу равнодушно пройти мимо ребенка. Хочется прижать его к груди, назвать своим.

Из-за стола поднялась Медея. Она была грустна. Дядя Нико проводил взглядом ее гордо выпрямленный стан, покатые высокие бедра и, наклонившись к Вахтангу, сказал:

— После того, как вино тебя одолело, ты не спускаешь глаз с Сускии. Это, кажется, заметила Медико и потому оставила нас.

Коринтели пропустил мимо ушей его слова. Тогда дядя Нико вернулся к предыдущему.

— Я каждый день с горечью смотрю на этот длинный балкон, где

когда-то скакали на палках-лошадках ты и покойная Нана. Меня бог тоже наказал тем, что не дал детей. И, как видишь, пуст этот прекрасный грузинский балкон с резными перилами. Недавно приехал ко мне один хевсур, попросил лекарство от сибирской язвы. Текле была больна, и я не мог его угостить обедом. Вынес сухие фрукты, вино. Хевсур поблагодарил и вынул из кармана хачи.¹ Поев, он посмотрел на наш балкон и спросил: «Где твои дети?» Я ответил: «Нет у меня». «Жена-то есть?»—«Есть». «У нас,—сказал он,—если у жены нет детей, ее или выгоняют, или, с ее согласия, берут себе вторую жену. Семидесятилетние старцы женятся у нас, если они чувствуют приближение смерти и у них нет детей». Я не женился вторично только из-за уважения к вашей семье. Советую тебе иметь детей, позаботиться об этом вовремя. Когда тебя не станет, кто-то, похожий на тебя, все-таки останется там, откуда тебя изгонит природа. Если бы я был молодым, как ты... Ты лучше меня знаешь, Вахтанг, что сила и красота природы — в размножении, а не в иссякании. Мой покойный отец не был ни врачом, ни агрономом, он был темным, неграмотным человеком. Круглые сутки твердил он братьям: «Вырубите и сожгите неплодоносные деревья, зарежьте яловых коров и разводите с бесплодными или не желающими рожать женами».

Увидев тебя сегодня поднимающимся по лестнице, я обрадовался еще и потому, что подумал: воскрес и вернулся из дальнего путешествия твой отец — Ростом. Горе нам, если мы так умрем, что после нас никто не поднимется по ступеням родного дома, никто не посмотрит на мир нашими глазами, никто не вернет природе наших голосов, не наполнит молодой жизнью затихший наш сад, наш винный погреб и наш двор.

Послышались громкие голоса Зураба Арадели и тети Вари. Арадели что-то рассказывал. Тетя Варя с ним спорила.

— Громче, громче, чтобы и мы слышали,—крикнул Нико.

— Вы должны были бы видеть, в каких ужасных условиях находится малаец-крестьянин, хотя бы работая на рисовом поле,—говорил Арадели. — Плугом, запряженным парой буйволов, пашет он болотистую землю. Подрастет рис—и по этим болотам начнут шагать босоногие женщины и дети. Созреет рис — нужно срезать колосья ножом. Бесчисленное множество птиц налетает тогда на поля. Люди оставляют свои жилища и, вооруженные бамбуковыми палками с навешанными на них тряпками, дудками, барабанами, выходят спасать урожай. Полуголые, бродят они с восхода до заката, под палящими лучами солнца, среди змей и ядовитых ящериц.

— Фуй, фуй, совсем испортил настроение этот Зураб,—визжала тетя Варя,—Циствала,—завопила она,—неси скорей пандури².

Не слушая больше Арадели, она взяла пандури и, заиграв на нем, стала заунывно напевать:

Царевича Ираклия,
вскормленного оленихой,
в дремучем лесу затерянного,
охотник нашел.

Но Арадели продолжал свой рассказ:

— В Сингапуре я и Вахтанг взяли себе в гиды малайца, который обещал показать нам крокодилов и попугаев. Мы бродили с ним целый день по джунглям, но так и не увидели ни крокодилов, ни попугаев. Тогда раздосадованный малаец сказал, что англичане содрали шкуры

¹ Х а ч и — сухое мясо, которое берут в дорогу.

² П а н д у р и — народный, щипковый музыкальный инструмент.

со всех крокодилов и у всех попугаев выщипали перья. Ими украшаются, мол, теперь их дамы, чтобы понравиться своим любовникам. И ма-лаец горько рассмеялся.

А тетя Варя, монотонно брэнча на пандури, пела новую песню:

Люблю тебя,
прекрасная Кахетия,
рощу большой Алазани,
оленья в чаще лесной,
Иори многоводную.

Арадели же, возвращаясь к недавнему спору, продолжал горячо говорить ей:

— Почему вы думаете, что у Индии и Китая было меньше культуры, чем у Германии, Англии, Франции, Америки? Индия и Китай — колыбели древнейшей культуры.

Но тетя Варя была неприступна. Она не выпускала пандури из рук:

О фазан, притаившийся
в кустах,
красивый, пестрый.
О Шираки — мать наших овец...

Коринтели, слушавший Арадели, поддержал его:

— Американцы кичатся своей культурой. Они на всех смотрят сверху, с высоты своего Бруклинского моста. А ведь и им многому можно поучиться и у той же Индии, и у того же Китая. Я уже не говорю о нашей стране.

Этого уж тетя Варя не выдержала.

— Я вижу, ты и Зураб настоящие большевики, — язвительно процедила она. — Неужели так уж и нечему было вам поучиться в Европе и Америке?!

— Чему нужно было — тому научились, — спокойно и твердо произнес Коринтели. — Но их человеконенавистнические теории нам — увы! — не привились. Возможно, они у вас найдут сбыт.

Неизвестно, какой оборот принял бы этот разговор, не появившись Циствала. Она подошла к дяде Нико и что-то ему шепнула. Тот быстро вышел на балкон.

— Войдите, прошу вас, на одну минуту, — упрашивал он кого-то.

— Некогда, мой Нико, благодарю, в воскресенье мы должны гнать отары на Качал-гору, а у нас несколько ягнят подохло. Боюсь, как бы не было сибирской язвы. Наш зоотехник болен и, если он не поправится, я сообщу вам — и тогда приезжайте послезавтра в Кварели.

— Пожалуйста, но только я вас сейчас не отпущу.

— Я не одет, как полагается гостю. Иду с поля. Ну разве можно войти в комнату в таких грязных сапогах?

— Там нет никого, кроме Вахтанга Коринтели и Зураба Арадели. И дядя Нико ввел в комнату секретаря райкома Цихистави.

(Продолжение следует)

ЗА НИМ ВСЯ РОДИНА СТОЯЛА

Перевод с грузинского Р. Портнова

Когда на волны
Сумрак давит тяжелей,
Чудесна даль лазоревых небес...
Идет по морю много кораблей,
Но якорь ни один не бросит здесь.
Стоят у маленького дома рыбака
Два брата,
Два высоких бамбука.
Старик уставший отдыхает,
Может, спит.
Морской прибой у берега шумит.
Что это? Море? Море—или сын
Пришел согреть
Своим родным теплом
Безмолвный холодок его седин?..

Ложится свет меж сыном и отцом.
Огонь...
Железо...
Севастополь...
Бой...
Безвестному герою обелиск...
Гремел над миром грозовой прибой —
И сына потерял тогда старик.
Шумит то море,
Или сын-матрос,
То чайка, или он взмахнул рукой,
Глаза его, или мерцанье звезд

С небес струят сиянье и покой?
Встань, встань, отец,
Ведь ты силен еще,
Как старый дуб, ты крепок и высок!
Ему вся Родина подставила плечо,
И в час борьбы он не был одинок.
Он вырос, маленький,
Сильней стократ,
Героем стал сынок любимый твой!
Он родником вернулся в этот сад —
Растут деревья, шелестят листвою.

...Лучи ласкают старика,
Теплы, легки;
Над головой седой
Дрожат листочки тополя.
Он слышит — запевают моряки
О бое жарком,
Что гремел под Севастополем...

* * *

Перевод с грузинского М. Гробмана

...И море в неизбывно-пенной муке
Спешит залить земли сухой накал,
И волны, так похожие на руки,
Дрожат, цепляясь за обломки скал,

И песня девочки осталась недопетой,
Умолкла в страхе, слыша грозный вой.
И брызги — как хрустальные браслеты,
Надетые на яростный прибой.

РУСТАВИ

РОМАН

(Продолжение)

Перевод с грузинского Т. Гамкрелидзе

* * *

Весь этот день Арчил собирался позвонить домой и узнать, вернулась ли Талико, как они встретились с отцом и как принял Нико появление двух детей.

Арчил должен был увидеть Талико в управлении завода, но там ему сказали, что она забегала на минутку в то время, когда он уехал в Дидубе к молодежи, и больше не заходила.

После собрания, улучив момент, он выбрался из барака и побежал на лесобазу, чтобы позвонить домой. Ему пришлось пролезть через проволочную ограду в конце двора и перешагнуть канаву. Поблизости стояла сколоченная из досок будка. Ветер то и дело распахивал дверь, позволяя разглядеть маленькую комнатку с железной печкой, столиком и телефоном на стене. Сюда можно было прийти и воспользоваться телефоном в любое время — будка никогда не запиралась.

Арчил вошел в будку. Набирая номер, он почувствовал, что слегка волнуется.

В разбитое окно виднелась голубая полоска неба. «Как они там встретились с отцом?» — тревожно думал Арчил и уже стал сомневаться — все ли обошлось благополучно.

— Слушаю, — прозвучал в телефоне протяжный голос Нико.

— Папа, это ты? — спросил Арчил.

— Арчил? Пожалуйста, молодой человек, домой, и я дома поговорю с вами, — ответил Нико и повесил трубку.

Арчил услышал в телефонной трубке сигнал отбоя и ни с чем отошел от телефона.

Уже темнело. Спокойные, величественные облака напоминали фантастические замки. Между ними, на западной стороне блестело прозрачное, как стекло, небо.

Арчил почувствовал, как тоскливо защемило сердце. Ему теперь совсем не хотелось идти домой.

Возле барака стояла директорская машина. Гогебашвили о чем-то горячо спорил с Джибо Бенделиани. Увидев Арчила, он закричал:

— Где ты до сих пор? Мы ждем тебя целый час. Садись!

Арчил еле уместился на сидении, которое уже заняли три человека.

Директор сел рядом с шофером, захлопнул дверцу и сейчас же повернулся назад:

— Правда, неплохие ребята, Арчил? Если все окажутся такими, как твоя группа, все будет хорошо.

Как только машина выехала на улицу, директор снова обернулся:

— Лишь бы они сумели выдержать холода русской зимы.

— Выдержат, — ответил Арчил.

— Я все же беспокоюсь, как они будут вести себя. Ведь, как бы там ни было, это еще мальчишки, и пройдет немало времени, пока они возмужают.

Директор продолжал разговор, но Арчил его уже не слушал. Он ушел в свои мысли.

Машина проехала Плехановский проспект, у киностудии завернула к мосту Челюскинцев, миновала его и приблизилась к стоквартирному дому: кто-то из ехавших здесь сходил. Но не успели остановиться, как раздался треск лопнувшей камеры.

— Когда торопишься, всегда так! У тебя хоть запаска есть? — спросил шофера Гогешвили.

— Сейчас сделаем, — уклонился тот от прямого ответа и выскочил из машины. Осмотрев спущенный скат, он попросил сидевших сзади выйти, поднял сидение и вытащил домкрат.

— Я пошел пешком, — объявил Арчил.

— Подожди, скоро поедem, — сказал директор.

— Пока заменит колесо, я уже буду дома. Поднимусь по Варазисхеви, здесь близко.

— Ну, как знаешь. До завтра.

Арчил быстро зашагал через площадь. Ему не терпелось поскорее добраться до дому. Особенно неприятной была мысль о том, что отец мог позволить себе бестактность и дать почувствовать Талико свое недовольство.

Он перешел мостик, повернул вправо и пошел по тропинке.

За речкой, в зоопарке, царила тишина. Шагов через сто тропинка сворачивала налево. Отсюда начинался овраг Варазисхеви. Было довольно темно. Днем по этой дороге ходило много народа, а теперь не было ни души. Тропинка шла по краю оврага, в темноте можно было легко свалиться. Но Арчил часто пользовался этим путем и сейчас шел быстро, без опаски.

* * *

Застав дома незнакомую женщину с детьми, Нико совсем растерялся. Самые противоречивые мысли овладели им. Он не знал, как ему поступить — разгневаться ли на сына или примириться с судьбой и принять молодую невестку. Кроме этого, его мучили еще многие другие сомнения. Так или иначе телефонный звонок Арчила окончательно лишил Нико равновесия. Такое неопределенное состояние не могло продолжаться долго.

Талико словно угадал настроение старика и подошла к нему. Молодая женщина очень просто, двумя-тремя словами дала понять, как неловко она чувствует себя, очутившись с детьми в чужой семье и причиняя столько беспокойства. Нико не нашелся, что ответить.

В замешательстве он приблизился к детям, но, когда увидел, что ни девочка, ни мальчик не чуждаются его, неожиданно смягчился.

— Идите, дети, ко мне, идите, — протянул он обоим руки, но Марта вдруг рассердилась:

— Не дотрагивайся до них! Ты только что пришел с улицы и изволь вымыть руки... Переоденься, а потом ласкай внучат сколько угодно.

— Ах, какие хорошие дети! — сказал Нико. «Внучата, гм... — произнес он про себя, — внучата», — и отправился в ванную.

Он не понимал, что с ним происходит, отчего настроение его изменилось, а, может быть, не хотел даже самому себе признаться в этом. Нико долго плескался в ванной. Вернулся он в столовую свежий, оживленный и сразу же подсел к детям.

Помолчав немного, Талико сказала:

— Дядя Нико, вы, конечно, поражены, откуда, как снег на голову, взялась я с детьми?

— Нет... почему же... — неловко забормотал Нико и придвинул стул к обеденному столу. По-видимому, дело обстояло вовсе не так, как ему показалось, но сейчас, должно быть, все разъяснится.

— Я прекрасно сознаю, что беспокою вас, но, честное слово, я тут не при чем, — продолжала Талико.

— Помилуй бог! Чем ты, детка, можешь меня беспокоить? — прервал ее Нико. — Не то, что ты, если моему сыну вздумается привести в дом тридцать человек, я и то не скажу ни слова...

На минуту они замолчали. Нико очень хотел услышать, что же собралась открыть ему гостья, но, ощутив неловкость, заговорил о другом.

— Сегодня опять по радио передавали приятные известия, — сказал он и повернулся к Марте, — ты не слушала?

— Мне было некогда, — Марта явно избегала глядеть в его сторону. — Я купала детей. Мне не до радио...

— Наши уже ворвались в Восточную Пруссию...

Марта улыбнулась, но ничего не сказала.

Нико, чтобы как-нибудь положить конец напряженному и неловкому молчанию, начал рассказывать какую-то историю. Когда он посмотрел на слушательниц, то увидел, что ни одна, ни другая не слушают его, и каждая думает о своем. Марта накрывала на стол и, кажется, вовсе не слышала мужа, а Талико развлекала детей и, хоть и старалась делать вид, что она очень увлечена его рассказом, но выражение лица выдавало ее — она думала совсем о другом.

Вдруг Талико села за стол и твердым голосом произнесла:

— Дядя Нико, Арчил взял с меня слово ничего вам не говорить, но я не могу... Это выше моих сил.

Супруги превратились в слух. Марта бросила свои дела и тоже присела к столу.

Талико заговорила быстро-быстро. Она рассказала обо всем: и о своей любви к Арчилу, и о том, как она вышла замуж после его ухода на фронт, и сколько мучений ей пришлось перенести потом, и как в отчаянье, без всякой надежды, она написала письмо их сыну, узнав о его возвращении. Талико рассказала все и о приезде Арчила к ней и об их встрече.

— Арчила беспокоило многое, — у нее слегка начали дрожать губы, — особенно он боялся ваших упреков и еще по дороге сказал мне, что уже объявил дома, будто я — его жена, а эти дети — наши. Он взял с меня обещание ничего не говорить вам об этом. «Сейчас, — сказал Арчил, — трудно предугадать, как сложатся наши отношения в будущем».

Марта вздохнула так тяжело, что, казалось, у нее разрывается сердце.

Талико взглянула на нее и продолжала говорить так же торопливо, словно боясь, что ей помешают.

— Для меня величайшей наградой является то, с какой твердостью протянул Арчил мне руку... Я оступилась, а он... он помог мне подняться, встать на ноги... Вот что я хотела сказать вам. Я не могла...

Почему-то заплакали сидевшие на тахте дети. Талико сначала не обратила на них внимания, но, когда оба малыша стали протяжно реветь, вскочила и начала их успокаивать.

— Мои дорогие! Им спать хочется — вот они и расхныкались.

Марта встала из-за стола и предложила:

— Давайте уложим их.

Женщины увели детей спать.

Некоторое время Нико сидел один, погруженный в размышления. Из спальни вышла Марта и посмотрела на мужа. Ни он, ни она не произнесли ни слова — оба слишком хорошо читали мысли друг друга. Нико взглянул в сторону комнаты, где Талико убаюкивала малышей, и сочувственно покачал головой: «Милая,—говорил его взгляд,—умница, и как трудно ей».

Большие часы в столовой медленно пробили несколько раз.

На кухне супруги стали шептаться.

— Ты думаешь, Арчил женится на ней? — спросила Марта.

— Во всяком случае я не имею ничего против.

— И я. Она очень симпатичная. Ты не представляешь, как очаровали меня малютки. А все же...

— Благородный человек, — ворчливо сказал Нико про сына. — Другие не так бы поступили. Эх, лучше нам не вмешиваться в их дела — они сами все лучше знают.

— Выйди-ка к ней, а то неудобно — еще подумает, что мы здесь сплетничаем.

Когда Нико вернулся в столовую, Талико уже уложила детей.

Раздался звонок. Марта закричала из кухни: «Арчил пришел» — и побежала открывать двери.

Арчил вернулся домой в беспокойстве. Мать сейчас же заметила это и, пока он снимал в коридоре шинель, шепотом спросила:

— Что с тобой, мой мальчик? Что-нибудь случилось?

— Нет, мама, ничего.

В коридор выглянул и Нико.

— А, Арчил!

Голос отца успокоил Арчила. Он понял, что волноваться было не из-за чего.

В столовой сидела Талико с газетой в руках. Она слегка улыбнулась Арчилу и продолжала сидеть, беспокойно и виновато поглядывая на него. Марта стояла у буфета и тоже смотрела на сына. Нико занял свое место за столом и не сводил глаз с Арчила.

— Послушайте, — сказал Арчил, — что вы на меня уставились? «Здесь что-то произошло, — подумал он, — но что именно?»

— Нет, ничего, — сказал Нико, не сводя с него пытливого взгляда.

— Ты так смотришь на меня, отец? Не собираешься ли ты подраться со мной, как Тарас Бульба с сыном? Правда, я был ранен и осколками до сих пор не извлечены из легких, но...

— Что ты сказал? — вдруг воскликнула Марта и со стоном тут же опустилась на стул. — Какие осколки... Ведь это ужасно, мой мальчик, — осколки в легких?!

— Не пугайся, мамочка, это пустяки.

Арчил вышел мыть руки. Марта довольно долго сидела не двигаясь, крепко сжав губы. Молчал и Нико, нахмурив брови. Талико постаралась их успокоить.

— Не волнуйтесь, — сказала она Марте, — ничего опасного нет. Когда мы проходили клиническую практику в госпитале, я видела много таких раненых. Организм очень успешно борется с осколками — жажает их определенной средой и изолирует. Функциональных расстройств они не влекут. Можно удалить их операционным путем, а в последнее время даже вытягивают электромагнитом. Если бы это было опасно, Арчил не смог бы так свободно разгуливать.

— Сейчас-то он ходит, дитя мое, но как угадаешь, когда скажутся последствия ранения.

Арчил вышел из ванной и уселся за стол. «Странно, — вертелось у него в голове, — как будто бы все в порядке, но они точно сами не свои. Что же здесь все-таки случилось?».

Марта, разлив всем первое, плеснула и себе в тарелку ложку супа, но не дотронулась до него. Она, не отрываясь, смотрела на сына.

Арчил расспросил Талико, как она справилась в этот день со своими делами. По ее тону он хотел почувствовать, в чем же дело. Но нет, Талико, как всегда, говорила спокойно и только казалась слегка утомленной.

Потом он обратился к матери.

— Мама, завтра же постарайся достать няню. Детей я оставляю здесь на месяц. Талико едет вместе с нами, а когда мы устроим нашу молодежь, вернется. Что скажешь, мама?

— Мой мальчик, как ты захочешь, так я и сделаю. Можешь не беспокоиться насчет маленьких. А разве Талико должна вернуться? Я думала, она останется с вами все время.

— Может статься и так, — с едва заметной улыбкой сказал Арчил, бросив взгляд на Талико, — тогда и детей заберем к себе.

Талико сдвинула брови и посмотрела в сторону.

Нико засверкал глазами на сына.

— Ты оставь свои штучки! Нам уже все известно! Если эту женщину ты привел ко мне в дом как друга и сестру, для чего тогда все твои фокусы! Я, как дочь, приму Талико в нашу семью — всю жизнь мечтал я о дочери, и вот судьба послала ее мне. Но если ты пожелал сделать благородный жест и лишь поэтому предлагаешь свое супружество, то права на это я тебе не дам! Не позволю! Никто не нуждается в твоей жалости, в твоих подачках. Она более чем достаточно наглоталась в жизни горечи и обиды, чтобы ей вторично захотелось пережить то же самое. Может быть, ты и любишь ее до самозабвения, этого я не знаю, но ничья любовь, запомни, ничья любовь, не требует такого испытания временем, как твоя. Сначала поживи, погуляй, посмотри на других; откажись от тех, кто может показаться лучше нее, а тогда и мы тебе поверим... Правду ли я говорю, Талико?

— Дядя Нико, — сказала Талико, бледнея.

— Что, детка?

— Разрешите, я поцелую вас.

★ ★ ★

Наступил день отъезда. На запасной путь был подан эшелон, составленный из больших товарных вагонов. Впереди был прицеплен санитарный вагон, а хвост поезда замыкала открытая платформа. На платформе стояла походная кухня с длинной трубой, из которой уже валил дым.

Одетые во все новое, ребята с веселым шумом размещались по вагонам. Состав стоял на высокой насыпи и влезать в теплушки было не

очень легко — приходилось помогать друг другу. Те, которые успели взобраться наверх, протягивали руки нижним, брали чемоданы и перекладные сумки — хурджины. Девушек устроили в санитарном вагоне, где их встретила облаченная в белый халат Талико. С посадкой управлялись быстро — за полчаса все были готовы к отъезду.

Арчил вместе со всем руководством завода несколько раз обошел эшелон, останавливаясь у каждого вагона и еще раз проверяя, все ли в порядке. Когда он взглянул на ручные часы, оказалось, что до отхода эшелона оставалось пятнадцать минут.

— Ну, как, не удрал наш хевсур? — спросил у него Сико.

— Нет, он со мной.

— В санитарном вагоне?

— Нет, я решил ехать вместе с ребятами и выбрал себе вагон посередине эшелона. Так лучше.

— Ты прав! — заметил Гогешвили. — Знаешь, они еще дети и на все обращают внимание. Прекрасно сделал, что выбрал средний вагон — так и тебе будет удобнее.

Пришли родные Арчила. И отец и мать держали какие-то свертки, и когда Арчил протянул Нико руку, тот сказал:

— Здесь не все для тебя... А где Талико?

Арчил провел их к переднему вагону. Марта отдала пакет Талико и поспешно, словно опасаясь, что поезд вот-вот тронется, заговорила:

— Доченька, о малышах не волнуйся. Няню, ты сама знаешь, мы нашли хорошую. И я не пожалею себя, только ты последи за Арчилом. Вся надежда моя на тебя... я не выдержу... — Марта заплакала навзрыд и, запинаясь, продолжала: — У него осколки. Страх за него не дает мне покоя...

— Не беспокойтесь, тетя Марта, — все будет хорошо.

— До свидания, доченька, увидеть бы мне вас счастливыми, — и Марта горячо расцеловала Талико.

Раздался протяжный свисток кондуктора, на который паровоз сначала ответил каким-то глухим и неясным, точно с похмелья, хрипеньем, а потом, как будто прочистив горло, мощно заревел:

— У-у-у-у! Уезжаем!

Около железнодорожной насыпи собралось много народу. Кроме руководства завода провожать молодежь пришли родственники и близкие, которые жили в Тбилиси или специально приехали из районов. Они разногласно кричали: «Смотрите, будьте молодцами! Счастливого пути!». Многие махали платками, а какая-то старушка, случайно вышедшая собирать щепки, утирала слезы. Она была уверена, что все эти веселые парни отправлялись на фронт и, шамкая беззубым ртом, жалостливо причитала: «Какие молоденькие, счастливого вам пути, да избавит господь ваших родных от несчастья!»

Поезд тронулся. Арчил вместе с ребятами стоял у открытых дверей и улыбался знакомым. Поезд, медленно пыхтя, приблизился к пересекавшей железнодорожное полотно улице, когда он увидел двух девушек, быстро бежавших к составу. В одной он сразу узнал Саломэ Цагарейшвили, другую он не знал. Поравнявшись с поездом, девушки стали кого-то искать глазами.

— Я здесь! — крикнул Арчил.

— Ой, Арчил!

Поезд уже набирал скорость. Саломэ выхватила из рук своей спутницы какой-то сверток и с размаху бросила в раскрытые двери товарного вагона. Ребята ловко поймали его и передали Арчилу.

Арчил помахал им рукой. Саломэ и ее подруга вдруг показались

ему необычайно привлекательными. Он с удовольствием смотрел на освещенную неярким осенним солнцем улицу и красивые силуэты двух женских фигур. Поезд все убыстрял ход, и девушки, некоторое время бежавшие за ним, остановились.

Арчил почувствовал, как в его душе шевельнулось сожаление, что с каждой минутой он все быстрее и быстрее удаляется от них и не может убедиться, так ли хороша на самом деле та незнакомая девушка, или все это от того, что он уезжает за многие тысячи километров, а они промелькнули, как мираж, и исчезли. Поезд шел все быстрее и быстрее. Вот уже остались позади товарные склады и ряды вагонов, стоявших на запасном пути.

«Неужели я знаю ее, но не могу вспомнить? Или знал раньше, но она выросла и так изменилась? Почему же я не узнал ее? Кто она? Кто? Кто?» — мысли Арчила невольно вторили ритмическому постукиванию колес.

Начался подъем, и город, похожий на разноцветную майолику, погрузился в прозрачную дымку осеннего дня. Медленно растворялись и таяли мосты, площади, улицы и сады Тбилиси, где-то внизу проносились автомашины, двигались трамваи. По склону горы Мамадавити неторопливо полз маленький вагончик фуникулера.

«Почему Саломэ вздумалось прийти провожать меня с этой девушкой? Может быть, просто случайно они оказались вместе? Но почему тогда меня так волнует эта встреча?»

Арчил раскрыл сверток, брошенный Саломэ, и увидел совершенно новый теплый джемпер, вязанный вручную. Подарок действительно был приятным. — «Прекрасный повод написать Саломэ, — подумал Арчил, — поблагодарю и узнаю, кто она — ее очаровательная подруга».

Город остался позади. Арчил принялся устраивать себе постель. Ребята толпились у дверей, с увлечением рассматривая незнакомые места, и только Гига последовал его примеру. Вепхиа забрался наверх и, не отрываясь, смотрел в окно на мир, расстилавшийся перед его глазами. От непривычного шума поезда у него голова шла кругом, но все увиденное им было до того сказочно, неведомо и ново, что порой ему хотелось ущипнуть себя — не сон ли это. Его все тянуло поближе к воздуху — после дезинфекции в теплушке стоял тяжелый запах карболки.

Вдруг в вагонах зашумели, а когда поезд остановился, в громких возгласах можно было только разобрать:

— Рустави! Рустави! Рустави!

Арчил вместе с другими подошел к дверям. Неподдалеку виднелась маленькая станция — двухэтажная постройка из тесаного камня с надписью «Рустави».

— Вот здесь и выстроят наш будущий завод, — сказал Арчил ребятам и вылез из вагона. Они попрыгали вслед за ним.

Эшелон опустел. Все побежали к станции; каждому хотелось прочесть выведенное грузинскими и русскими буквами слово «Рустави». Большинство окружило Арчила.

— Это и есть наш Рустави? — спрашивали ребята.

— Здесь мы и будем жить?

— А город где же?

— Здесь построят завод?

Волнуясь и торопясь, они осматривали станцию и, разочарованные, отходили, пожимая плечами: кроме этого здания, вокруг не было видно даже простого домика. Всюду тянулась выжженная солнцем необозримая степь и не было заметно малейшего признака каких-либо сооружений. Настоящая пустыня.

Арчил хорошо знал генеральный план строительства завода и города. Он подробно объяснил окружившим его тесным кольцом ребятам, где предполагается построить город, а где — корпуса заводских цехов. Ребята слушали со вниманием, но было видно, что их фантазия не простирается так далеко — больше слов на них действовало пустынное, безжизненное пространство. Огорченные, они недоверчиво качали головами.

Подошла Талико. Поверх белого халата она накинула старое пальто и сунула ноги в стоптанные спортсменки. Легкий ветерок шевелил ее волосы. Арчил смотрел на нее и невольно сравнивал с незнакомой девушкой, которая так неожиданно поразила его воображение. Внезапно он понял, как были правы Талико и отец, когда говорили, что его чувство к ней должно быть проверено временем.

— Что это такое? — спросила она Арчила. — Здесь ничего пока нет, кроме пустыни.

— Будет, все будет, — успокоил ее Арчил, — ты не волнуйся, построят.

Талико хотела еще что-то сказать, но из станционного помещения вышел проводник и громко крикнул:

— По вагонам!

Талико побежала к себе. Платформа опустела. Дежурный по станции в красной фуражке поднял флажок, послышался свисток кондуктора, и в тот же миг паровоз так яростно загудел, будто собирался разорвать на клочки все вокруг.

Поезд тронулся. Прижавшись к дверям, ребята смотрели на опаленную степь.

Колеса поезда начали свой нескончаемый пересчет. По полям полетели выбрасываемые паровозом белые хлопья, исчезающие в голубом небе.

Вепхиа ни на шаг не отходил от раскрытых дверей. Позабыв обо всем на свете, он с жадностью смотрел на полоску далеких гор, окаймлявшую голые поля Азербайджана. Станции, обсаженные стройными пирамидальными тополями, укутанные в пестрые шали женщины, отары овец на поблекших от осенних холодов пастбищах, завернутые в косматые бурки чабаны в высоких папах с длинными палками, ослики, бегущие смешной трусцой, — как в бесконечном калейдоскопе сменяли эти картинки одна другую под неумолчный шум колес. Вепхиа увидел верблюда, важно ступавшего по солончакам, и не в силах сдержать изумления, громко закричал:

— Смотрите, смотрите, что за уродина!

Вечером, когда в темном небе, путаясь в искрах, летящих из трубы паровоза, зажглись звезды, он перебрался наверх, к окну и, задумавшись, стал вновь глядеть в сумрачную даль.

Показалось Каспийское море. Дул сильный ветер. Ребята плотно закрыли двери, но ветер с завыванием врывался в каждую щелку и бешеным зверем метался под нарами, словно разыскивая кого-то.

— Вепхиа, ложись-ка лучше, море еще увидим — никуда оно не денется, — сказал Арчил, кутаясь в одеяло.

Но Вепхиа, как замороженный, не отрывался от окошечка и, пока море не скрылось из виду, вглядывался в темноту. Когда, наконец, он улегся и укрылся одеялом, то почувствовал сильную усталость. Непрерывная смена впечатлений, долгая, непривычная езда в поезде утомили его. И беспокойные образы продолжали роиться перед глазами.

— Как здесь живут люди? — размышлял он вслух. — Ни деревца, ни травинки, а ветры такие, что, кажется, перевернут даже наш вагон.

— Остался бы ты тут жить, Вепхиа? — спросил его Гига.

— Где? В этой пустыне?

— В этой пустыне столько богатства, что, пожалуй, хватит всему миру, — заговорил Тедо Гаглошвили.

— Много ты знаешь! — усомнился хевсур.

— Конечно, знаю. Здесь бакинская нефть! Спроси кого хочешь...

...За эти несколько дней Вепхиа освоился с новой обстановкой. После того, как их всех переодели в одинаковую одежду, он перестал чувствовать на себе любопытные взгляды. По утрам Арчил устраивал переключку, и Вепхиа быстро запомнил фамилии своих товарищей. Кроме Тедо Гаглошвили и горийца Гиглы Бежанишвили, он познакомился с чиагурцем Чичико Шубитидзе, Астамуром Тантиба из Гудаута и многими другими. Ребята были из самых различных мест: Ахмед Моцхобили и Джемал Глonti — из Кобулет, молодой парень со странным именем Бисмарк Самсониашвили — из Ланхути, пять удивительно похожих однофамильцев Алпаидзе — из Мтиули, среди нескольких армян выделялся высокий широкоплечий Гайк Евангулов.

Вепхиа поразило, когда сказали, что кобулетцы Моцхобили и Глonti происходят из магометанских семей и поэтому носят турецкие имена Ахмед и Джемал. Он не имел понятия о различиях в вероисповедании и тихо спросил Арчила:

— Они что — не грузины?

— Грузины.

— Почему же у них такие имена?

— Турки заставили их предков принять магометанство. Сейчас они, конечно, не верят ни в Магомета, ни в Христа, но их прадедов отуречивали.

— Как? Они отказывались от своей веры?

— Что же им оставалось? Когда лет двести тому назад турки стали хозяевами Аджар-Кобулет, они наложили на христианское население такую непосильную дань, что крестьянам грозила голодная смерть. Турки забирали все — урожай, скот, имущество. Но зато те, кто соглашался принять магометанство, полностью освобождались от всяких налогов. Вот поэтому аджарцы вынуждены были принять ислам.

— А это еще что такое?

— Магометанская религия иначе называется исламом. Так что они такие же грузины, как и ты, Вепхиа. Вот Астамур, он хоть и абхазец, но его предки тоже были раньше христианами, однако турки и их заставили перейти в ислам.

— Что же, может быть, они умно поступили, — сказал Вепхиа.

— Ты так думаешь?

— А как же. Народ уцелел, а религия... какое она имеет значение? У нас только один старик Бецика верует в бога.

После этого разговора Вепхиа с особым вниманием присматривался к товарищам. Такие разные, несмотря на одинаково стриженные ежиком головы и форменные куртки, они резко отличались друг от друга акцентом и внешностью. Первое время Вепхиа с любопытством вслушивался в быстрый говор мегрельцев и характерный диалект тбилисских ребят. Он научился различать гурийцев и рачинцев, сванов и имеретин, кахетинцев и лечхумцев, а слушая веселую болтовню и шутки тбилисских ребят, начинал все лучше понимать и русскую речь.

Впрочем, особенно он ни с кем не сближался. Слишком велик и интересен был новый мир, который на каждом шагу раскрывался перед ним, да и природная сдержанность давала о себе знать. Пожалуй, больше остальных ему нравился Гига, но тот целыми днями читал или о чем-

то беседовал с Арчилом. «Турки» Ахмед и Джемал вместе с ланчхутским Бисмарком все время распевали, поочередно затягивая криманчули¹, все пять Алпаидзе играли на пандури, а в углу то и дело веселый вал хохот — Гайк рассказывал анекдоты.

Поезд шел не спеша. На остановках эшелон стоял по несколько часов, Арчил обходил вагоны, вместе с завхозом подолгу пропадал на станциях, получая продукты и хлеб. Иногда поезд задерживали на маленьких полустанках, в ожидании встречных составов.

Ванико Леквинидзе не пропускал ни одной остановки; всякий раз он спрыгивал на землю и, поблескивая озорными глазами, мчался к санитарному вагону. Поравнявшись с окнами, он останавливался и кричал:

— Эй, девочки, дорогие, выгляньте на минутку! Ух, генацвале, расцеловал бы вас!

Вначале девушки не обращали на него внимания, но скоро он так надоел им, что они решили как следует его проучить. Зизо приготовила ведро воды и, едва Ванико появился, его с головы до ног окатила холодный душ.

Взбешенный Ванико пулей взлетел на ступеньки и стал изо всех сил трясти дверь. Но девушки предусмотрительно повернули защелку, и открыть дверь он никак не мог.

Ванико разразился потоком безобразной ругани. На шум вышла Талико, отстранила побледневших девчат и встала перед парнем.

— Как ты смеешь кричать? — строго спросила она. Но Ванико, не помня себя от ярости, грубо оттолкнул ее и рванул к двери из тамбура в вагон, которую перепуганные девушки еле успели прикрыть.

Он дергал ручку и колотил кулаками, громко и непристойно ругаясь.

Талико оторопела, она застыла на месте, чувствуя накипавшее возмущение и гнев.

Из соседних вагонов высыпали ребята; при виде их Ванико соскочил вниз, схватил камень и отбежал в сторону, стараясь увидеть в окне лицо какой-нибудь девушки и запустить в нее камнем.

Крики и смех взбудоражили весь эшелон.

Громкий хохот ребят окончательно взбесил Ванико; облитый водой и жалкий, он напоминал мокрую курицу, а окрики: «брось камень!», «перестань!» только вызвали в нем безудержную злобу и новый прилив такой отборной брани, что несколько парней кинулись к нему. Ванико швырнул в них камнем и нагнулся подобрать другой, но в это время Вепхиа стиснул его руками и, как кошку, потащил к своему вагону. Галдящая толпа ребят последовала за ними, и вскоре целый эшелон собрался около их вагона.

Арчил недавно вернулся. Заведующий станционным продпунктом неожиданно отказался выдать хлеб на пятьсот рейсовых карточек; Арчилу пришлось идти к коменданту. В конце концов все уладилось, и только он вошел к себе, как его внимание привлек поднятый Ванико переполох.

Выглянув, Арчил увидел сцепившихся Вепхиа и Ванико. Вепхиа схватил за шиворот и с трудом удерживал бледного, как мел, парня, который изо всех сил старался изловчиться и ударить его, смешно размахивая руками.

— Что вы там делаете? Прекратите! — крикнул Арчил сверху.

Вепхиа услышал его голос и тотчас отпустил Леквинидзе. Получив

¹ Криманчули — многоголосая хоровая песня в Западной Грузии.

свободу, Ванико пригнулся и с силой ударил хевсура головой в лицо. Кровь так и залила лицо Вепхиа. Арчил выскочил из вагона, но прежде чем ребята расступились и он добрался до Ванико, раздался звонкий, как выстрел, удар.

Когда Арчил подошел ближе, распростертый на земле Ванико пытался приподняться, Вепхиа вытирал окровавленное лицо, а остальные старались спинами заслонить Гигу.

Арчил сразу же догадался, что произошло.

— Оставьте его, — приказал он ребятам. — В чем дело, Гига? Это ты натворил?

Арчил говорил как можно жестче, хотя он никак не предполагал, что Гига, умница Гига, казавшийся рассудительнее и серьезнее всех, вдруг ввязался в мальчишескую драку.

— Извините, товарищ Арчил, — протяжный карталинский выговор придавал словам Гиги особенно спокойный оттенок. — Этот недомерок сел всем на голову, ни старших, ни младших ни во что не ставит. Ну, я не стерпел и дал ему хорошую оплеуху.

Ванико по-прежнему безуспешно пробовал встать.

Арчил подхватил Ванико и поставил на ноги.

Колени Ванико подгибались; окруженный мальчишками, он, пошатываясь, поплелся к вагону.

— Ступайте по местам, — сказал Арчил сердито. — Только этого не хватало! Нянек за вами нет — вы достаточно взрослые и самостоятельные! Придется созвать комсомольское собрание. Какой позор! Не успели отъехать от дома — и драка! Идите в вагон.

— Сейчас же объясните мне толком, что здесь случилось? — Арчил не обращался ни к кому в отдельности, и вопрос повис в воздухе.

Все сидели тихо, не произнося ни слова. Вепхиа растирал нос, из которого все еще капала кровь. Ванико поник головой, и было видно, что он не совсем пришел в себя. Гига хмурился.

— Что же вы молчите? — повторил Арчил. — Не хотите рассказывать?

— О чем, уважаемый Арчил? — заговорил Гига. — Я и сам хорошенько не знаю, как это все случилось. Девочки облили водой этого молодчика, он взбеленился и схватил камень; ну, а ругаться он мастер — уши вянут... Уговаривали его: перестань, успокойся... Да разве он слушается — совсем с ума спятил. Попади он в кого-нибудь камнем, мог убить. Хорошо еще, что Вепхиа удержал его и привел сюда...

— Остальное мне ясно. — Арчил повернулся к Ванико. — Значит, тебя обидели девушки? Интересно...

Ванико молчал, покусывая губы.

— Я тебя спрашиваю, — повысил голос Арчил. — За что тебя облили?

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Нет, — чуть слышно произнес Ванико. От обиды, злости и боли его душили слезы и он сдерживался, чтоб не разреветься.

— Хорошо, я разберусь во всем и строго накажу виноватых... Что же ты все-таки сделал?

— Ничего... Пошутил...

— Пошутил? Да-а? Ну, что ж — и они пошутили. Шутки тем и хороши, что взаимны. Если ты шуток не переносишь, нечего лезть.

Ванико опустил голову.

— Тебе не стыдно ругаться при женщинах? Молодой парень... Ха-

мишь, кидаешь камни... Дерешься... Вот что я скажу, Ванико: или ты станешь порядочным человеком или — забирай свои манатки и ступай куда хочешь. Ты взрослый юноша, решай сам... Мои условия тебе известны: беспрекословное подчинение дисциплине, как в армии...

— Мы же... не на войне... — пробормотал Ванико. Он ожидал худшего; слова и тон Арчила немного приободрили его.

— Не на войне, — подтвердил Арчил. — Помнишь, что я сказал вам еще в Тбилиси? Неужели ты так быстро все позабыл? И вообще, разве ты не знаешь, что грузины особенно вежливы с женщинами? Оскорбить женщину может только трус или подлец... Подумаешь, тебя облили водой! Ну и что же? Посмеялся бы и ушел. Девушки сами бы извинились. А теперь просить прощения придется тебе... Вечером соберем открытое комсомольское собрание и посмотрим, что ты там скажешь... Сейчас извинись перед Вепхиа и помирись.

Ванико исподлобья взглянул на хевсура. Вепхиа продолжал осторожно трогать нос и обрывком бумаги вытирал испачканные кровью пальцы.

— Мы не можем помириться, — заявил он Арчилу. — Кровь должна быть смыта кровью.

Арчил нахмурился. «Мальчишки, — подумал он, — заварили бучу, хлэспот с вами не оберешься». И желая замять дело, явно принимавшее неприятный оборот, торопливо сказал:

— Ладно, ладно, об этом поговорим после. Идите получать хлеб. Вепхиа, ты ступай под кран, вымой нос холодной водой, и кровь остановится.

* * *

Поезд тронулся, когда Арчил добежал до санитарного вагона и вскочил на подножку. Двери ему отворили не сразу; девушки испуганно жались к Талико.

— Ну, что тут у вас приключилось? — усмехнулся Арчил, входя в купе. Эти дни он почти не видел Талико. — Здорово напугались?

Девчата затараторили хором:

— Дядя Арчил, мы не виноваты...

— Так он нам надоел...

— Окна чуть не разбил камнями...

— Подождите, не говорите все вместе! — Арчил обратился к Талико: — Ты где была в это время?

— Разумеется, здесь.

— Ну и что?

— Ах, если б ты видел, какой это мерзавец! В жизни не слышала такой ругани... Прежде чем я успела спросить, что он делает, он так толкнул меня, чуть не выбросил из вагона. Спасибо ребятам, а то я не знаю, что было бы дальше...

— Ну, ну, — сказал Арчил, доставая папиросу, — не преувеличивай.

— Умоляю тебя, избавь нас от этого негодяя. Посмотри, как напугана бедная Ламара...

— Ничего, мы его обуздаем. И не таких приводили в христианский вид.

— Нет, такого легко не образумишь. Я думаю, у него нарушена нервная система, и кто может ручаться, когда на него найдет. Меня может не быть с девочками; пристанет к этим бедняжкам и разобьет кому-нибудь голову камнем... Чем ты потом поможешь, а?

— Успокойся,—сказал Арчил, — он придет к вам и попросит прощения.

— Ни в коем случае! — Талико даже подскочила. Девушки в один голос вторили ей:

— Не надо его извинений...

— Пусть лучше не показывается на глаза...

— Извинения! — скривила губы Талико. — Такой хулиган десять раз извинится, а потом подкараулит и ударит ножом! Милое дело...

— Зря вы волнуетесь так из-за этого молокососа, — недовольно сказал Арчил, — ему и без вас достаточно жарко. Чего стоит одна оплеуха нашего Гиги, а теперь у него еще враг объявился—хевсур Вепхиа. Мне кажется — мальчик был в состоянии аффекта.

— Аффект, аффект! — Талико всплеснула руками. — Слышал бы ты, как он ругался... — Она прикрыла уши, словно боясь, что снова услышит ругательства Ванико.

Арчил смотрел на девушек.

— Понимаю, все понимаю, но таких-то и необходимо воспитывать. Выгнать его мы всегда успеем, а мальчика жаль — куда он денется, когда родной отец и тот махнул на него рукой. Скажите мне честно, кто облил Ванико?

— Все мы, все, — закричали девушки.

— Молодцы. Хвалю. Ваша солидарность мне нравится. А все-таки, кто из вас?

— Я, — встала Зизо.

— Вот что, моя Зизо, — Арчил улыбнулся. — Я приведу этого паренька и он извинится перед вами, но давай и ты прояви снисходительность, скажи ему что-нибудь. Иногда простое теплое слово больше действует на человека, — он засмеялся, — чем ушат холодной воды. Окажи мне эту услугу.

— Как хотите, — Зизо застеснялась и отвернулась к подружкам.

Талико вышла в коридор, взглянула в окно и спросила:

— К какой станции мы подъезжаем?

Ей очень хотелось хоть немного побыть наедине с Арчилом, но она не знала, как это сделать. Каждый день она обходила вагоны — ребята доставляли ей много забот; правда, Арчил тоже был занят, но Талико скорее догадывалась, чем чувствовала, что последнее время он ее избегает.

Арчил встал с ней рядом и закурил. Талико покосилась на папиросы — втихомолку она курила. Он сказал:

— Хочешь? — и протянул коробку. — Бери, не стесняйся, сейчас женщины курят больше мужчин.

У Талико сладко забило сердце. Как заправский курильщик, она взяла папиросу, помяла в руках и прикурила от зажигалки Арчила.

— Сегодня я пропустила обход — так напугал меня этот босяк.

Она затаилась и выпустила струю дыма.

— Не беда, успеешь.—Арчил достал из кармана листок бумаги.—На станции я получил телеграмму, дети чувствуют себя хорошо, все в порядке.

Талико схватила телеграфный бланк, на глазах ее заблестели слезинки.

На больших станциях Арчила всегда ожидали телеграммы до востребования, старики регулярно сообщали о здоровье малюток.

Талико не заметила, как по щекам потекли слезы. Какая большая любовь была возможна между ею и Арчилом, и как она вдребезги ее раз-

била. Если бы можно было забыть старое, стереть прошлое и избавиться от горечи воспоминаний, которые черной тенью преследуют и не дают ей покоя!

В окне вагона дребезжало стекло, пол под ногами ходил ходуном. Арчил прислонился к перегородке тамбура и пускал сизые колечки дыма.

Любовь! Как боялась она этого жгучего и волнующего чувства, которое подстерегло ее и поразило в самое сердце. Разве думала Талико, когда мечтала в будущем стать сестрою Арчила, его другом, поверенной его сердечных тайн, что погасший и, казалось, покрытый пеплом костер ее любви, вдруг вспыхнет новым и ярким пламенем. Ах, как она заблуждалась! Кого она хотела обмануть? Себя? Нет, себя не обманешь... Но почему же ее больше всего огорчает, что со стороны Арчила она уже не видит даже отблеска той любви, которая так ярко светила ей раньше. Арчил и правда, был ее братом—заботливым, внимательным братом, но не больше... Разве не об этом мечтала бедная женщина? Да, об этом. Несчастливая, она-то должна была знать, что разбитая любовь не может уже разгореться снова. ...Чем погасить этот огонь, этот вспыхнувший неожиданно-негаданно пожар?..

— Арчил... — Талико оглянулась: не видит ли кто их. Щеки ее горели. Из купе доносился смех девушек.

— Что с тобой? Ты плачешь?

— Плачу? Нет, ничего. А разве нельзя плакать?

— Иногда слезы успокаивают.

— Меня они исцеляют... А мужчины не плачут?

— Плачут. Даже Тариэл рыдал о своей Нестан.

У Талико вдруг вырвались приглушенные рыдания, она закрыла лицо руками.

Девушки за перегородкой громко смеялись, было слышно, как они о чем-то оживленно спорят. Талико повернулась и убежала к себе.

Арчил медленно докурил папиросу. Теперь он знал, почему плакала Талико.

Он долго стоял в коридоре. За окном неторопливо проплывали бесконечные, серые, скучные степи.

Дверь в купе была полуоткрыта.

Арчил заглянул. Талико сидела одна.

— Все прошло?

Талико держала в руке платок, мокрый от слез. Она слабо улыбнулась и сунула его в карман.

— Смеешься, правда?

— Да нет, — сказал Арчил, — почему смеюсь? Я говорю совершенно серьезно. После слез часто становится легче.

— Э-э, — Талико усмехнулась, — плакать я плакала много, а облегчения что-то не чувствую.

— Конечно, смотря о чем грустишь. Есть вещи, о которых не стоит жалеть. Человеческие поступки подобны зданию, выстроенному на песке, — достаточно неосторожного шага, и оно рухнет... А бывают слезы такие же приятные, как счастливый смех.

— Я и не знала, что ты философ.

Совсем близко, словно под ухом, постукивая колесами, шумно вздыхал и свистел паровоз, мелькали телеграфные столбы, а за оконным стеклом поднимались и опускались тонкие нити проводов.

Оба молчали. Талико плотно сжала губы, в висках у нее стучало, лихорадочные мысли кружились в голове. «Никогда я не стану твоей

женой, Арчил, никогда! Господи, какое это было бы счастье, ведь я так безумно люблю тебя! Нет, это невозможно. На свете нет ничего, чтобы я ни сделала для тебя, неужели ты не чувствуешь, Арчил, любимый... Умоляю, оставь свое благородство, я хочу быть твоей, я жить не могу без тебя... Сумасшедшая, о чем я мечтаю?..»

* * *

Последние дни поезд шел среди лесов. Повсюду лежал снег, и ветви мохнатых елей гнулись под его тяжестью.

Никто не предполагал, что дорога, на которую в обычных условиях достаточно пяти-шести суток, а по планам дирекции завода, учитывавшей задержки и затруднения военного времени, двух недель,— продлится целых сорок дней.

Хорошо, что большей частью продуктов Арчил запасся в Тбилиси. Иначе обеспечить в дороге по рейсовым карточкам столько народу было бы затруднительно.

До станции Гудермес железнодорожная линия была так перегружена военными эшелонами, что, несмотря на две колеи и автоблокировку, иногда приходилось целыми днями ждать на какой-нибудь захолустной станции, пока подадут паровоз или пропустят по обоим путям встречные составы.

Не быстрее ехали и после Гудермеса. Кизляр—Астраханскую дорогу выстроили за короткий срок в самый разгар войны, и поезда по ней двигались черепашьим шагом. Проложенная среди солончаков Каспийского побережья, по зыбучим пескам и болотистым лиманам, она соединяла Баку с Астраханью и в тяжелые месяцы войны обеспечивала бесперебойное снабжение страны нефтью.

Долгий путь утомил молодежь. Казалось, дорога никогда не окончится, за необозримыми калмыцкими степями потянулись бесконечные снежные равнины, полустанки, мостики, речки, станционные постройки мелькали чередой и исчезали, дни летели за днями.

От паровозного дыма и копоти железных печурок все перемазались, потемнели и, пожалуй, кроме Вепхиа, никто уже не глядел из вагонов, когда, наконец, показались заснеженные массивы уральских лесов.

В Железнодорожск прибыли рано утром. Солнце еще не взошло, и в предрассветном полумраке все кругом смутно белело. Везде лежал снег.

Ребята зябко поеживались и прыгали на хрустящем под ногами снежном покрове. Их поезд зиял темными глазницами раскрытых дверей, вокруг тянулись длинные ряды вагонов, запорошенных тонким слоем выпавшего за ночь снега.

Станция сливалась с предрассветной мглой, и ясно были видны только черные полосы рельс.

В стороне от вокзала стояли огромные грузовики с покрытыми брезентом кузовами.

— Вот мы и приехали, — сказал Гига и посмотрел на товарищей.

— Да, музыкой нас не встречают, — проговорил Чичико Шубитидзе. — Черт! Не думал я, что это так далеко!

— Музыка? — хихикнул Бисмарк. — А пальмы ты не желаешь? Как в Самтредиа, на вокзале. Эх, ты, абдал!

— Ты сам абдал! — вскипел Шубитидзе. — Посмотри на себя, обезьяна! Я сейчас покажу тебе пальмы!

¹ Абдал — проstack.

Они бы, наверное, сцепились—напряжение, вызванное необычайной обстановкой, требовало разрядки, нервы у всех были взвинчены, но вдруг раздался громкий голос Арчила:

— Давайте, ребята, по машинам.

Парни, подталкивая друг друга, полезли через высокие борта грузовиков.

Вдали на бледном краю горизонта полыхали не то зарницы, не то отблески какого-то гигантского красного костра.

Вепхиа примостился в углу кузова и отогнул жесткий край замерзшего брезента. Морозный воздух колот ему щеки, но дышать было легко и приятно.

Светало. Новые корпуса четырехэтажных домов поблескивали витринами. Вепхиа с удовольствием читал крупные буквы: «Столовая», «Хлеб», «Культтовары», «Продмаг», «Универмаг». Потом показались низенькие деревянные домики с закрытыми ставнями. Редкие прохожие в валенках и шапках-ушанках с удивлением оборачивались вслед машинам. Домов становилось все больше, бревенчатые избы снова сменились высокими зданиями, так похожими одно на другое, что Вепхиа перестал понимать, где они едут. Уши у него начали гореть, и он опустил брезент.

Машины проехали еще немного и остановились.

У входа во двор общежития несколько любопытных переговаривались между собой, разглядывая незнакомую молодежь.

— Они что, новобранцы?

— На наших, сердешные, не похожи.

— Таня, а Таня, посмотри, какие красивые мальчики!

Две краснощекие девушки задержались у кромки тротуара. Они весело перешептывались, смеясь и посматривая на ребят. Потом пустились бежать, со смехом колотя друг дружку по спине.

Вепхиа обошел длинный ряд одинаковых двухэтажных кирпичных домов. За углом он остановился. Перед ним в лучах восходящего солнца искрилась и блестела гладкая голубоватая поверхность замерзшего пруда.

— Ой, девочки, — услышал он грузинскую речь, — если я встану на лед, как вы думаете, он меня выдержит?

Вепхиа оглянулся и увидел Ламару, Зизо и Кардиа. Всю дорогу ему хотелось подойти к ним, но он не решался. Молодой хевсур не привык заговаривать с девушками.

— Сейчас я попробую, — сказала Ламара.

Однако прежде чем она ступила на лед, Вепхиа схватил ее за руку. Ему показалось, что даже сквозь толстый рукав он ощутил тепло ее тела.

— Нельзя, — сказал он неловко. — Лед может проломиться.

— Откуда ты знаешь? — Ламара сверкнула большими черными глазами.

— Я знаю, — серьезно ответил он. — В наших горах много таких голубых озер. Зимой они замерзают.

— А ты откуда? — Ламара почувствовала неожиданную симпатию к этому странному пареньку.

— Хевсур я.

— А как тебя зовут?

— Вепхиа.

— О, это ты тогда удержал того сумасшедшего?

— А тебя как зовут? — уклонился от ответа Вепхиа.

— Ламара, а что?

— Хорошая ты девушка, Ламара! — неожиданно набрался смелости Вепхиа и, словно устыдившись, круто повернулся и зашагал прочь.

— Фу, провались ты пропадом, — полушутя воскликнула Ламара и обратилась к подружкам: — Он, кажется, собирается ухаживать за мной, девочки. Ой, не могу! Еще молоко на губах не обсохло...

— Что ж, ты понравилась ему, глупая, — сказала Зизо, не отводя глаз от торопливо шагавшего Вепхиа.

— Этого не хватает!

— Бракуешь? — не унималась Кардиа. — Бракуешь, привередница?

— Отстань! На уме у тебя только глупости... Не видишь, на что мы стали похожи? Дождаться не могу, когда мы перестираем все и отмоемся.

* * *

Карантин длился три дня. Утомленные долгой дорогой ребята отдыхали, отсыпались и приводили себя в порядок.

В помещении было тепло, в стенных печках потрескивали огромные поленья, ребята писали домой письма, болтали и строили планы на будущее.

Один Ванико Леквинидзе не находил себе места. Несколько раз он приставал к Гиге, предлагая бороться. Он, видно, не мог забыть оплеуху и, не надеясь на успех в драке, решил попытаться счастья в борьбе. Ванико был ловкий, увертливый и с утра до вечера показывал товарищам различные приемы «чидаоба»¹. Напрасно Гига пробовал урезонить неугомонного парня и, протягивая широкую и мускулистую руку, уговаривал:

— Ну, куда тебе бороться со мной, да и место здесь неподходящее. Брось, бичо, поверь мне — до добра это не доведет.

Ванико все же не успокоился. Улучив момент, он обхватил шею горийца, стараясь согнуть и сдавить ее. Как ни пытался Гига освободиться, как ни старался оторвать его от себя, ничего не помогло. Ванико повис на нем и изо всех сил гнул ему шею, давая одновременно подножку. В чем-в чем, а в ловкости отказать ему было нельзя. Гига побагровел от натуги и еле держался на ногах. Свободной рукой Ванико зажал ему нос и рот. Гига резко встряхнулся всем телом, подставил бедро, перекинул Ванико через себя и бросил на пол.

Ванико неловко упал, послышался какой-то хруст, и неожиданно для всех он замер на полу с закрытыми глазами.

Ребята всполошились, повскакивали с мест и окружили потерявшего сознание юношу. Больше всех перепугался Гига. Встревоженные парни суетились, стараясь привести Ванико в чувство.

Арчила не было с ними — он ушел в управление завода, а Талико собиралась в обратный путь и с утра отправилась за билетом на городскую станцию.

Ребята вызвали скорую помощь. Когда машина с красным крестом заревела сиреной во дворе общежития, все три корпуса гудели, как растревоженный улей.

В больнице Ванико с трудом привели в сознание. У него был сломан позвоночник и врачи сказали, что дело серьезно.

Обычно спокойный Гига схватился за голову: «Что делать? Что делать?» — твердил он непрерывно.

— Ты ни в чем не виноват, — говорил ему Вепхиа, — я стоял рядом и все видел своими глазами. Он, как рысь, налетел на тебя, бедный мальчик. Уж, наверное, такая его судьба.

¹ Ч и д а о б а — грузинская борьба.

— Да не бойся, поправится, — успокаивал Астамур. — Вот, был бы здесь один человек из нашей деревни — за три дня поставил бы на ноги. Любой перелом вылечит.

— А в нашей деревне! У нас есть Асинет Шарашидзе! — ^{выскочила} Бисмарк. — Хоть будь весь переломан, так соберет — лучше прежнего станешь и красивее.

Никто не поддержал шутку. Настроение у всех упало.

Вскоре вернулась Талико, и ребята сообщили ей неприятную новость.

Как ни грустно было мальчикам, но на душе у Талико было еще сквернее. Слушая их, она непроизвольно смотрела на сумку, где лежал железнодорожный билет. Если бы кто-нибудь знал, как тяжело ей было расставаться с Арчилом. Он ничего не говорил ей все эти дни, а она так хотела услышать хоть слово, не верила в это и все же надеялась. Правда, в Тбилиси — ее малыши, ее ненаглядные маленькие крошки, но если вместе с Арчилом она чувствовала себя так уверенно, так спокойно, то теперь предстояло возвращение в чужую семью; вопрос с квартирой, работа — все не улажено. Господи, неужели он не скажет ни слова? Будущее вселяло в нее такой страх, что Талико, как утопающий за соломинку, ухватилась за мысль: может быть, теперь отъезд придется отложить хоть на короткое время?

Она сама устыдилась этой мысли.

— Что сказали в больнице? — спросила она.

— У Ванико поврежден позвоночник, — ответил Гига и горько вздохнул. — Какое несчастье случилось со мной.

— Это с тобой он боролся? — удивилась Талико. — Опять? Бешеный какой-то, все же допрыгался...

— Хоть пойду, посмотрю, — Гига чуть не плакал.

— Нет уж, ты подожди. Там тебе нечего делать. Я сама все узнаю.

В смятении она дошла до больницы. Ванико опять потерял сознание и лежал с закрытыми глазами. Дежурный врач, широкоскулая с раскосыми глазами татарка, сочувственно поглядывая на Талико, рассказала, в каком серьезном состоянии находится юноша.

У изголовья кровати горел синий ночник.

— Положение очень тяжелое, — сказала врач, — жалко несчастного, красивый мальчик.

— Большой озорник, сорванец, — сказала Талико. — Настоящий сорви-голова. Сорви-голова, — машинально повторила она.

— У вас все такие сорви-головы? — чуть улыбнулась дежурный врач. — Вы в Тбилиси закончили медицинский?

— Да, в Тбилиси, — как во сне, проговорила Талико. Мысли ее путались. Арчил, Ванико, отъезд, дети — все смешалось в каком-то хаосе. Она устала, с утра ничего не ела.

— В Тбилиси, — повторила она. — А вы?

— Я в Казани. Все время мечтаю попасть в Тбилиси. Говорят, там много интересного.

— Не знаю, мне трудно судить. Да. Конечно, — в замешательстве произнесла Талико и снова посмотрела на больного. Ей стало жаль мальчика до боли в сердце. Она вспомнила, как в дороге была готова задушить его собственными руками, и от этого воспоминания к горлу Талико подступил щемящий ком. «Несчастный вдали от родного дома, от близких, один-одинешенек лежит на больничной койке. А я? Где мой дом, где мои близкие?» — снова вспомнилось Талико. Вслух она сказала: — Не знаю, как быть, я уже купила билет...

— Вы должны уехать сегодня? — спросила дежурная. — Разумеет-

ся, поезжайте. Что же вам оставаться? — она посмотрела на Ванико. — Мы постараемся сделать все возможное. Профессор сказал, что надежда есть. Вы поезжайте...

В коридоре больницы Талико столкнулась с Арчилом.

— Ты здесь? — спросил он взволнованно. — Ну, как он?

— Плохо. В сознание не приходил.

— Что говорят врачи?

— Его осмотрел профессор. Состояние очень серьезное. Мне так жаль его, так жаль, — ты и не представляешь. Прямо сердце разрывается. Я пойду, верну билет.

— Ты хочешь остаться? — Арчил пытливо взглянул на Талико.

— Я не знаю... — она окончательно растерялась. «Милый, скажи, ну скажи мне хоть слово!» — Может так будет лучше? — спросила она вслух.

— По-моему, нет никакой необходимости, — осторожно сказал Арчил. — Здесь найдутся врачи не хуже...

Талико еле удержала готовые брызнуть слезы.

Поздно вечером из больницы позвонили, что Ванико пришел в себя и просит, чтобы его навестил начальник.

Арчил сейчас же поехал, забрав с собой Талико и Гигу.

Ванико лежал белый, как гипс, в который его положили.

Арчила и Талико он встретил с еле заметной усмешкой. Гига остался в коридоре.

— Как себя чувствуешь, герой? — спросил Арчил.

— Не знаю, начальник. Кажется, плохо мое дело. Гига не при чем, напрасно не обвиняйте. Во всем виноват я сам. Эх, хоть бы он пришел...

— Здесь он, Ванико, здесь, — и Арчил крикнул в коридор: — Гига! Иди сюда скорее!

Гига в накинутом белом халате, сгорбившись, тихо вошел в палату и остановился посередине, не решаясь подойти к кровати.

— Иди, Гига, — прошептал Ванико. — Иди.

— Ну, как ты себя чувствуешь? Больно? — с отчаянием спросил Гига.

Ванико не ответил. Видно было, что он устал и собирается с силами.

— Не волнуйся, Ванико, ты скоро встанешь. — Талико приложила руку ко лбу, а затем проверила пульс. — Здесь такие хорошие врачи, все будет в порядке, не бойся.

— Я и перед вами виноват, доктор, — тихо сказал Ванико. Он хотел еще что-то добавить, но голос у него оборвался и он шепнул: — Больше я не ругаюсь...

— Не падай духом, бичо, с кем не случается, — попробовал утешить его Арчил. — Посмотри на меня, ведь я весь изрешечен пулями и осколками. Места на мне живого нет, а разве заметно?

Ванико впал в забытие, и все трое вышли на улицу.

Падал снег. Огромные влажные хлопья медленно кружились, как белые бабочки.

Талико вытирала слезы.

— Арчил, я останусь...

— Для чего? Ты не нужна, — холодно ответил Арчил. Он задумался и не заметил своей резкости. — Тебя ждут малыши.

Сердце Талико разрывалось. Если бы не присутствие Гиги, она тут же, на месте призналась бы во всем Арчилу.

Талико уезжала ночным поездом. Вместе с Арчилом ее провожали девушки. Растроганно обнимая их, Талико говорила:

— Девочки, дорогие мои девочки, как я к вам привязалась... Милые, что без меня будет с вами...

Только когда объявили отправление, и девушки одна за другой выпрыгнули из вагона, Талико обняла Арчила, прижалась к нему и разрыдалась так горько, что он с особенной остротой почувствовал, как много он для нее значит.

Арчил наклонился и расцеловал ее мокрые от слез глаза.

— Ну, хорошо, Талико, хорошо... Я тоже скоро приеду в Тбилиси. Целуй наших, береги маленьких...

Поезд медленно отошел. Окруженный девушками Арчил увидел в окне прильнувшее к стеклу лицо Талико.

Она делала ему какие-то знаки рукой, значения которых он так и не понял.

* * *

Утром ребят повели осматривать завод.

Вепхиа с нетерпением ждал этого дня. Вместе со всеми он торопливо оделся — натянул ватник, нахлобучил ушанку — и стал в строй.

На дворе сильно морозило, все было окутано туманной дымкой, под ногами поскрипывал уже успевший почернеть от заводской копоти снег.

Завод раскинулся вдоль русла реки, и город смотрел на него сверху. Когда взору ребят неожиданно открылась грандиозная панорама, не только у одного Вепхиа вырвались возгласы изумления. От края до края, насколько хватало глаз, перед ними простирались заводские корпуса и постройки. Вдали их темные очертания слабо проступали сквозь морозное марево. Из множества труб валил дым, местами густой и черный, как сажа, кое-где — желтый или белый, как вата; гигантские столбы этого дыма, казалось, подпирали бледное небо, а багровые отсветы дрожали и пламенели ярче зимнего солнца.

Между заводскими сооружениями по путаной паутине рельс катились груженые металлоломом и рудой вагоны, а по асфальту сновали машины.

— Сколько здесь заводов! — воскликнул Вепхиа. — Какой же из них наш?

— Это все один завод, Вепхиа, — пояснил ему Тедо.

— Один? Как один?

— Очень просто. Один металлургический завод. Вон те здания, которые ты видишь, это отдельные цехи.

— А ты не врешь?

— Если не веришь, спроси у Арчила.

— Думаешь, не спрошу? Обязательно спрошу.

Вепхиа протиснулся вперед, но в это время они поравнялись с проходной завода, и пожилой вохровец¹ стал пропускать их, пересчитывая и сверяя со списком, который держала его молоденькая помощница. Пробраться сейчас к Арчилу было невозможно.

Санеблидзе стоял посередине двора рядом с какими-то людьми в кожаных пальто и что-то объяснял им, указывая на ребят.

Когда всех впустили, Арчил объявил, что они осмотрят главные цехи: доменный, мартеновский, блюминга и трубопрокатный.

— Если у нас останется время, посмотрим и остальные, но вряд ли. За день мы не успеем обойти и половину завода:

¹ Вохр — вооруженная охрана завода.

Вепхиа не выдержал и подошел к Арчилу.

— Арчил, все это, правда, один завод? — спросил он, просто душно глядя ему в глаза.

Мальчишки подняли смех, и Вепхиа смутился.

— Чем зря смеяться, лучше скажите, как вы сами думаете? — спросил Арчил. — Ну-ка, кто из вас самый умный?

— Как же — один?! — выкрикнул Бисмарк. — Откуда один, когда их вот сколько.

— Эх ты, балда, — шутливо стукнул Бисмарка по шее Тедо Гаглошвили, — конечно, это один завод.

У обоих появились сторонники, и завязался спор, но Арчил быстро успокоил их, сообщив, что металлургический комбинат состоит из множества заводов. Даже каждый цех сам по себе представляет завод со своим производством, хозяйством и управлением. Все же вместе это и есть металлургический комбинат, да еще один из крупнейших в стране. Ребята затихли и пошли вслед за Арчилом.

Начали с осмотра домны.

Сказочным огнедышащим существом выглядело это громадное и необыкновенное сооружение из сплетенных металлических конструкций. На ее верхнем конце взметнулся частокол железных башенок, гигантскими змеями скрутились толстые, как удавы, трубы, огромные баллоны воздухонагрева, угольные и рудные бункера. Чудовище дышало, с шумом выбрасывая пар и огонь, хрипело и сердито гудело, словно это был действительно самый страшный и большой сказочный дэв.

Высоко задрав головы, ребята со страхом обошли домну и, словно муравьи, облепив висячую железную лестницу, смотрели, как из печи выпускают чугун. Расплавленный металл, рассыпая огненные искры, сверкающим потоком лился в громадный ковш, обжигая лица раскаленным жаром.

Потом отправились в мартеновский цех.

Ошеломленный увиденным, Вепхиа шел, спотыкаясь и поминутно цепляясь ногами за похожие на пни куски железа, за рельсы и балки. Ничего подобного он даже не представлял себе. Взволнованный до глубины души, он проникся чувством безграничного уважения к людям, которые выстроили все это, а сейчас так мастерски здесь орудовали. Но в то же время им овладел страх. «Выросший в горах под плач саламури¹, как я тут очутился? Что я здесь потерял? Разве я когда-нибудь разберусь в этих адских машинах?» — не переставая, спрашивал он себя.

Мартеновский цех произвел на него не меньшее впечатление. С разинутым ртом он остановился перед повисшим в воздухе, где-то под потолком, мосткраном, который дотянулся до какой-то огромной машины, как руки под мышки, продел в ее проушины крючки, обхватил и с грохотом потащил в конец цеха. А цех — такой длинный, что конца его не видно, — терялся в диковинном нагромождении механизмов, балок и труб.

Потом ребята по-очереди через синие очки заглянули в печь мартена. Жидкая сталь клокотала, как кипящая вода.

— Ничего себе харчо²! — пошутил Бисмарк, но никто не засмеялся.

В это время мастер сделал знак рукой девушке у пульта, и, когда щит на фортке печи поднялся, опустил в пылающую сталь ложку на длинной ручке, вынул пробу и вылил на пол. От стали в разные стороны, как фейерверк, разлетелись огненные звездочки.

¹ Саламури — свирель.

² Харчо — суп из баранины.

— А ну, поскорее угостите Бисмарка, дайте ему попробовать это харчо! — сказал кто-то из ребят.

Вепхиа глаз не мог отвести от печи. «Как много они варят стали, думал он. — А что с ней делают дальше?»

— Арчил, сколько времени варят сталь? — спросил он Санеблидзе.

— Десять-двенадцать часов. Скоростники плавят еще быстрее.

— Ну, а потом, когда опорожняют печь?

— Потом снова ее заправляют и выдают новую плавку...

— И так все время?

— Всегда, Вепхиа, без перерыва. Из года в год, без выходных...

Им приходилось кричать, разговаривая друг с другом.

— Сколько же здесь таких печей?

— Шесть, Вепхиа, шесть!

Вепхиа захотелось присесть. Голова у него разрывалась на части, и он чувствовал легкую тошноту. Но Арчил уже шел к разливочной площадке и канаве, где готовились пускать сталь, и Вепхиа поторопился.

Ребята перебрались на другую сторону мартена и прижались к узким перилам.

Краны и здесь тяжело плыли по рельсам, проложенным вдоль потолка, и переносили огромные чаши-ковши. Пол опускался вниз больше чем на целый этаж, по обеим сторонам рельс в беспорядке стояли ковши, чугунные формы — изложницы.

— Ну, держись, Вепхо! Сказки, которые рассказывала моя бабушка про ад, ерунда по сравнению с этим, — проговорил Бисмарк. — Глазам я своим не верю.

— А что, в аду тоже есть такие красоты? — откликнулся Астамур Тантиба.

— Красотки? Где красоты? — вытаращил глаза Дзики Данелия из Бандза, который, как приехал, все время засматривался на девушек, и сейчас наострил уши. — Какие красоты? — по-мегрельски спросил он у Тантиба. — Где они?

— Вон, посмотри, — Астамур ткнул пальцем на кабину мосткрана, где, и правда, сидели две круглолицые девушки.

— Ах, какие ангелочки! Золотко, золотко, дорогие! — Дзики замаhal руками, но его восхищения девушки не заметили; они с лязгом передвинули кран и остановили его на порядочном расстоянии от молодых людей.

— Ад? — повторил ушедший в свои мысли Вепхиа. — Какой ад?

— Да, вот это, действительно... — говорил ребятам Чичико Шубитидзе. — Впрочем, чему удивляться? Зестафонский завод тоже солидная вещь, особенно ферромарганцевые печи...

Мысли Вепхиа были далеко. Он вспомнил кузницу Апареки, старинный горн с растрепанными мехами, разговоры хевсуров о том, каким будет руставский завод, который решено строить. Он вспомнил спор стариков о том, во сколько раз больше их деревни должен быть этот завод. «Раз в десять, — утверждал старый Датвиа, — пусть в двадцать, не больше».

Вепхиа усмехнулся. Смешные старики!

Хевсурский дом мог свободно разместиться на каждой платформе. Вот только что над цехом прогремел состав, груженный рудой. Вепхиа насчитал двадцать вагонов, а поезд не занял и третьей части огромного помещения. А ведь это всего один цех!

Они перешли осматривать блюминг. И здесь их ожидало такое же величественное зрелище. Громыхающие краны выхватывали из колодца раскаленные стальные двухтонные болванки — блюмсы, бережно пере-

носили их и клали на рольганг. Затаив дыхание, ребята смотрели, как сидящий в кабине оператор, вращая рычаги управления, устанавливал блюмсы в нужном положении.

Громадные барабаны начинали вращаться, двигая и понемногу вытягивая блюмсы то в одну, то в другую сторону рольганга, подминая под себя разогретые докрасна болванки, пока они не вытягивались в длинную ленту. Огромные ножницы разрезали ленту на части, кран поддевал их стальными пальцами и аккуратно укладывал крест-на-крест. Еще не остывшая сталь рдела и переливалась всеми цветами радуги, а нижние листы отливали синевой.

У Вепхиа едва хватило сил дотащить до общежития. Как подкошенный, упал он на постель: потолок, стены — весь мир кружился перед глазами. В ушах все еще слышался глухой гул. Он закрыл глаза. Все равно — все вертелось с головокружительной быстротой.

Вепхиа постарался забыться и в мечтах унесся на родные луга Хевсуретии. Как прекрасно раскинуться среди колышущейся травы, ощутить ласкающее прикосновение прохладного ветерка! В прозрачной глубине неба неподвижно парит орел, на далеком небосклоне нежно розовеют облака, пестрые бабочки порхают вокруг цветов, над головой жужжит жук, и барбос Толия, щелкая зубами, ловит мух.

Ни волк, ни орел,
Ни молодец удалой
Не изменят свой нрав.
Волку — волком выть,
Молодцу — молодчество,
Орлу — орлом носиться,
Жертву в теснинах бить...

...Вспомнилось Вепхиа, что говорил Торгва Арчилу в Барисахо. Да, Торгва знал, что хевсур не рожден для жизни в городе, для работы на заводе. Он должен вернуться домой, в родную деревню. Уйти скорее в свои неприступные горы, взять пастушью палку и погнать стада на пастбища. Но как же уехать из этой дали? Они добирались сюда полтора месяца, да и то на поезде.

«Неужели только я один испугался?» — мелькнуло в голове у Вепхиа; он тотчас приподнялся и обвел комнату взглядом.

В комнате было непривычно тихо. Усталые ребята, как попало, валялись на постелях, похрапывая и иногда вскрикивая во сне.

Вепхиа вышел в коридор.

У лестницы, за столом, сидела дежурная — регистратор общежития, молоденькая, лет семнадцати-восемнадцати девушка. Рядом с ней стоял большой оцинкованный бак с кипяченой водой и висевшей на цепочке железной кружкой.

Вода была невкусная — жесткая и желтая. Вепхиа все же напился и присел на стул около дежурной.

— Ну что, ходили сегодня осматривать завод? — спросила девушка, улыбаясь и показывая свои сверкающие, белые, как жемчуг, зубы.

— Ага, — кивнул Вепхиа.

— Понравилось?

Вепхиа не ответил. Он напряженно соображал, стараясь так подобрать слова, чтобы получилось правильно и понятно.

— Ты Шура? — спросил он.

— Шура. — Девушка улыбнулась и сказала: — А вас как зовут?

— Вепхиа.

— Это что же, имя? Или фамилия?

— Фамилия Халибаури.

— Ну и имя у вас непонятное. И не выговоришь, язык сломается.

— Вепхиа по-русски значит — тигр, — сказал хевсур с важностью.

— Да ну? Вот это здорово! У вас, что, всех такими именами называют?

— Нет, только в Хевсуретии, в горах.

— Где, где? — переспросила Шура. — Где находится эта местность?

— В Грузии.

— А разве вы не грузин?

— Грузин. Я — хевсур.

— Не понимаю.

— В горах... — Вепхиа беспомощно развел руками. — Высоко в горах... Ну, Хевсуретия...

— А!.. У вас высокие горы? Выше наших?

— Ваших? А здесь где горы?

— Как где? Вокруг. Вон, посмотрите...

Шура пальцем показала на виднеющуюся в окне возвышенность, поросшую лесом.

— Это гора? — усмехнулся Вепхиа. — Разве это гора? — Глаза его загорелись. — Настоящая гора должна упираться, — он поднял обе руки, — в небо. А наверху должен быть снег и лед.

— У вас такие горы? — воскликнула Шура. — Ах, как интересно! Я видела их в кино. Наверное, там очень трудно жить? Правда?.. Да, а если вы настоящий грузин, почему у вас нет кинжала? Ведь у вас все носят кинжалы и похищают женщин?

Вепхиа даже взмок от волнения, которое вызвал в нем этот вопрос: он подумал, что девушка смеется над ним, и не знал, что ответить.

— А здесь не похищают? — спросил он дрогнувшим голосом и заглянул ей в глаза, желая убедиться, чистосердечно ли она спрашивает или поднимает его на смех. В эту минуту он совсем забыл, что шашка спрятана в сумке и Шура ничего не может знать о ней.

— У нас? Что-то не помню такого случая, — со смехом ответила девушка и снова сверкнула ослепительными зубами.

Только сейчас заметил Вепхиа на лице у Шуры веснушки, но они нисколько не портили ее, а, напротив, делали, пожалуй, еще привлекательней.

В коридоре послышался какой-то шум. Вепхиа оглянулся и увидел Дзики Данелия, который подавал знаки товарищам: выходите, мол, что я вам покажу.

Ребята высыпали из комнаты и уставились на них.

— Полюбуйтесь! — сказал Дзики. — Молодец наш хевсур. Он не шутит. И времени зря не теряет. Уже познакомился с самой хорошей девочкой.

Вепхиа сорвался с места, схватил Дзики за грудь и втолкнул в комнату. Данелия пришлось бы плохо, но ребята их сразу разняли, захихнули Дзики в дальний угол, а Вепхиа с шутками вывели в коридор.

Все произошло молниеносно, и, прежде чем Шура бросилась к парням, в коридоре восстановилась тишина.

— Что случилось? С чего это вы подрались? — спрашивала она ребят, окруживших тяжело дышавшего Вепхиа.

— Ничего, дорогая, ничего, — галантно отозвался Астамур Танти-

ба, — тот парень — невоспитанный, выругался, а наш Вепхиа не стерпел, рассердился — он у нас горячий...

Шура подошла к Вепхиа:

— А ты отчаянный! Ну и хватка у тебя — понимаю! — и совсем уже просто, как своя, близкая, добавила: — Не сердись, не стоит сердиться...

Вепхиа заглянул ей в глаза и первый раз в жизни почувствовал приятную боль в груди.

Он долго не мог заснуть. Ему то мерещились смеющиеся лица ребят возле бушующих пламенем печей, то Шура в хевсурской одежде, то залитые ослепительным солнцем родные луга Хевсуретии. Потом все заслонили собой огромные темные горы.

Над ухом его сладко журчал саламури, Вепхиа объял неожиданный покой, звуки саламури лились все сильнее, все приятнее...

Послышался протяжный рев. Вепхиа вскочил на ноги. Над головой, над домом, над всем городом, казалось, повис мощный гудок завода.

Ребята торопливо одевались, с полотенцами в руках выбегали умываться. Некоторые уже ушли.

Начинался первый день учебы и труда.

* * *

Пятерых учеников: Вепхиа, Гигу, Тедо Гаглошвили, Чичико Шубитидзе и Дзики Данелия прикрепили к сталевару Василию Ивановичу Булатову.

Небольшого роста, с гладко выбритой головой, покрытой крупными каплями пота, он проворно возился у печи, когда сменный мастер, плотный мужчина с густыми усами, подвел к нему ребят.

— Вот, Василь Иванович, принимай свое пополнение, — сказал он Булатову и двинулся дальше, к другим печам — распределять оставшихся учеников, которые должны были работать в мартеновском цехе.

Василий Иванович мельком взглянул на новичков добрыми голубыми глазами, особенно светлыми на побуревшем от жара лице, и ничего не сказал. Вместе с подручным он заворачивал какие-то краны, часто заглядывал в фортку печи и только взяв пробу, повернулся к ребятам.

— Что, жарко? — сказал он, приветливо щурясь, и сам же ответил. — Ну ничего, жар костей не ломит! Да вам и не привыкать к нему: вы ведь кто — грузины?

Он большими глотками отпил из сифона и, весело поглядывая на притихших ребят, позвал:

— Геня! — и не дождавшись ответа, громко крикнул: — Бурак, где ты?

Ребята засмеялись. Фамилия показалась им смешной, и они внимательно рассматривали кирпично-красное лицо Василия Ивановича, все в мелких бисеринках испарины.

— Сталь варить — не щи хлебать, — сказал он, поблескивая веселыми глазами, — ну, да научитесь — не боги горшки обжигают. Вы, я вижу, добрые хлопцы... Давайте знакомиться. Кто тут у вас самый смелый? А вот и Бурак пришел...

На этот раз ребята не улыбнулись. Бурак выглядел высоким и массивным и ни малейшего желанья посмеяться не вызывал.

— Вот, Геня, это новые ученики, знакомься... Научим их сковородничать?

— А, грузинские ребята? Научим, конечно, отчего не научим. Бурак подал каждому свою огромную и широкую, как лопата, руку. Ну как, после солнечной Грузии наши уральские морозы? Не страшноваты?

— А здесь не особенно холодно,—сказал Гига. — Пожаловаться не можем.

— Верно, здесь не очень холодно, ты попал в самую точку,—подхватил Василий Иванович. — Тебе, Геня, поручается объяснить хлопцам, что к чему, и поставить их на работу.

Вепхиа не терпелось поскорее взглянуть на бушующее в печи пламя, и он потрогал рукоятку ложки для взятия пробы. Василий Иванович заметил его движение.

— А тебя как зовут? — спросил он хевсура.

— Вепхиа.

— Как, как? — Булатов даже руку приложил к уху.

— Халибаури. Вепхиа Халибаури.

— Ничего не разберу. Чудное что-то у тебя имя. Или это фамилия?

— Вепхиа по-русски означает—тигр,—выручил смущенного юношу Гига.

— Тигр! Вот это да! Вот это, я понимаю, имя! Вообще-то ты парень — орел, сразу видно. — И Булатов похлопал Вепхиа по спине. — Держись поближе ко мне, Тигр, мы с тобой сами займемся. А имя у тебя хорошее, правильное. По имени да по фамилии, брат, тоже многое можно узнать. Вот моя фамилия Булатов... Нарекли нас так лет сто пятьдесят тому назад, когда прадед наш булатную сталь изготовлять научился. Так и пошло прозвание: Булатовы. А до этого мы звались Аникеевы... Здесь вот был один исследователь, еще до войны приезжал, так он все интересовался, собирал материал об Аносове, известном ученом, ну и в нашем доме все бумаги перерыл и все, бывало, говорил: «Вы, Булатовы, по Уралу люди знаменитые!». Ну, ладно, заболтался я, хватит. Пошли, Тигр, познакомься с мартеном! Айда, ребята! Вы не робейте!

Всю смену ребята помогали сталеварам: подносили баллоны с кислородом, подавали лопаты, железные трубы.

Василий Иванович и Бурак показывали, как загружают печь, откуда подают топливо и, наконец, как и накануне, ребята вновь увидели выпуск плавки...

Близко к печи подходить было страшновато: казалось, длинные языки пламени только и ждут, чтобы высунуться и лизнуть.

В цехе было так жарко, что когда после работы новички вышли во двор, они не сразу почувствовали мороз, а морозило изрядно. Спустились вечерние сумерки и окутали территорию завода темными тенями. Зажглись фонари на многочисленных столбах, разбросанных по заводскому двору.

— Ну, как, хлопцы, первый блин комом? — спросил Василий Иванович, вместе с ребятами вышедший из цеха. — Хитрое дело варить сталь? А? Вижу, вижу, что вы про себя думаете: небось, научимся — и вся тут премудрость...

— Нет, мы так не думаем, — ответил Гига, — нам многое непонятно; а научиться, действительно, научимся.

— Вот я это и говорю. Варить сталь всякий сумеет, но... Суп, например, и я сварю и жена моя, Евпраксия Ивановна, — с той только разницей, хлопцы, что мой суп вы в рот не возьмете, а после супа Евпраксии Ивановны все пальчики оближете, да еще добавку попросите... Вот то-то и оно. Значит суп сварить тоже искусство нужно, а ведь

тут у нас сталь... Вы знаете, сколько марок стали на белом свете? А бронзовая сталь, а специальная рессорная, а жароупорная, а легированные сорта... Ведь это от нашей стали бегут сейчас фашисты... И в старину наш Урал сталью славился; вот булатом, например. Из такого булата сабли делали, шашки, кинжалы, слышали, небось?

Мальчики переглянулись и подтолкнули Вепхиа.

— Варить эту сталь научите его, Василий Иванович, — кивнул Гига в сторону хевсура. — Он не знает, где достать сталь для сломанной шашки.

Лицо Вепхиа залила краска. Он уже собрался заспорить с Гигой, но Булатов, не то в шутку, не то всерьез, сказал: — Ничего, мы ему что-нибудь раздобудем. К нам недавно заказ поступил на сталь для холодного оружия, вот мы тебе и достанем. Ты какие шашки уважаешь? А вы что, — спросил он, оглядывая смеющихся ребят, — не носите кинжалов?

— Что вы, Василий Иванович, — в один голос воскликнули Гига и Тедо, — какие кинжалы! Это только хевсуры носят, да и то в горах.

— Горные люди, значит, — улыбнулся Василий Иванович, — так, понимаю — им без оружия никак нельзя. — Глаза его задержались на статной фигуре Вепхиа. — Горцы — народ серьезный... Ну, до свидания, хлопцы, до завтра...

Домой Булатов вернулся позже обычного. Его жена, Евпраксия Ивановна, немолодая женщина, с посеребренной редкими нитями седьны головой, сразу заметила приподнятое настроение мужа, когда Василий Иванович умылся, вытер руки и сел за стол.

Старшая дочь, шестнадцатилетняя Аниська, тоже с любопытством посмотрела на отца и сказала:

— Ты что, пап, провел рекордную плавку?

Василий Иванович обвел глазами стол.

— Хорошо бы сейчас беленькой. — сказал он. — Что, мать, не разгуляемся на сто грамм?

— Может, кагора пожелаете, Василий Иванович? — с усмешкой произнесла жена. — По какой причине собираетесь бражничать?

— С учениками вас, Ивановна, с учениками!

— Эка невидаль! Да ты помнишь, когда их у тебя не было?

— Э, это ученики совсем другого рода. Кавказские ребята, все тигры, львы, орлы и еще как-то... Обожди, вспомню...

— Ребята? — с восторгом спросила Аниська и уставилась на отца такими же светлыми, как у него, лучистыми глазами.

— Да, уж конечно, не девки.

— Я их видела на улице, — сказала Евпраксия Ивановна. — И вовсе не львы и не тигры. Обыкновенные ребята.

— Ничего ты не понимаешь, Ивановна. До чего же интересный народ, эти кавказцы. Вот одного моего паренька зовут Тигром.

— Тигром? — всплеснула руками Аниська. — Папа, он, правда, страшный, как тигр?

— И вовсе не страшный, очень даже красивый малый.

— Папа, приведи его к нам в гости. Приведешь?

— Рано еще тебе о таких гостях думать! — прикрикнула Евпраксия Ивановна и обернулась к мужу: — Наверное, диковатый они народ, кавказцы. Зря ты с ними связался. Они головорезы и отчаянные, а если еще ремеслу не выучатся, вот и будешь потом в ответе. Да и мстительные они... Смотри, не вздумай привести их домой, кто их знает!..

— Будет тебе всякий вздор болтать! — Василий Иванович потянулся за тарелкой. — Они хорошие ребята — понятливые и скромные. И старших уважают...

Аниська сидела в нерешительности и только когда отец пообедал и приготовился читать газету, а мать вышла на кухню, она подошла и шепнула ему на ухо:

— А ты все равно приведи их, папочка...

Василий Иванович оглянулся по сторонам, заговорщически подмигнул дочери и, приложив палец к губам, тихо сказал:

— Ты, того, молчок... Сама увидишь, как нашей матери понравятся эти пареньки!

* * *

В этот вечер в общежитии было особенно шумно. Окончив смену, ребята спешили поделиться впечатлениями и наперебой рассказывали, как прошел их первый рабочий день.

Вокруг Арчила собрались Вепхиа с товарищами, Ахмед Моцхобили и Бисмарк, которых прикрепили к блюмингу, Астамур Тантиба, Гайк Евангулов и мтиулец Симон Алпаидзе.

Работой остались довольны почти все, время, проведенное в цехах, пролетело быстро, и только Астамур выглядел скучным. Арчил тоже заметил это.

— Что, Астамур, грустишь? Не понравилась работа?

— Нет, отчего, работа неплохая. Немного шумно, пожалуй, — уши заболели.

— Тебя куда направили? В трубопрокатный?... Но там нет сильного шума.

— Не знаю... Значит, мне показалось.

— А что удивительного? Выросшему в садах, среди деревьев и цветов, и не такое покажется. Но ничего, привыкнешь — и этот шум замечать перестанешь. Знаешь, на фронте мне все казалось, что я ни заснуть, ни глаз сомкнуть не смогу под бомбежкой с утра до ночи. А ничего — привык. Все, бывало, жалел, что ночь коротка. Ко всему привыкает человек, а в особенности к работе... Но вот отчего ты грустишь — не пойму.

— Вы знаете, что с Ванико?

— Нет, сегодня я не был в больнице и еще не звонил. А что с ним?

— Не знаю. Оттуда звонили, но нам ничего не сказали, спрашивали вас. Думаю, что ему очень плохо...

— А ну, пойду позвоню, узнаем.

Арчил ушел, и через несколько минут на первом этаже загудели голоса, слышались чьи-то причитания и плач.

— Ванико умер, — сказал кто-то.

Вепхиа спустился вниз. На скамье, поникнув головами и глядя в пол, сидели девушки. Зизо горько плакала и маленьким платком вытирала глаза.

— Я так думаю... что во всем, во всем... виновата я... — всхлипывала она.

— Не надо, не плачь, — успокаивала ее Ламара, — ты при чем? И Гига совсем не при чем — сам Ванико во всем виноват, бедняга...

Она вдруг тоже начала плакать навзрыд.

Ребята стояли тихо, и если кто-нибудь заговаривал, то обязательно шепотом, словно покойник был тут же, рядом.

Вепхиа огляделся. У окна стоял Гига и, отвернувшись, смотрел во

двор, затянутый тьмою. Гайк Евангулов что-то тихо говорил ему, видимо, успокаивая. Но Гига будто ничего не слышал и продолжал прямо смотреть в окно.

— Бедный парень — у него ни отца, ни матери, сам рассказывал, среди извозчиков и шоферов вырос, — услышал Вепхиа чей-то голос.

— Да нет, отец у него есть, только отец от него отказался.

Вепхиа узнал голос Дзики Данелия и поспешно отошел к Гиге.

— Он был моим кровником, а так жалко, Гига, словно брат родной умер! — сказал он негромко. — Вот как бывает...

— В том-то и дело, Вепхиа! — с неожиданным жаром воскликнул Гига и притянул его за плечо. — Это меня и убивает! Такая нелепая смерть.

Гига хотел добавить еще что-то, но запнулся. Он вспомнил, что послужило невольной причиной гибели Ванико, махнул рукой и отвернулся к окну.

Вепхиа совсем пал духом. Он почувствовал себя таким слабым и беззащитным перед лицом смерти, таким одиноким, что его единственным желанием было скорее очутиться в родных горах. До щемящей боли в груди ему вдруг захотелось увидеть замшелые камни, старые меха в кузне Апареки, поесть приготовленных тетей Сандуа хинкали...

Он вспомнил младшую дочь Алуды, Мзекалу, с подстриженной на лбу челкой, и, странное дело, только сейчас ясно представил себе, как она всегда исподтишка поглядывала на него, проходя мимо.

Мзекала!

Вепхиа видел ее перед собой в хевсурском наряде, в вязаных пестрых циндеби¹, красиво зашнурованных каламанах²; ее украшенный перламутровыми пуговицами передник обтягивал упругий и полный стан. Вепхиа представил, как, подняв на плечо медный кувшин — тунги, Мзекала идет к роднику...

Где все это? Ах, почему не вернулся он из Тбилиси в свою деревню — оттуда совсем легко, даже пешком можно было подняться в Хевсуретию...

А отсюда... Разве уйдешь отсюда? Вот ушел несчастный Ванико, далеко ушел...

— Вепхо, пошли с нами... Ты хороший парень, не то что эта мелюзга...

Перед ним стояли Гайк Евангулов и Симон Алпаидзе.

— Сестра-джан, — обратился Гайк по-русски к дежурной, — где здесь делают гробы, не знаешь?

— Гробы? Ой, не знаю, — с испугом воскликнула девушка, но, подумав, озабоченно сказала: — подождите, кажется, знаю. На улице Партизан, отдел Коммунхоза — там делают. Только, во-первых, сейчас там никого не будет — уже поздно. А потом нужно представить справки из загса, от нашего коменданта и взять в Горсовете ордер на получение досок для гроба. Это все завтра, с утра...

— Все равно пойдем, — не согласился Гайк, — может быть, еще открыто.

Все трое надели бушлаты и вышли на улицу. Было темно, пустынно и холодно. Из окон еле просвечивал свет. Тротуары, мостовая, столбы — все заиндевело.

¹ Циндеби — шерстяные носки.

² Каламаны — обувь, род лаптей из кожи.

Они молча шли, засунув руки в карманы, и стук солдатских ботинок гулко разносился по притихшим улицам.

— Вот что нас ожидает, — сказал Гайк и остановился раскурить папиросу. — Хотел бы я знать, для чего мы страдаем, мучаемся, создаем, разрушаем, убиваем друг друга. Разве не напрасно все? И конец не один? Пошли, ребята, выпьем за упокой души нашего брата-человека! Здесь близко пивная...

— Если бы на войне, хоть не обидно, а то такая глупая смерть, — пробормотал Вепхиа.

— Ты читал Бараташвили? — спросил Симон.

— Что? — не понял Гайк.

— Стихов Бараташвили не учил в школе? «И жалок тот, кто в памяти земли уже при жизни станет мертвечиной».

— Никаких стихов я не знаю, тушо¹, зато хорошо знаю, что все в жизни пустяки, ерунда, каждый заботится о себе, — надеяться не на кого. Лучше пойдем и выпьем по стаканчику за упокой души нашего друга. Вот вся награда, какую и мы заработаем после смерти. Пошли, Вепхо, выпьем и все позабудем...

Освещенные окна пивной казались единственным светлым пятном в окружающем мраке. Из черного раструба громкоговорителя на столбе доносились гулкие раскаты. Вепхиа прислушался.

— Ба, Тигр, ты что здесь полуночишаешь? Ты, я вижу из молодых да ранний!

Хевсура дергал за рукав полушубка Василий Иванович Булатов. Симон и Гайк с недоумением смотрели на него.

— Слыхали, хлопцы, Москва салютует! — Булатов кивнул в сторону радио. — Молодцы наши, теперь уже недолго — скоро войне конец. Вот она наша уральская-то сталь!

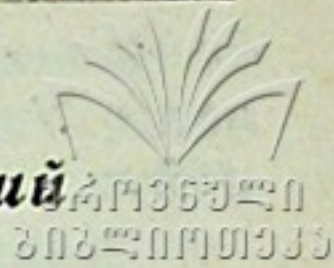
И взглянув на печальные лица парней, весело сказал:

— Вы что притихли-то? А ну, пошли со мной, ребята...

К О Н Е Ц П Е Р В О Й Ч А С Т И

¹ Тушо — жаргонное обращение к тушину.

У П А Р О М А

(Из цикла рассказов „Деревня в горах“)

В Ирмисцкаро живет народ честный, трудолюбивый, спокойный. Крестьяне любят повторять пословицу: «С ласковым словом можно по-доить оленя», терпеть не могут лентяев и болтунов. Поэтому, наверное, в деревне не любили Укнару, сына огородника Швелидзе. Собственно, звали его Мишико, но кличка Укнара—бездельник, так прилипла к нему, что даже домашние не называли мальчишку по имени.

— Тут без чужого не обошлось,—шутили иные, глядя на огненно-красную охалку волос Укнары,—у нас рыжих отроду не бывало. И в кого он выдался, шальной такой?...

А шальному все равно, что говорят о нем,—носится себе по деревне, пугая кур и дразня собак. То двух кошек хвостами свяжет и пустит в толпу, то заберется на чердак домика рябой Матроны и насует в щели горлышки от бутылок. Подует ветер—завоет в горлышках на разные голоса—тоненько, будто плачет, или хриплым басом... Матрона вечером зовет на помощь соседей, кричит со страху не своим голосом.

На чердак лезет целое войско с палками, шампурами, вилами. Пока сообразят, в чем дело, полночи и прошло. А довольный Укнара хохочет, за живот хватается. Дать бы ему по шее, да ведь не пойман—не вор.

Старый огородник Сандро Швелидзе извелся, пытаюсь пристроить сына к какому-нибудь делу. Но Укнару прогоняли отовсюду.

Когда в селе решили построить переправу через реку и плотники стали сбивать паром, Швелидзе пошел в сельсовет—просить, чтобы сына взяли в паромщики.

Председатель сельсовета, однорукий Мито, долго молчал, видимо, не желая обидеть товарища, потом спросил:

— А если Ук... если он паром с людьми утопит?

— Не сможет. Разве его утопишь? Трос вон какой толстый, лодки крепкие, бревна костылями сбиты...

— Уже подобрали паромщика, — соврал председатель сельсовета.

— Убил ты меня.

Сандро вернулся домой, встретил у калитки сына и в сердцах закатил ему подзатыльник. Отскочив в сторону, Укнара вопросительно глянул на отца—карие глаза округлились, на лоб свисал клочок рыжих волос.

— Будешь знать, как паром топить, собачий сын! — угрюмо сказал Сандро, проходя во двор.

Укнара пожал худыми плечами — это был тот редкий случай, когда он не совсем понял, за что ему влетело,—отец обычно бывал справедливым.

Укнара вприпрыжку побежал к реке. До самого вечера он крутился среди плотников, мешая им, потом на несколько дней остыл к парому, а когда натянули трос, и паром, довольно неуклюжее сооружение — две

больших плоскодонных лодки и по верх них толстый настил — испробовали, Укнара сообразил, что лучшего места для прыжков в воду не найти.

Как ни сердился Мито, сколько ни прогонял ребят паромщик Важа, изображавший из себя лихого капитана, а место на корме обеих лодок с легкой руки Укнары было навсегда завоевано мальчишками.

Отойдет паром от берега, крутое течение начинает бить в тупые носы лодок, и — плюх-плюх! — валятся в воду загорелые тела. Важа с завистью глядит на них — ему некогда выкупаться: то с одного берега, то с другого доносится зов:

— Важа-а, ого-ой, Важа-а! Паром давай, паром!

Лишь осенью Важа перестал завидовать сверстникам — начались дожди, ветры, пошли холода — где уж тут купаться! Важа теперь работал вместе со старым Бесо — утром шел в школу, а с полудня сменял напарника. Дежурить было скучно: товарищей нет, дождик моросит, сидишь в фанерной будочке и зябнешь. Лишь Укнара не забывал его — ежедневно приходил половить рыбку. Но и с ним Важа разговаривал мало. Спросит что-нибудь, а Укнара шикнет в ответ:

— Тише ты, горе-капитан...

Вид у Укнары жалкий, губы посинели, все тело от холода вздрагивает, а глаза такие жаркие, словно их разогревают изнутри.

В селе Укнару не любили все сильнее и сильнее — уже не вмоготу становилось от его нескончаемых проделок.

В воскресенье денек выдался ясный — ветер разогнал тучи и завывал, носясь по ущелью, раскачивая могучие сосны, вспенивая полноводную после дождей реку, заставляя людей кутаться в башлыки да платки.

С утра деревня опустела — все уехали на базар. После полудня стали возвращаться — некоторые на поезде приехали, а все остальные добирались на машинах и кричали с того берега паромщика.

Укнара стоял на берегу реки, укрывшись от ветра за большим камнем, и встречал сельчан, сходящих с парома, острыми словечками.

— Так его, так, — с визгом смеялся он, глядя, как Женя Гонгадзе пихает кулаком в спину своего пьяного мужа, — на десять рублей жена продала лука, на двадцать муж выпил водки, вот это барыш!

— С обновочкой, — поздравлял он легкомысленную модницу Соню, заметив на груди у нее новую брошь, — хорошая вещь брошка: если сломается, из булавки можно иглу сделать и заштопать отцу штаны.

За Соню шел ее старенький отец — брюки его были залатаны на коленях, и слова Укнары привели девушку в ярость... Она остановилась, чтобы высказать задире все, что о нем думает, но он уже улизнул и, перебежав за другой валун, подбирал своими острыми глазами новую жертву.

Вдруг Укнара вскочил и побежал к воде, словно кто-то гнался за ним. На ходу он сбросил куртку и ботинки.

Укнара бросился в бурлящую реку, и почти одновременно на пароме раздался протяжный женский крик. Укнара не слышал его — он в несколько сильных быстрых взмахов доплыл до середины реки и нырнул.

Паром ткнул в берег — с него соскочили на гальку две женщины. Неистово крича, стянув с голов платки и царапая лица, они побежали вдоль реки, вниз по течению. Сельчане выбегали из домов и торопились к переправе — выяснить, что за беда приключилась.

Укнара выплыл за порогами. Бледный, обессиленный, он с трудом выбрался на берег с маленькой девочкой на руках. Она не дышала, но

когда крестьяне подбежали к мальчику, — очнулась. Мать и тетка с криком налетели на Укнару, вырвали девочку из его рук и стали целовать и ласкать. Толпа окружила их. Только теперь удалось выяснить, что девочка отошла от заговорившихся женщин к краю парома и упала в воду.

— Если б этот Укнара не увидел, лишились бы мы ее, — всхлипывая, рассказывала мать девочки. — Моя маленькая, испугалась ты? Скорее домой, а то простудишься. Счастье мое, свет моей жизни...

Укнара, дрожа от холода, отошел в сторонку и поглядывал на толпу людей, гудящую на разные голоса: кто сочувствовал, кто ругал женщин, в болтовне забывших о ребенке...

Укнара побрел разыскивать свою куртку и ботинки, но чья-то рука остановила его.

— Подожди, парень, — произнес мужской голос.

Мальчик обернулся — председатель колхоза Серго Чадунели стоял перед ним. Укнара испуганно отпрянул, готовый по привычке оправдываться.

— Ишь ты какой, — покачал головой председатель, — а я и не знал, что ты... уже мужчина. Молодец! Дай, братец, руку пожать тебе.

Укнаре еще никто никогда не пожимал руки. Он неловко согнул руку в локте и робко протянул вперед растопыренные пальцы. Чадунели крепко стиснул их своей широкой горячей ладонью. Не успел Укнара убрать руку, как кто-то снова пожал ее...

— Надень-ка мое пальто, — сказал Серго. — Да быстрее! Та-ак. А теперь пошли домой. Идем, идем.

Чадунели обнял Укнару за плечи. Позади них шли колхозники.

Пока председатель разговаривал с мальчиком, рябая Матрона, любившая первой сообщать новости, побежала вперед.

— Скорей, Сандро! Укнара... в реку бросился... девочка упала, скорей! — бессвязно проговорила она, добежав до дома Швелидзе.

Перепуганный Сандро в чем был выскочил из дому. Далеко ему бежать не пришлось — рядом со школой он заметил толпу крестьян. Среди них, рядом с Чадунели шел Укнара. Плечи его прикрывало новое председателево пальто, мокрые рыжие волосы, как всегда, спадали на лоб.

— Ну, подожди, я же тебе! — по привычке пригрозил старый огородник и пустился бежать к толпе. По дороге он выдернул из изгороди палку. Размахивая ей, он подскочил к сыну.

— Ох! — вырвалось у Укнары.

— С ума ты сошел, Сандро! — рассердился председатель и вырвал у огородника палку. — Мы тут все благодарим Мишико, а ты...

Как потерянный, стоял Сандро и глядел на сына. Давно не слышанное имя — Мишико — поразило слух, но он никак не мог сообразить, что же сделал хорошего его сын. Вникнув, наконец, в слова председателя и поняв их смысл, он повернулся и молча побежал к дому.

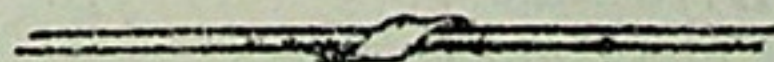
— Никак вправду рехнулся старик! — сказал кто-то.

— Нет, — улыбнулся догадливый Серго, — он к жене побежал, обрадовать ее хочет.

Укнара глядел на сгорбленную спину отца, озорные глаза его притухли — он впервые о чем-то глубоко задумался.

А Сандро уже стоял на крыльце своего дома, махал рукой и кричал:

— Идите! Стол накрываем! В гости жду вас, в гости!...

С ЛИХСКОЙ ГОРЫ

Перевод с грузинского С. Виленского и Я. Серпина.

На гору Лихскую поднявшись,
Окинь знакомые края,
И ты увидишь,
Как прекрасна
Родная Грузия твоя.
Простор весенний зеленеет,
Теплом живительным согрет,
И только снежною порошей
Слетает с яблонь
Первый цвет.
А там,
Где пеленой тумана
Одеты камни древних плит,
Как будто лебедь белокрылый,
Гелатский монастырь стоит.
Гремят, срываясь, водопады,
Алмазной россыпью пыля,
И смотрят
В голубое небо,
Как меч, прямые тополя.
Мелькают быстрые форели,
Как искры,
В глубине реки,
И разговор ведут немолчный,
К скале прибившись,
Родники...
Но ты увидишь и другое
Под этим небом голубым:
Янтарный блеск
Рионских молний,
Плывущий с Чиатура дым,
Услышишь ты
Дыханье домен,
Где нынче плавится металл,
И гулкий зов электровоза
В ущелье
Среди диких скал.

О Кутаиси,
Зестафони,
О Имеретия моя!
С твоей бессмертной красотой
Хотел бы породниться я;
Благословить народ чудесный,
Что сердцем чист,
Душою прям;
Припасть горячими устами
К твоей груди,
К твоим цветам.
Кого ни встретишь ты в дороге,
Какою ни пройдешь тропой —
Сердца людей,
Как двери дома,
Распахнуты перед тобой.
Забудь про долгую усталость,
От вечных отдохни забот.
В тени развесистой чинары
Накрытый стол
Давно нас ждет.
Расправят крылья наши песни,
И, слыша их,
Поймет любой,
Что это молодость
И счастье
Звенят сегодня над землей.
Тебе горянка улыбнется
И душу опалит огнем,
И, вся зардевшись,
Пододвинет
Кувшин,
Наполненный вином,
И отойдет,
Откинув косы,
Неслышно, будто бы скользя,
И ты поймешь,
Что не влюбиться
В такую девушку —
Нельзя.
А рядом веселятся люди
И звезды
Светятся в вине, —
Когда окончена работа,
Веселье
Радостней вдвойне!

На гору Лихскую поднявшись,
Окинь знакомые края,
И ты увидишь,
Как прекрасна
Родная Грузия твоя!

Итало Кальвино

Последним прилетел ворон

Перевод с итальянского Г. Брейтбурда

Легкой рябью, словно сеткой, подернуло воду у берегов, а посредине речка быстрая, прозрачная. Молнией сверкнет спинка форели — и тотчас же рыба зигзагом уходит поглубже: будто серебряным крылом кто-то прорезал водную гладь.

— Да здесь полно форели, — сказал партизан.

— Если бросить гранату, все всплывут брюхом кверху, — ответил ему другой и, сняв гранату с пояса, принялся отвинчивать кольцо.

Стоявший в сторонке парень из здешних горных мест, совсем молодой, с лицом, круглым, как яблоко, вышел вперед.

— Дай-ка, — сказал он и взял винтовку у одного из них.

— Тебе чего? — рассердился партизан и хотел было отнять у него свое оружие. Но парень стал наводить винтовку на воду, отыскивая цель.

— Выстрелишь в воду, только рыбу испугнешь, — начал партизан, но не успел закончить. Мелькнула форель, и парень настиг ее своим выстрелом, словно знал, что она появится именно в этом месте. Рыба всплыла белым брюшком кверху.

— Ну и ну! — покачали головами партизаны.

Парень снова зарядил винтовку. Воздух был прозрачен и чист: можно было разглядеть иглы сосен на другом берегу, заметить любую складку на водной поверхности. Вот появилась рябь: опять форель! Выстрел — и всплыла мертвая рыба. Партизаны поглядывают то на рыбу, то на стрелка. Да, этот умеет стрелять!

А парень водит стволом в воздухе.

И до чего ж это, в самом деле, удивительно! Вокруг нас воздух — целые пласты воздуха отделяют нас от других предметов. Но стоит навести винтовку — и воздух становится прямой, невидимой чертой, протянутой от ствола прямо к ястребу, который сейчас парит в небе, широко распахнув свои кажущиеся неподвижными крылья. Стоит нажать курок — воздух по-прежнему пуст и прозрачен — но там, на другом конце черты, ястреб взмахнул крыльями и камнем валится на землю. А открытый затвор так хорошо пахнет порохом.

Он спросил, чтоб дали еще патронов. Теперь на берегу речушки за его спиной собралось немало лю-

бопытных. Там, по ту сторону реки, на самой верхушке деревьев такие заманчивые еловые шишки. Что ж, так на них и глядеть? К чему это пустое пространство между ним и предметами? Ведь шишки неотделимы от него, от его глаз, они с ним, а не где-то там, далеко. Стоит навести винтовку, и ясно, что пустота—это просто обман: пройдет доля секунды, и валится шишка, срезанная у стебля. Его забавляло ощущение пустоты ружейного ствола, пустоты, которая продолжалась в воздухе. Так легко заполнить пустоту выстрелом, так просто провести черту, которая ведет к шишке, цветку мака, камушку, белке.

— Да, этот не промахнется,—говорили партизаны, и никто не решился подшутить над парнем.

— Пойдешь с нами, — сказал начальник.

— А винтовку дадите? — спросил парень.

— Дадим, а как же.

И он ушел с ними.

С собой захватил сумку, полную яблок, и две головки сыру.

Деревня была пятном соломы и коровьего помета, затерянным в горах пятном. Как хорошо уходить! За каждым поворотом дороги ждет что-нибудь новое: деревья с еловыми шишками, готовыми вспорхнуть с ветки; камни, поросшие мхом. Только кем-то выдуманное расстояние отделяет его от них. Выстрел может поглотить воздух, заполняя собой пустоту. Но ему запретили стрелять: по этим местам нужно пройти без шума, патроны нужно беречь для войны. Через тропу пробежал испугнутый их шагами заяц. Под свист и улюлюканье он чуть было не укрылся в кустах, но у самого края тропы его настиг выстрел.

— Ты хорошо стреляешь,—сказал тогда начальник, — но мы здесь не на охоте. Нельзя стрелять—и точка. Даже если увидишь фазана.

И часу не прошло, как отряд, растянувшийся в цепочку, услышал новые выстрелы.

— Это снова мальчишка! — вскипел начальник и пошел за ним вдогонку.

Парень смеялся, его круглые щеки покраснели.

— Куропатки, — сказал он, протягивая начальнику птицу. — Целый выводок поднялся.

— Ты у меня позабудешь про куропаток. Отдай винтовку. Попробуй еще что-нибудь выкинуть, мигом вернешься в деревню.

Парень надулся — шагать без ружья совсем неинтересно. Но, куда он с ними, можно надеяться, что ему снова дадут винтовку.

Заночевали в горах. Парень проснулся с первыми лучами солнца. Другие еще спали. Он выбрал самую лучшую винтовку, набил сумку патронами и ушел.

Тих и чист воздух раннего утра. Неподалеку от места ночлега росло тутовое дерево. В это время года к нему слетаются сойки. Вот одна—он выстрелил, подобрал птицу, положил в сумку. Не сходя с места, стал выискивать новую цель. Совсем еще сонная белка! Напуганная первым выстрелом, она спешила укрыться на самой верхушке каштана. Потом он убил большую мышь с серым хвостом — если к ней притронуться, шерсть сама выпадает. Стоя у каштана, он увидел внизу, на лужайке, ядовитый гриб, красный с белыми пятнышками. Разнес его на части, а потом отправился взглянуть, точно ли попал в цель. Что за чудесная игра: переходить от цели к цели. Нельзя ли вот так обойти вокруг света? Большая улитка лежала на камне. Он прицелился, а когда подошел ближе, увидел раздробленный камень и немного радужной пены. Теперь он шел по незнакомым полянам и забрался далеко от места ночевки.

Стоя у камня, он обнаружил ящерицу на изгороди; подойдя к изгороди, заметил лягушку у лужицы; подойдя к лужице, увидел внизу людей в мундирах с оружием в руках. Заметив смеющегося во весь

больших плоскодонных лодки и поверх них толстый настил — испробовали, Укнара сообразил, что лучшего места для прыжков в воду не найти.

Как ни сердился Мито, сколько ни прогонял ребят паромщик Важа, изображавший из себя лихого капитана, а место на корме обеих лодок с легкой руки Укнары было навсегда завоевано мальчишками.

Отойдет паром от берега, крутое течение начинает бить в тупые носы лодок, и — плюх-плюх! — валятся в воду загорелые тела. Важа с завистью глядит на них — ему некогда выкупаться: то с одного берега, то с другого доносится зов:

— Важа-а, ого-ой, Важа-а! Паром давай, паром!

Лишь осенью Важа перестал завидовать сверстникам — начались дожди, ветры, пошли холода — где уж тут купаться! Важа теперь работал вместе со старым Бесо — утром шел в школу, а с полудня сменял напарника. Дежурить было скучно: товарищей нет, дождик моросит, сидишь в фанерной будочке и зябнешь. Лишь Укнара не забывал его — ежедневно приходил половить рыбку. Но и с ним Важа разговаривал мало. Спросит что-нибудь, а Укнара шикнет в ответ:

— Тише ты, горе-капитан...

Вид у Укнары жалкий, губы посинели, все тело от холода вздрагивает, а глаза такие жаркие, словно их разогревают изнутри.

В селе Укнару не любили все сильнее и сильнее — уже не вмоготу становилось от его нескончаемых проделок.

В воскресенье денек выдался ясный — ветер разогнал тучи и завывал, носясь по ущелью, раскачивая могучие сосны, вспенивая полноводную после дождей реку, заставляя людей кутаться в башлыки да платки.

С утра деревня опустела — все уехали на базар. После полудня стали возвращаться — некоторые на поезде приехали, а все остальные добирались на машинах и кричали с того берега паромщика.

Укнара стоял на берегу реки, укрывшись от ветра за большим камнем, и встречал сельчан, сходящих с парома, острыми словечками.

— Так его, так, — с визгом смеялся он, глядя, как Женя Гонгадзе пихает кулаком в спину своего пьяного мужа, — на десять рублей жена продала лука, на двадцать муж выпил водки, вот это барыш!

— С обновочкой, — поздравлял он легкомысленную модницу Соню, заметив на груди у нее новую брошь, — хорошая вещь брошка: если сломается, из булавки можно иглу сделать и заштопать отцу штаны.

За Соню шел ее старенький отец — брюки его были залатаны на коленях, и слова Укнары привели девушку в ярость... Она остановилась, чтобы высказать задире все, что о нем думает, но он уже улизнул и, перебежав за другой валун, подбирал своими острыми глазами новую жертву.

Вдруг Укнара вскочил и побежал к воде, словно кто-то гнался за ним. На ходу он сбросил куртку и ботинки.

Укнара бросился в бурлящую реку, и почти одновременно на пароме раздался протяжный женский крик. Укнара не слышал его — он в несколько сильных быстрых взмахов доплыл до середины реки и нырнул.

Паром ткнулся в берег — с него соскочили на гальку две женщины. Неистово крича, стянув с голов платки и царапая лица, они побежали вдоль реки, вниз по течению. Сельчане выбегали из домов и торопились к переправе — выяснить, что за беда приключилась.

Укнара выплыл за порогами. Бледный, обессиленный, он с трудом выбрался на берег с маленькой девочкой на руках. Она не дышала, но

когда крестьяне подбежали к мальчику, — очнулась. Мать и тетка с криком налетели на Укнару, вырвали девочку из его рук и стали целовать и ласкать. Толпа окружила их. Только теперь удалось выяснить, что девочка отошла от заговорившихся женщин к краю паромы и упала в воду.

— Если б этот Укнара не увидел, лишились бы мы ее, — всхлипывая, рассказывала мать девочки. — Моя маленькая, испугалась ты? Скорее домой, а то простудишься. Счастье мое, свет моей жизни...

Укнара, дрожа от холода, отошел в сторонку и поглядывал на толпу людей, гудящую на разные голоса: кто сочувствовал, кто ругал женщин, в болтовне забывших о ребенке...

Укнара побрел разыскивать свою куртку и ботинки, но чья-то рука остановила его.

— Подожди, парень, — произнес мужской голос.

Мальчик обернулся — председатель колхоза Серго Чадунели стоял перед ним. Укнара испуганно отпрянул, готовый по привычке оправдываться.

— Ишь ты какой, — покачал головой председатель, — а я и не знал, что ты... уже мужчина. Молодец! Дай, братец, руку пожать тебе.

Укнаре еще никто никогда не пожимал руки. Он неловко согнул руку в локте и робко протянул вперед растопыренные пальцы. Чадунели крепко стиснул их своей широкой горячей ладонью. Не успел Укнара убрать руку, как кто-то снова пожал ее...

— Надень-ка мое пальто, — сказал Серго. — Да быстрее! Та-ак. А теперь пошли домой. Идем, идем.

Чадунели обнял Укнару за плечи. Позади них шли колхозники.

Пока председатель разговаривал с мальчиком, рябая Матрона, любившая первой сообщать новости, побежала вперед.

— Скорей, Сандро! Укнара... в реку бросился... девочка упала, скорей! — бессвязно проговорила она, добежав до дома Швелидзе.

Перепуганный Сандро в чем был выскочил из дому. Далеко ему бежать не пришлось — рядом со школой он заметил толпу крестьян. Среди них, рядом с Чадунели шел Укнара. Плечи его прикрывало новое председателево пальто, мокрые рыжие волосы, как всегда, спадали на лоб.

— Ну, подожди, я же тебе! — по привычке пригрозил старый огородник и пустился бежать к толпе. По дороге он выдернул из изгороди палку. Размахивая ей, он подскочил к сыну.

— Ох! — вырвалось у Укнары.

— С ума ты сошел, Сандро! — рассердился председатель и вырвал у огородника палку. — Мы тут все благодарим Мишико, а ты...

Как потерянный, стоял Сандро и глядел на сына. Давно не слышанное имя — Мишико — поразило слух, но он никак не мог сообразить, что же сделал хорошего его сын. Вникнув, наконец, в слова председателя и поняв их смысл, он повернулся и молча побежал к дому.

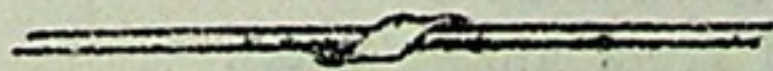
— Никак вправду рехнулся старик! — сказал кто-то.

— Нет, — улыбнулся догадливый Серго, — он к жене побежал, обрадовать ее хочет.

Укнара глядел на сгорбленную спину отца, озорные глаза его притухли — он впервые о чем-то глубоко задумался.

А Сандро уже стоял на крыльце своего дома, махал рукой и кричал:

— Идите! Стол накрываем! В гости жду вас, в гости!...

С ЛИХСКОЙ ГОРЫ

Перевод с грузинского С. Виленского и Я. Серпина.

На гору Лихскую поднявшись,
Окинь знакомые края,
И ты увидишь,
Как прекрасна
Родная Грузия твоя.
Простор весенний зеленеет,
Теплом живительным согрет,
И только снежною порошей
Слетает с яблонь
Первый цвет.
А там,
Где пеленой тумана
Одеты камни древних плит,
Как будто лебедь белокрылый,
Гелатский монастырь стоит.
Гремят, срываясь, водопады,
Алмазной россыпью пыля,
И смотрят
В голубое небо,
Как меч, прямые тополя.
Мелькают быстрые форели,
Как искры,
В глубине реки,
И разговор ведут немолчный,
К скале прибившись,
Родники...
Но ты увидишь и другое
Под этим небом голубым:
Янтарный блеск
Рионских молний,
Плывущий с Чиатура дым,
Услышишь ты
Дыханье домен,
Где нынче плавится металл,
И гулкий зов электровоза
В ущелье
Среди диких скал.

О Кутаиси,
Зестафони,
О Имеретия моя!
С твоей бессмертной красотой
Хотел бы породниться я;
Благословить народ чудесный,
Что сердцем чист,
Душою прям;
Припасть горячими устами
К твоей груди,
К твоим цветам.
Кого ни встретишь ты в дороге,
Какою ни пройдешь тропой —
Сердца людей,
Как двери дома,
Распахнуты перед тобой.
Забудь про долгую усталость,
От вечных отдохни забот.
В тени развесистой чинары
Накрытый стол
Давно нас ждет.
Расправят крылья наши песни,
И, слыша их,
Поймет любой,
Что это молодость
И счастье
Звенят сегодня над землей.
Тебе горянка улыбнется
И душу опалит огнем,
И, вся зардевшись,
Пододвинет
Кувшин,
Наполненный вином,
И отойдет,
Откинув косы,
Неслышно, будто бы скользя,
И ты поймешь,
Что не влюбиться
В такую девушку —
Нельзя.
А рядом веселятся люди
И звезды
Светятся в вине, —
Когда окончена работа,
Веселье
Радостней вдвойне!

На гору Лихскую поднявшись,
Окинь знакомые края,
И ты увидишь,
Как прекрасна
Родная Грузия твоя!

Итало Кальвино

Последним прилетел ворон

Перевод с итальянского Г. Брейтбурда

Легкой рябью, словно сеткой, подернуло воду у берегов, а посредине речка быстрая, прозрачная. Молнией сверкнет спинка форели — и тотчас же рыба зигзагом уходит поглубже: будто серебряным крылом кто-то прорезал водную гладь.

— Да здесь полно форели, — сказал партизан.

— Если бросить гранату, все всплывут брюхом кверху, — ответил ему другой и, сняв гранату с пояса, принялся отвинчивать кольцо.

Стоявший в сторонке парень из здешних горных мест, совсем молодой, с лицом, круглым, как яблоко, вышел вперед.

— Дай-ка, — сказал он и взял винтовку у одного из них.

— Тебе чего? — рассердился партизан и хотел было отнять у него свое оружие. Но парень стал наводить винтовку на воду, отыскивая цель.

— Выстрелишь в воду, только рыбу испугнешь, — начал партизан, но не успел закончить. Мелькнула форель, и парень настиг ее своим выстрелом, словно знал, что она появится именно в этом месте. Рыба всплыла белым брюшком кверху.

— Ну и ну! — покачали головами партизаны.

Парень снова зарядил винтовку. Воздух был прозрачен и чист: можно было разглядеть иглы сосен на другом берегу, заметить любую складку на водной поверхности. Вот появилась рябь: опять форель! Выстрел — и всплыла мертвая рыба. Партизаны поглядывают то на рыбу, то на стрелка. Да, этот умеет стрелять!

А парень водит стволом в воздухе.

И до чего ж это, в самом деле, удивительно! Вокруг нас воздух — целые пласты воздуха отделяют нас от других предметов. Но стоит навести винтовку — и воздух становится прямой, невидимой чертой, протянутой от ствола прямо к ястребу, который сейчас парит в небе, широко распахнув свои кажущиеся неподвижными крылья. Стоит нажать курок — воздух по-прежнему пуст и прозрачен — но там, на другом конце черты, ястреб взмахнул крыльями и камнем валится на землю. А открытый затвор так хорошо пахнет порохом.

Он спросил, чтоб дали еще патронов. Теперь на берегу речушки за его спиной собралось немало лю-

бопытных. Там, по ту сторону реки, на самой верхушке деревьев такие заманчивые еловые шишки. Что ж, так на них и глядеть? К чему это пустое пространство между ним и предметами? Ведь шишки неотделимы от него, от его глаз, они с ним, а не где-то там, далеко. Стоит навести винтовку, и ясно, что пустота—это просто обман: пройдет доля секунды, и валится шишка, срезанная у стебля. Его забавляло ощущение пустоты ружейного ствола, пустоты, которая продолжалась в воздухе. Так легко заполнить пустоту выстрелом, так просто провести черту, которая ведет к шишке, цветку мака, камушку, белке.

— Да, этот не промахнется,—говорили партизаны, и никто не решался подшутить над парнем.

— Пойдешь с нами, — сказал начальник.

— А винтовку дадите? — спросил парень.

— Дадим, а как же.

И он ушел с ними.

С собой захватил сумку, полную яблок, и две головки сыру.

Деревня была пятном соломы и коровьего помета, затерянным в горах пятном. Как хорошо уходить! За каждым поворотом дороги ждет что-нибудь новое: деревья с еловыми шишками, готовыми вспорхнуть с ветки; камни, поросшие мхом. Только кем-то выдуманное расстояние отделяет его от них. Выстрел может поглотить воздух, заполняя собой пустоту. Но ему запретили стрелять: по этим местам нужно пройти без шума, патроны нужно беречь для войны. Через тропу пробежал испуганный их шагами заяц. Под свист и улюлюканье он чуть было не укрылся в кустах, но у самого края тропы его настиг выстрел.

— Ты хорошо стреляешь,—сказал тогда начальник, — но мы здесь не на охоте. Нельзя стрелять—и точка. Даже если увидишь фазана.

И часу не прошло, как отряд, растянувшийся в цепочку, услышал новые выстрелы.

— Это снова мальчишка! — вскрипел начальник и пошел за ним вдогонку.

Парень смеялся, его круглые щеки покраснели.

— Куропатки, — сказал он, протягивая начальнику птицу. — Целый выводок поднялся.

— Ты у меня позабудешь про куропаток. Отдай винтовку. Попробуй еще что-нибудь выкинуть, мигом вернешься в деревню.

Парень надулся — шагать без ружья совсем неинтересно. Но, куда он с ними, можно надеяться, что ему снова дадут винтовку.

Заночевали в горах. Парень проснулся с первыми лучами солнца. Другие еще спали. Он выбрал самую лучшую винтовку, набил сумку патронами и ушел.

Тих и чист воздух раннего утра. Неподалеку от места ночлега росло тутовое дерево. В это время года к нему слетаются сойки. Вот одна—он выстрелил, подобрал птицу, положил в сумку. Не сходя с места, стал выискивать новую цель. Совсем еще сонная белка! Напуганная первым выстрелом, она спешила укрыться на самой верхушке каштана. Потом он убил большую мышь с серым хвостом — если к ней притронуться, шерсть сама выпадает. Стоя у каштана, он увидел внизу, на лужайке, ядовитый гриб, красный с белыми пятнышками. Разнес его на части, а потом отправился взглянуть, точно ли попал в цель. Что за чудесная игра: переходить от цели к цели. Нельзя ли вот так обойти вокруг света? Большая улитка лежала на камне. Он прицелился, а когда подошел ближе, увидел раздробленный камень и немного радужной пены. Теперь он шел по незнакомым полянам и забрался далеко от места ночевки.

Стоя у камня, он обнаружил ящерицу на изгороди; подойдя к изгороди, заметил лягушку у лужицы; подойдя к лужице, увидел внизу людей в мундирах с оружием в руках. Заметив смеющегося во весь

рот парня с винтовкой, они стали что-то кричать и навели на него свои автоматы. Но парень уже разглядел золотые пуговицы на груди у одного из них и прицелился.

Затем, растянувшись за грудой камней на обочине дороги, он слышал, как кричал раненный им человек и как свистели пули над самой головой. Здесь, в этом не простреливаемом пространстве, он мог даже перемещаться вдоль широкого прикрытия из камней, мог на мгновение высунуть голову в самом неожиданном месте, чтобы взглянуть на вспышки огня из стволов и на серые мундиры солдат. Отсюда он мог взять на мушку чей-либо галун или лацкан.

Вскоре он услышал треск выстрелов у себя за спиной: на помощь шли партизаны.

— Не разбуди нас этот парень своей стрельбой... — говорили они друг другу.

Под прикрытием их огня он стал целиться тщательней. Но тут пуля оцарапала ему щеку — один из солдат взбежал по дороге и целился в него сверху. Парень спрыгнул в кювет, выстрелил, но попал не в солдата, а в его винтовку, в самый затвор. Лежа в кювете, он услышал, как солдат пытался зарядить винтовку, потом бросил ее. Тогда парень вскочил и выстрелил в солдата, но тот кинулся бежать: выстрел сорвал только погон с его плеча. Парень погнался за солдатом. А тот то скрывался среди деревьев, то вновь попадал под прицел. Пуля обожгла верхушку его шлема, другая скользнула по пряжке пояса. Вскоре солдат добежал до ложбины, куда не доходил шум боя. Солдат увидел, что лес кончился; перед ним, совсем близко, густая поросль кустарника. Но тут из-за деревьев выскочил парень — солдат едва успел залечь за большой камень и укрыть голову меж колен. Теперь он был в безопасности: за поясом у него ручные гранаты, и парень не может подойти к

нему ближе. Он может только строжить его на расстоянии ружейного выстрела, чтобы не дать уйти. Конечно, если добежать до кустарника, а оттуда скатиться вниз по крутому склону... Но как пересечь это голое место? Сколько же простоит здесь парень? Неужели он ни на минуту не отведет в сторону ствол винтовки? Солдат решил попытать счастья, надел шлем на штык и чуть-чуть высунул его за край камня. Выстрел — и шлем покотился в сторону. Солдат не терял надежды: конечно, удобно стрелять по камню, но если вскочить, побежать — попасть будет непросто.

Над ними пролетела птица, должно быть, утка. Выстрел — утка упала. Солдат вытер пот с шеи. Снова пролетела птица, на этот раз — дрозд. Парень подстрелил и дрозда. Солдат глотал слюну. Здесь, должно быть, перелетная тропа: то и дело пролетают птицы, каждый раз другие, и парень каждый раз стреляет без промаха. Солдат подумал: «Он занят птицами, позабыл обо мне. Как только выстрелит по птице, я вскочу. Но, может, лучше сначала проверить?». Он подобрал шлем и снова надел его на штык. На этот раз пролетели бекасы: сразу пара. Жаль было солдату ради проверки упускать такой случай, но вскочить он все же не решался. Парень подстрелил бекаса, и тогда солдат выставил шлем. Выстрел — и шлем подпрыгнул. Теперь у солдата появился свинцовый привкус во рту, он даже не заметил, как был подстрелен второй бекас. Нет, нельзя торопиться, здесь, за этим камнем, с гранатами за поясом, он — в безопасности: «Попробую кинуть гранату отсюда, из-за камня». Солдат прижался спиной к земле, вытянул правую руку вдоль тела, стараясь не высовываться из-за укрытия. Собрав все свои силы, бросил гранату. Бросок отличный: граната полетит далеко. Но меткий выстрел заставил гранату взорваться в воздухе на половине пути. Солдат

плотней прижался к земле, чтоб его не настигли осколки.

Когда он поднял голову, показался ворон.

Ворон медленно кружил в небе. Парень, конечно, сейчас выстрелит. Но выстрела не было. Может быть, ворон слишком высоко? Но смог же он подстрелить птиц, которые летали выше и быстрее. Наконец, выстрел раздался, но ворон продолжал кружить медленно и невозмутимо. С соседней сосны упала сбитая выстрелом шишка. Что же, он теперь по шишкам вздумал стрелять? Одну за другой сбивал парень еловые шишки. С сухим треском падали они на землю. После каждого выстрела солдат глядел на ворона. Падает? Нет, черная птица

теперь кружит все ниже и ниже. Неужто парень ее не видит?

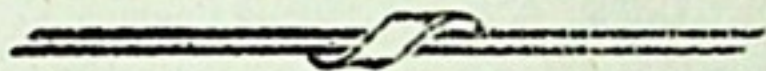
Может, ворона вовсе и нет, может, это начался бред... Может, тот, кому суждено умереть, видит, как над ним сначала пролетают все птицы, а ворон приходит последним, когда настанет час. Надо все же предупредить парня, который как ни в чем не бывало сбивает еловые шишки.

Солдат вскочил и пальцем ткнул в сторону черной птицы.

— Вот ворон! — закричал он на своем языке.

Пуля впилась в вышитого на его куртке орла с распростертыми крыльями.

Ворон снижался, описывая медленные круги.

Ираклий Абашидзе

ПО ДОРОГАМ ИНДИИ

Очерк второй)

Мушаира — соревнование поэтов, поэтическая битва.

Я и до поездки слышал кое-что о мушаире. В позапрошлом году известный индийский поэт Али Сардар Джафри напечатал даже статью в московском журнале «Новый мир», где выступил против тех писателей и литературоведов, которые считают мушаиру устаревшей формой и предлагают ее отменить. Слишком общее представление, которое у меня было до этого о мушаире, не позволяло мне решить, кто прав. Я пошел на состязание любопытным, непосредственным зрителем, и после того, что увидел и в чем сам участвовал, убедился, что совершенно прав был Али Сардар Джафри.

Мушаира — очень интересная форма поэтического состязания. К сожалению, чтобы организовать ее, надо преодолеть множество трудностей. Индийские поэты живут и работают во многих городах и деревнях своей страны. Созвать их для участия в мушаире в большинстве случаев под силу только какому-нибудь состоятельному меценату.

Так случилось и на этот раз. Пришли те, кто был на конференции, а кроме них, по инициативе одного богатого купца-делейца, прибыли видные поэты из дальних городов и деревень. И вот чудесным декабрьским вечером, в одной большой делейской аудитории началась мушаира. Я думаю, излишне распростра-

няться о том, что мушаира, состоявшаяся после конференции писателей стран Азии, представляла особый интерес и значение.

Перед началом встречи был устроен короткий ужин. Подкрепляясь для состязания, поэты мерили друг друга взглядами, словно взвешивая силы, и вежливо улыбались. Чокнулись бокалами, раздались тосты за каждого из собравшихся: оказывается, наши грузинские застольные обычаи — это вообще обычаи поэтов (не знаю только — в связи с мушаирой?).

На мушаире собралась масса народу. Колоссальный двор летнего театра был заполнен слушателями (или зрителями, не знаю, как сказать точнее). На сцене, на широком ковре, повосточному подобрав под себя ноги, уселись известные поэты Индии: Фирок Горакхпури, Джигар Мурадабад, Фаис Ахмед Фаис, Махиуддин, Али Сардар Джафри, Гулам Рабани Табан, Нияз Хайдар и другие.

Мушаиру повел Гулам Рабани Табан. Первыми выступили стихотворцы, которые, судя по отношению слушателей, большой популярностью не пользовались. Но, несмотря на явную холодность аудитории, они от микрофона не отходили. Всем своим видом они показывали, что их стихи и есть мыслимое совершенство. Любопытно было наблюдать за ними. Я вспомнил строку Руставели: «А он все же будет, как мул, настаивать, что его стихи лучше всех».

Вспомнив Руставели, я подумал, что, может быть, наши поэты также

Очерк первый см. в журн. «Литературная Грузия» № 6 за 1958 год.

стихотворения, аудитория разразилась оглушительными аплодисментами и криками. Как видно, и здесь об этом стихотворении слышали многие.

После Симонова на сцену поднялся Анатолий Софронов. Песню, написанную для кинофильма, он спел сам — это произвело большое впечатление на присутствующих:

— Ва-а-ах! Ва-а-ах! Вах!

Потом настала моя очередь. На ступенях, ведущих на сцену, я оставил свои ботинки. В очень пестрых носках, купленных в тот день, подошел я к микрофону. Рядом со мной встала переводчица Кругерская. Я начал:

В этой сказочной стране ее чудес

Я не мог объяснить и одной десятой доли..

Это стихотворение родилось как раз в те дни. Я прочел первые и последние строфы, а Кругерская перевела стихотворение целиком.

— Ва-а-ах! Ва-а-ах! Вах!

По очереди подходили к микрофону Кара Сейтлиев, Зульфийа, индийские поэты. На подносах приносили все новый и новый бетель, и все жевали и жевали его, шевеля губами.

Разошлись в час ночи, да и то лишь из уважения к нам. Обычно же, как нам сказали, мушаира в Индии продолжается до утра.

Наш неразлучный спутник беллетрист Навтедж, проводив нас до гостиницы, сообщил, что на следующий день нас приглашает его отец, писатель и общественный деятель, член Индийского парламента Гурбахш Сингх. Гурбахш Сингх пригласил нас в дом своей дочери и зятя. (Сам он живет не в Дели, он из Пенджаба). Это приглашение мы приняли с удовольствием — и потому, что Гурбахш Сингх друг Советского Союза, и потому, что нам хотелось посмотреть на жизнь семейного делийского горожанина, на быт и обычаи.

На следующий день, еще до того, как мы поехали к Сингху, советскую делегацию принял вице-президент Индии Радха Кришнан. Как и большинство домов в Нью-Дели, его дом одноэтажный. Большой, каменный. Во дворе зеленая поляна. Множество цветов. Высокие, дающие обильную тень деревья. Голубая железная ограда, прекрасные аллеи. Заранее предупрежденная

охрана распахнула перед нами ворота, и машины по дорожке, посыпанной битым кирпичом, подкатили к дому.

Проходим в большой, убранный коврами зал. Сопровождавшие нас индийские писатели тут же сели на пол, на ковры, поджав ноги. Нам предложили мягкие низкие стулья. Через несколько минут из смежной комнаты вышел хозяин.

Радха Кришнан несколько лет был послом в Советском Союзе, он хорошо знает нашу страну, в особенности Россию, Москву.

Это высокий, сухопарый старик. Радха Кришнан — один из крупнейших современных философов Индии. Он очень дружелюбно говорил о Советском Союзе, вспоминая о разных встречах в Москве и Ленинграде.

В зал вошел и сел рядом с вице-президентом мужчина лет сорока. Это был сын Махатма Ганди. Его здесь очень уважают.

Радха Кришнан высказал свои соображения о принципе сосуществования социалистического и капиталистического миров.

— В прошлом часто думали, — сказал он, — что две идеи, две религии не могут ужиться друг с другом. Но на практике получалось иначе. Так будет и в наше время: сосуществование двух идеологий вполне возможно...

...Вечером в гостиницу снова приехал наш неутомимый Навтедж: Гурбахш Сингх ждал нас в доме своей дочери.

Снова одноэтажный дом. Чистенький, похожий на имеретинский, двор. Каменный пол в доме устлан коврами. На балконе нас встречает по-юношески стройный Гурбахш Сингх. Улыбки, возгласы, объятия. Он действительно похож на сказочного старца, на царя, которого рисует Зичи в «Витязе в тигровой шкуре», — с длинной белой бородой, распущенными, свисающими усами, густыми бровями.

Мы поднялись на открытую веранду, оттуда прошли в гостиную. Там нас ждали дочь и зять Сингха, другие гости — видно, близкие этой семьи. Среди них была и уже знакомая нам поэтесса Амрита со своим мужем.

Амрита Притам — очень милостивая, очень спокойная и очень обая-

тельная женщина. Ее черные теплые глаза смотрят всегда ласково. В моих ушах и сейчас звучит ее очаровательный, низкий, словно из глубины женского сердца идущий голос. Читая стихи, она держится еще более спокойно, еще более задумчиво и чуть-чуть печально. Но это, наверное, печаль любви, только любви. Когда Амрита читает — муж всегда улыбается. Может быть, каждая строка посвящена ему? Об этом знают только они — Амрита и ее муж, человек с густой черной бородой, мужественно красивый сикх; он сидит на тахте, поджав ноги, и смотрит на жену. Часто он поглядывает и на нас — нравятся нам стихи или нет.

Гурбахш Сингх что-то сказал младшей незамужней дочери, та вышла, но вскоре вернулась, принесла индийский музыкальный инструмент, красивый многострунный ситар. Это нечто вроде европейской арфы. Девушка села посредине ковра, тронула струны и грустным голосом повела песню. Первые две мелодии прозвучали для нас как-то совсем по-чужому, а потом мы что-то вдруг отыскали в основном мотиве песни, и сердца отозвались на него.

Гурбахш Сингх попросил нас спеть свои песни и прочесть стихи. И мы спели и прочли. Я пел (как умел, конечно) нашу бесхитростную тбилискую «Нет, не ищу я роз...»

Давно не вспоминал я эту наивную песню, уж не знаю, произвел ли я какое-нибудь впечатление на слушателей, но у меня на душе сделалось вдруг и грустно и нежно — далекая песня далекой юности, почему ты вспомнилась мне на далекой индийской земле?

Симонов также прочитал свои стихи (скорее для нас, чем для хозяев, ничего не понимавших в русской речи), Софронов опять вызвал всеобщий восторг песней для кино, Турсун-заде снова выручал нас своими рубайями. Помню также, как Гарегин Севунц, который не умеет петь и даже не вспомнил, как это зачастую случается с беллетристами, ни одного чужого стихотворения, раскинул руки и сплясал что-то похожее на лезгинку...

Гурбахш Сингх пригласил нас приехать к нему в Пенджаб. Мы, конечно, согласились с радостью.

До ворот нас провожали все. Мы

от души благодарили и хозяев и гостей...

В тот вечер каждому из нас Амрита подарила маленький сборник своих стихов. Четким почерком выведено на нем посвящение. Я держу сейчас в руках этот сборник, вспоминаю чудесный вечер, музыку и песни...

«Нет, не ищу я роз...»

Ну, да об этом хватит.

Покинем Дели и посмотрим другие города Индии.

* * *

От Нью-Дели к Агре, древней столице государства великих Моголов, ведет довольно разбитая гудронная дорога. Но кто будет обращать внимание на дорожные неудобства: мы ведь стремились в Агру, навстречу великим чудесам!

Но случается, что и неудобства чудесны, а иные чудеса неудобны.

Едва только мы покинули Дели и выбрались на тракт, потянувшийся через деревни, леса и равнины, как дорогу загородило множество обезьян. С непостижимым проворством, стремительно и шумно, как абреки, они мчались к нам с вершин деревьев и со стен развалившихся крепостей. Мы остановились и вышли на дорогу. Водители кричали: «Хо-хо-хо-о!».

Обезьяны взяли нас в кольцо. Крики шоферов только увеличивали число любопытных животных, бросивших свои насиженные места, чтобы посмотреть на нас и нам дать возможность утолить любопытство. Шоферы стали, потехи ради, бросать им земляные орехи — и пошел сыр-бор!

Но орехи нравятся не только обезьянам! И вот с деревьев спускаются белки, откуда-то тучей неожиданно налетают вороны... А вот одна из обезьян схватила орех, одним махом взлетела на верхушку дерева и пошла, качаясь, перепрыгивать с ветки на ветку, с дерева на дерево.

Какая-то большая обезьяна весьма заинтересовалась нашей машиной, блестящими, как зеркало, крыльями, сверкающими фарами. Обезьяна несколько раз степенно обошла автомобиль — другие, видно, боятся ее и близко не подходят. Она у них, наверное, важная персона, или просто забияка. Большая обезьяна вгляделась в лакированную поверхность машины и дотронулась до своего отражения

лапой. «Мартышка, в зеркале увидя образ свой...»

...Продолжаем путь. Каких только птиц и животных не встретите вы на дорогах Индии! Белки, зеленые попугаи (тучей поднимаются они, и кажется, что это зеленый ковер луга, оторвавшись от матери-земли, взвился в небо), соколы, белоголовые сипы. В болотах, мимо которых мы проезжаем, — аисты и цапли, дикие утки и гуси, и какие-то большие птицы, похожие на пеликанов. По дороге на встречу нам пылят верблюды, белые быки, ослы, а вот на поле видны павлины. «Интересно, чей это павлин так свободно здесь разгуливает?» «Чьим ему быть? — отвечает водитель, — Чьи здесь ястребы, соколы?..»

Если вы видите множество грифов — значит недалеко деревня. Эти птицы, оказывается, могильщики, а лес, в котором они живут, служит чем-то вроде деревенского кладбища. Вечером жители приносят сюда покойников, утром от них остаются только кости. Эти места в Индии называют «башнями молчания».

Не доезжая Агры — старинные дворцы; местные жители считают их дворцами падишаха Акбара. Впрочем, в Индии многое приписывается Акбару.

В Агре машина останавливается перед гостиницей. И тут меня чуть не хватил удар. Прямо у дверей стоял молодой индус, а вокруг его тела извивался огромный желтый удав. Молодой человек придерживал своего «приятеля» за шею, а змея высунула свой огромный язык и размахивала им, как кнутом, поводя вокруг противными глазками. Рядом второй индус продавал за тридцать рупий шкуру такого же громадного питона. Я ее не купил, мало того, мне как-то вообще не очень хотелось заходить в эту гостиницу, где можно было ожидать встречи еще с чем-нибудь подобным.

Агра — очень интересный город. Здесь на тронах когда-то восседали Великие Моголы: Бабур и Хумаюн, Акбар, Джаганхир, шах Джахан, Ауренгзеб. В Агре одно из самых великих чудес Индии — Тадж-Махал, венец всех дворцов восточного зодчества, памятник, о котором нельзя рассказать словами. В семнадцатом веке шах Джахан построил этот белоснежный мавзолей в честь безвременно

скончавшейся жены. Дворец стоит на левом берегу одной из самых больших рек Индии — Джамны, отражаясь в ее прозрачных водах. Впрочем, о Тадж-Махале столько написано, что я боюсь даже начинать говорить о нем. Удивление, восхищение — только эти чувства владеют тобой, когда ты смотришь на это беломраморное чудо. Всемогуц человек, его разум и его десница! Удивительнейшим мастерством своим строители превратили в явь сказку, сделали реальностью прекрасный сон. Словно белые облака спустились на землю, и рука незримого зодчего высекла из этих облаков минареты и купола. Страшно отвести глаза — вдруг подует ветер, и чудо вновь превратится в облака и взлетит к небу.

Служители дали нам домашнюю обувь, мы надели ее и вошли в царство молчания.

Какая чудодейственная рука превратила неодушевленные глыбы мрамора в тончайшие, словно дышащие, кружева, обложила стены фантастическими изразцами, высекла эти суровые лица с драгоценными камнями вместо глаз?!

На стенах — каскад цветов, попугаев, лебедей, аистов, соколов, львов, тигров, пантер, слонов, оленей; точность изображения, безошибочное чувство меры, изысканный вкус, калейдоскопическая фантазия — потрясающее мастерство! По стенам вьются письмена — здесь весь коран увековечен в камне.

Вы ошеломлены, у вас кружится голова!

Шаха Джахана из династии Великих Моголов, десятого потомка Тимур-ленга, постигла страшная судьба. Об этом очень интересно рассказывает французский ученый и путешественник Франсуа Бернье, который случайно оказался свидетелем всего, что случилось тогда в Агре.

У шаха Джахана было четыре сына: Дариос, Султан Суджа, Ауренгзеб и Мурад-башх. Как обычно, дети состарившегося падишаха начали между собой борьбу, отец никак не мог прекратить ее. Ауренгзеб, благодаря интригам, победил, убил братьев, вступил на трон Великих Моголов, а отца, глубокого старика, бросил в темницу, в построенный еще Акбаром на правом берегу Джамны огромный Аг-

рафорт. Несколько лет смотрел с противоположного берега реки низвергнутый падишах на Тадж-Махал, мавзоль своей любимой жены. Так он и умер в грозном Аграфорте Акбара.

Перед смертью отца, как рассказывает Бернье, Аурагзеб просил у него прощения, писал покаянные письма. Одно такое письмо Франсуа Бернье приводит в своей книге: «Вы знаете, — «утешал» Аурагзеб отца, — что, когда Тимур взял в плен Баязета¹, он приказал в тот же день привести пленника к нему и, когда привели того, Тимур посмотрел ему в лицо и захохотал, а Баязет в ответ на это печально ответил: «Не смейся, Тимур, не смейся над моей бедой. Ты знаешь сам, что царства и империи распределяет бог, и завтра тебя может постигнуть та же участь, что меня сегодня». На это Тимур, — продолжал Аурагзеб, — очень мудро ответил: — Я знаю лучше тебя, Баязет, что царства распределяет бог. Я смеюсь не над тобой, упаси аллах! Но когда я смотрю на твое лицо, у меня рождается мысль, что царства и империи, наверное, ничего не значат для бога, ибо зачем же бог отдает их таким уродам, как мы с тобой. Ты — одноглазый слепец, а я — несчастный хромым...»

...Внизу, над прозрачными волнами Джамны носились юркие ласточки, а в небе Тадж-Махала, по-летнему высоко и открыто, плавно парили орлы и куда-то летели грифы, наверное, к «башням молчания»...

Потом мы поехали по правой стороне Джамны, к крепости Акбара, к грозному Аграфорту. Даже войскам, оснащенным современной военной техникой, было бы трудно овладеть этой крепостью без бомбардировочной авиации и парашютистов. Широкие, бездонные рвы, непрерывные, в несколько рядов стены, ворота снабжены тяжелыми железными запорами. Внутри опять множество башен, укрепленных стен и ворот. Эта крепость в свое время была неприступна; до самого падения независимой Индии никто не мог взять ее. Поэтому форт и сегодня сохранился в первоначальном виде. Он безлюден, мрачен, но не молчалив — во дворе нас оглушили крики обезьян.

¹ Султан Баязет был полонен Тимуром в 1402 г. Тимур посадил его в железную клетку и всюду возил с собой.

Из камеры, где томился шах Джахан, мы смотрели на ту сторону реки на величественный, волшебный Тадж-Махал.

Англичане вывезли из Аграфорты много богатств — фресковую живопись, драгоценные камни, орнаменты. Ограбленные стены и залы похожи на обездоленных людей. Ученые Индии прилагают сейчас большие усилия, чтобы обнаружить за границей исторические богатства своей родины. Государство старается вернуть его обратно, но дело требует средств, которые извлечь из статей бюджета невозможно; организовать же сбор средств в народе пока не удается. Так и остаются в далеких странах драгоценные сокровища индийских архитектурных памятников.

На расстоянии двадцати миль от Агры расположен Фатехпур-Сикр. Это — мертвый город. Его выстроил тоже Акбар, третий повелитель из династии Моголов, выстроил в ознаменование рождения сына — Селима. Именно на этом месте предсказала ему какая-то гадалка, что у него родится сын. Акбар собирался даже сделать Фатехпур столицей, но спустя шестнадцать лет с момента основания города в нем внезапно исчезла вода и люди покинули Фатехпур. О нем говорят — «заброшенный город Индии».

Здесь тоже много значительных архитектурных памятников: мраморные дворцы, крепостные башни, часовни, бани, места развлечений, конюшни. От стены к стене летают теперь здесь зеленые попугаи. По камням ползают ящерицы, а высоко вверху, на стенах вырисовываются силуэты грифов. Запустение, одичание, каменная глушь.

На центральной площади Фатехпура до сих пор непоколебимо стоит огромный железный столб. К нему, оказывается, привязывали дрессированного слона, и он приводил в исполнение смертные приговоры падишаха Акбара — затапывал преступников.

Мы вошли во дворец Акбара, поднялись на второй этаж, в судейский зал. Я сел в кресло, на котором когда-то восседал грозный властелин Востока. По-индийски скрестив ноги, я стал думать, представляя себя Акбаром, но из этого ничего не вышло; может быть, потому что рядом очутился Га-

регин Севунц и защелкал фотоаппаратом.

Красивейшая мраморная баня. Я представил себе, как она должна была выглядеть, когда здесь текла вода!

На могиле Шейх-Селима, в белом мавзолее лежат живые цветы и какие-то религиозные жертвоприношения. Над мрамором потрудился искусный резец: камень словно вышит.

Несколько часов бродили мы по мертвому городу. С высоких башен смотрели на поля Индии, на купола далеких храмов. Из «мертвого города» можно уйти через «ворота победы» — самые высокие ворота в Азии. Акбар воздвиг их в знак победы над Южной Индией.

Мы вернулись в Дели, чтобы встретить там Новый год. Над старым Дели великолепной короной возвышается «Красный форт», самая замечательная крепость Великих Моголов. Падение этого форта было последней точкой в утрате Индией независимости; с тех пор двести лет в стране царили наместники английского короля. Через двести лет, в день освобождения Индии, национальное знамя было поднято над этой цитаделью, возвестив народу, что его борьба увенчалась победой. «Красный форт» — это индийский Кремль, символ независимости и самоуправления Индии. «Красный форт» Великих Моголов был взят лишь однажды — Надир-шахом. Отсюда Надир-шах похитил знаменитый «трон павлина». И сегодня здесь очаровывают сказочные постройки из мрамора, водопады. На стене форта гордая надпись: «Если в этом мире существует рай — он именно здесь, здесь, здесь».

Ко всему сказанному хочу добавить вот что: когда на конференции писателей стран Азии советская делегация внесла предложение — созвать следующую в Советском Союзе, в Узбекистане, и когда, как я уже говорил, присутствующие встретили это сообщение восторженными аплодисментами согласия, некоторые из них радостно воскликнули при этом — «Самарканд!»

Для многих в Индии наш Самарканд, как видно, тоже сказочное место. Об этом городе Средней Азии здесь сохранились чуть ли не фантастические представления; и, откровен-

но говоря, Самарканд, действительно, чудо-город, один из замечательнейших и величественных памятников всего Востока. Что касается меня, я бы поставил в один ряд с чудесами Индии замечательную самаркандскую мечеть Шах-Занде, или, если хотите, пантеон Тимуридов, или скрытую многие века и лишь незадолго перед войной обнаруженную могилу самого Тимур-ленга.

Музей Самарканда также один из богатейших музеев на всем Востоке. Между прочим, здесь вы можете увидеть мумию хромого Тимура и самой любимой его жены Биби-Ханум. Тимур, опечаленный ее смертью, приказал построить мечеть с таким высоким минаретом, что кажется, будто он вонзился в небо. Наверное, по следам своего предка пошел представитель десятого (как вычислили в Индии) поколения Тимуридов шах Джахан, который построил Тадж-Махал. И здесь любимая женщина вдохновляла на великий творческий подвиг, но, увы, и здесь — умершая женщина.

Как утверждают ученые, Самарканд — один из тех редких городов, которые выглядят так же великолепно сейчас, как и в первые века своего существования. Самаркандцы гордятся своим родным городом и его историей. Они и сейчас рассказывают о том, что непобедимый Искандер ничего не мог поделаться с упрямым городом и именно на подступах к Самарканду погиб от руки отважной девушки. Это, конечно, легенда. Император Искандер — Александр Македонский никогда в Самарканде не бывал и умер, как известно, в другом месте.

Из индийских городов своеобразием древнейших памятников архитектуры на Самарканд больше всего похож Кутуб-минар. Там находился гигантский бронзовый столб древнеиндийского царя-миролюбца Ашока. От этого города остались сейчас лишь развалины, сохранилась только знаменитая на весь мир многоэтажная башня, но она, как известно, — памятник средних веков, относится ко времени сельджукской «династии рабов».

Новый год мы встречали в нашем посольстве. Первого января индийцы Новый год не празднуют, но мы в ту ночь все-таки выпили за три новых года сразу: делийский, московский и

тбилисский. Тамадой был избран наш посол. Головокружительные танцы продолжались до утра. Утром Нового года я долго-долго смотрел на ласточки, которые резвились в небе, — как в Грузии солнечным днем в середине лета.

Странно устроен человек: как бы ни было ему хорошо вдали от дома, он всегда привязан душой к родным местам, и все, что видит, воспринимает, вспоминая дом или сравнивая с тем, что оставил дома. Впрочем, ничего странного в этом нет. Мне вспоминаются слова Джавахарлала Неру, сказанные им как раз на писательской конференции в Дели: «Корни человека лежат в той почве, которая его взрастила, в той среде, где он вырос, но ветви свои он может устремлять во всех направлениях, и они покроются листвой и цветами».

...Мы вылетаем в Бомбей.

Бомбей — большой, многоэтажный «европейский» город. Это особенно ощущаешь после приземистого одноэтажного Дели. Наша гостиница прямо на берегу Аравийского моря.

Располагаемся в номерах. Сразу же включаем вентиляторы. Они огромны, целиком покрывают потолки, напоминают винты вертолетов. Когда с мягким шумом они начинают гонять воздух, так и кажется, что здание вот-вот взлетит. Но без них, действительно, можно сгореть, тем более — в летние месяцы. В наших домах мы устраиваем центральное отопление, а в Индии в стены домов вмонтированы радиаторы центрального охлаждения. Кровати в гостиницах покрыты простынями вместо одеял. Третье января в Бомбее — это самое жаркое третье июня в Тбилиси.

Над городом висит густой серый туман — заводы. Я начинаю бормотать стихи. Первые строчки такие: «Бомбей горит в огне третьего января...» Утро. После короткого завтрака мы торопимся на берег. Надо как-то спастись от жары! Нанимаем моторку и плывем. Через два часа мы на острове Элефанта. Здесь есть большая пещера в скале — изумительный образец древнего искусства Индии. В четырнадцатом веке она была разрушена португальцами, но многие скульптуры, высеченные в камне, остались: у грабителей не хватило сил справиться с ними. Величественно и непри-

ступно смотрят на нас боги Индии: Шива — создатель мира, Парват — супруга Шивы, слон Ганеш — сын Шивы и Парват, орел Вишну, Брахма и другие. Когда сюда пришли португальцы, они увидели на скале, над входом в пещеру высеченное изображение громадного слона. Вот почему этот остров португальцы называли островом слона — «Элефанта».

Восьмирукий Шива держит восемь различных орудий. Это — разносторонний бог: он творец, хранитель и разрушитель. На голове Шивы-разрушителя череп, в руке кобра. Шива-хранитель держит в руке цветок лотоса, в волосах переплетены три реки Индии: Ганг, Джамна и Сарват. В пещере Элефанта, как и в нашей Вардзии, звенит прекрасный холодный источник. Остров кишит обезьянами. В небе, как тяжелые бомбардировщики, висят грифы. Потом вдруг они стремительно несутся вниз. Есть от чего испугаться и взяться за палки. Среди грифов, как истребители, мелькают соколы.

Жажда подступает к горлу. Мы пытаемся утолить ее соком кокосового ореха (их продают дети). Сладковатосоленый на вкус, сок не охлаждает и потому не доставляет особого удовольствия.

В Бомбее мы отправились к знаменитым «висячим садам». Собственно, никакие они не висячие. Сады разбиты на искусственной возвышенности, смотрят на город сверху — отсюда и название.

Сады очень красивы, но все-таки с нашим парком на плато фуникулера и Комсомольской аллеей не сравнятся. Если такой сад можно назвать висячим, то как же назвать наш парк?

Мы сидим наверху в кафе и смотрим на город, на морское побережье. Вдоль набережной, как в Ленинграде, например, по берегу Невы, высятся роскошные дворцы, гостиницы, магазины, кафе-рестораны. На пляже тысячи людей. Заходящее солнце с такой осторожностью пробивается сквозь узкие, похожие на лезвия кинжалов, листья садовых пальм, будто боится, что они его уколут. Вечерний ветерок раскачивает листья, и мы видим, как они прокалывают солнце.

В тот же вечер мы покинули Бомбей. Летим на самолете. После короткого отдыха в Нагпуре приземляемся

ночью в Калькутте. Этот город еще больше по размерам и еще больше в нем европейского. Но, между прочим, и здесь, как во всех больших городах Индии (и, пожалуй, на всем Востоке) есть свои старые районы. Они очень интересные, эти старые районы, и живут они своей жизнью, почти совершенно независимо от «европейской части». У них свои обычаи, свои правила и законы. Здесь, в старой части города, словно друг на друге, сидят кабачки, духаны, чайханы, набитые продавцами бетеля, музыкантами, кузнецами, шапочниками и множеством иного мелкого люда. В закоулках, почти сплющивая друг друга, теснятся арбы, мотоциклы, верблюды, старые авто, ослы, горбатые быки, коляски рикш, бараны, велосипеды — кто знает, чего там только нет!

Протяжный крик, шум, ругань. За полу, не стесняясь, вас тянут торговцы, они спорят между собой, каждый приглашает к себе. Словом, восточный базар, и именно такой, каким его себе обычно представляют, во всей нищете, блеске и экзотике.

Осмотр достопримечательностей Калькутты мы начали со дворца, построенного в честь королевы Виктории (нечто в духе Тадж-Махала). В этом здании сейчас Национальный музей Индии. Здесь вы найдете регалии индийских вице-королей, присылавшихся с Британских островов, скульптуры, картины. Во дворе перед музеем массивный памятник лорду Керзону. В галерее среди портретов грабителей — генералов и других английских должностных лиц — по праву, как говорится, — помещен портрет Редьярда Киплинга. Сотрудник музея, который давал нам объяснения, сказал о нем так: «Этот человек — поэт, писатель, он написал очень много плохого о нашей стране». Потом попросил обернуться и сказал: «А это — наша великая гордость и защитник нашей родины». Со стены на нас смотрел Рабиндранат Тагор.

Калькуттский дом Тагора находится в так называемом мусульманском квартале. Дом Тагора расположен на узенькой улице Читпурроди. Дом внушительных размеров, длинный и старый. Комната, где умер великий мыслитель, почти пуста. Виден только вделанный в стену шкаф да посередине стоит столик. На дверях и окнах жел-

тые занавески. Видно, из хозяев никого в живых не осталось, а государство пока не взяло этот дом под свою опеку.

На берегу Ганга раскинулся знаменитый ботанический сад Калькутты. В этом саду есть еще одно чудо из бесконечных чудес Индии — так называемый «Банианский лес». Лес? Нет, одно единственное дерево! Его ветви когда-то опустились вниз, вросли в землю, пустили корни. Из этих корней, в свою очередь, поднялись новые деревья, у тех тоже выросли ветви, которые снова вросли в благодатную землю и снова пустили корни, и так родился целый лес; сейчас в нем девятьсот сорок семь деревьев.

В 1927 году в корни главного дерева забрались белые муравьи (они здесь очень большие и, бывает, уничтожают целые леса). Чтобы не погиб лес, дерево-основу срубили, так что сегодня весь этот колоссальный массив из связанных друг с другом зеленых сямских близнецов словно парит в воздухе. Нечего и говорить, как приятно посидеть в тени этого леса!

Из Калькутты наш путь лежал в сторону Бенгалии. Именно отсюда разлился по Индии мутный поток английской оккупации. На земле Бенгалии хозяйничала Ост-Индская компания, с прибыльных оборотов ее капитала и началось господство британского льва. Но Бенгалия известна также своим революционным движением. Это — центр революционных волнений. Все время своего господства в Индии англичане вынуждены были обращать на Бенгалию особое внимание.

Мы проехали через многие бенгальские деревни. По сравнению с другими уголками Индии они выглядят как-то более богато.

Условия труда, как мы видели, и здесь очень тяжелые. Люди по пояс стоят в воде и собирают длинные рисовые стебли. На рисовых полях, в воде, маленькими ручными сетями ловят рыбу.

Но, смотрите-ка, мальчик, маленький, едва виден из воды, вытащил сеть и собрал рыбу. Ого, с каким восторгом он смеется, как уверенно болтает со стоящей рядом девочкой постарше. Еще бы, первый улов! Мы!

останавливаемся и фотографируемся с юным рыболовом.

Во дворах бенгальских деревень много высоких красивых пальм. Дома с балконами, как у нас в Грузии.

Проехав тридцать километров от Калькутты, мы остановились у дороги. Проголодались. У реки под деревом устраиваем завтрак. Мы сидим у «Алмазного залива». Ганг здесь очень широк. Парусные лодки, груженные плодами земли, плывут к Калькутте. Крепкие руки до черноты загоревших бенгальцев ритмично работают веслами. Мы машем руками. Нам отвечают на приветствие.

Но, что это, смотрите! В клубах пыли упал ниц человек. Вот приподнялся и поднял руки к небу, потом опять опустил их. Молится, молится, бедняга, просит о чем-то своего бога. Кто знает, какой у него бог. Как известно, молящихся нужно наблюдать в Бенаресе, в городе «святых» на берегу священного Ганга.

Говорят, в Бенарес каждый год приезжает больше миллиона паломников со всех концов Индии, из Китая, Японии, Индонезии, Бирмы. Сотни, тысячи километров идут они, глотая пыль десятков дорог, идут пешком, только пешком! Месяцы, годы уходят на дорогу. Если дойдешь до Бенареса и умрешь там — все прекрасно; твоя судьба тогда устроена: на том свете тебя ждет счастье, а душа уже очищена и готова к соединению с небесной душой. Люди приходят выкупаться в волнах Ганга, искупить тем самым грехи и отступиться от зла.

Мы пересекли город и подъехали к берегу священной реки. Протиснулись по лестнице, забитой паломниками. Здесь, на берегу они и спят — без всякой постели, под открытым небом. Правда, богатые живут в гостиницах и специальных бараках, а у очень богатых людей Индии и Восто-

ка здесь есть даже свои дворцы и модельни. Люди эти приезжают избавляться от грехов вроде как к себе на дачу.

Бенарес — один из стариннейших городов Индии. В древние времена здесь зародилась религия индуизма, и потому Бенарес называют «нектар индуизма». Индуизм — самая распространенная религия, хотя в Индии можно стать приверженцем всех религий мира: ислама, буддизма, христианства, конфуцианства... Тысячи сект, различительных признаков которых вы не поймете, как бы ни старались.

В городах и деревнях Индии часто встречаются люди с завязанными лицами. У них болят зубы? Нет. Это джайнисты. Лица у них завязаны для того, чтобы случайно кто-нибудь из них не проглотил бактерию. Из страха заболеть? Нет. Бактерии — живые существа, а человек не должен убивать живые существа. Джайнисты едят только овощи и рис. Они рассуждают так:

— Вы скажете, что растительность тоже нечто живое? Да. Но она стоит на таком низком уровне развития (эти слова уж мои, конечно), что может быть принесена в жертву такому высокоразвитому организму, как человек. А вообще-то говоря, тело является тюрьмой души. Поэтому человек должен как можно скорее освободить душу от заключения. (То есть, вмещаюсь опять я, человек должен постараться как можно скорее умереть). И действительно, погибают эти несчастные люди безвременно: от голода, от тысячи разных болезней, которые преследуют человека, если у него «ослаблено тело».

После катания по Гангу мы вернулись поездом из Бенареса в Дели. Какая природа открывалась нам в окнах! Индия! Ты поистине великий, безграничный сад!

Г. Твалчрелидзе,

заведующий отделом металлов
Кавказского института минераль-
ного сырья, доктор геолого-мине-
ралогических наук.

КЛАДОВЫЕ НЕДРА — ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Советские геологи уже не раз с честью справлялись с задачами, которые выдвигались перед ними быстрым развитием народного хозяйства нашей страны. Они всегда вовремя обеспечивали нашу промышленность всем необходимым сырьем — будь то олово или каменный уголь, молибден или строительный туф, алюминий или уран, ртуть или нефть.

Все, что нужно и сколько нужно, всегда могут дать кладовые природы — недра нашей земли. Нам не приходится опасаться исчерпания недр Советского Союза. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что в настоящее время известно лишь около 20% месторождений различных полезных ископаемых, а 80% залежей, разработка которых оказалась бы рентабельной при современном уровне техники, пока погребено в глубинах земной коры. Многие из этих кладов должны быть и будут поставлены на службу человеку уже в ближайшие годы.

XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза дал всем советским людям самые точные и реальные задания. Почетны и велики задачи и нашей геологической науки. Перед нею — широкое поле деятельности, неограниченные возможности для поисков и открытий, а порукой ее новых успехов является готовность большой армии советских геологов преодолеть любые трудности и внести свой вклад в успешную реализацию заданий семилетки.

Геологи за последние годы исследовали тайгу Сибири, где ими были открыты месторождения алмазов, тундру Дальнего Севера — с целью разведки золота и

олова, пески Кара-Кумов — для изучения богатейших скоплений нефти. И сейчас все новые и новые отряды молодых инженеров со студенческой скамьи отправляются в самые отдаленные концы страны, не боясь ни трудностей бродячей жизни, ни невзгод, ожидающих их в условиях сурового климата. И они зачастую становятся подлинными разведчиками богатств еще не обжитых районов нашей страны.

В прошлом году попал я на молибденовый рудник, затерявшийся в крутых безлесных горных ущельях юга Кавказа. На склоне горы живописным каскадом раскинулись сооружения обогатительной фабрики; вокруг нее, приспособившись к причудливым складкам горного рельефа, скрываясь от частых зимой снежных лавин, примостились здания технических цехов; жилые дома вытянулись цепочкой вдоль пологих террас, кое-где сохранившихся в этом узком и когда-то необитаемом ущелье бурной речки. А ведь еще сравнительно недавно мной здесь была поставлена первая палатка, убита первая фаланга, взрывами разогнаны ядовитые змеи, здесь была открыта новая молибденовая жила и начато систематическое изучение богатств, скрытых в недрах сурового горного края. Как же радостно было сейчас смотреть на неузнаваемо изменившийся пейзаж, в котором красивая природа стала лишь общим фоном. Не был слышен рокот бурного потока, его заглушил шум дробилок, буровых станков, компрессоров и других механизмов, без которых сейчас невозможно открывать и разрабатывать горные богатства. Неузнаваемо изменились и лю-

ди, населяющие край. Ко мне подходили и, смущенно улыбаясь, представлялись слесари, квалифицированные шахтеры, буровые мастера, а порой и инженеры, которые двенадцать — пятнадцать лет назад еще очень плохо представляли себе, что такое современная техника. Они прошли большую жизненную школу, изменились их интересы, потребности, да и весь образ жизни. Интересы рудника глубоко вошли в быт этих людей, и они уже не мыслят свое существование без деятельности на руднике.

Геологи первые привлекают местное население к разработке месторождений, а приходящие на смену им горные инженеры, обогатители, строители и дорожники воспитывают квалифицированные кадры, тесно связанные с ростом новых предприятий.

Наличие квалифицированных кадров — одно из важнейших условий успешного выполнения семилетнего плана поисковых работ, но нельзя забывать и важной роли, которая принадлежит науке, теории, необходимой для быстрейшего познания тайн недр. Обращаясь к трудам академика С. С. Смирнова, одного из крупнейших советских ученых-геологов, мы находим такое высказывание: «Не будем закрывать глаза на то, что успехи в создании минерально-сырьевой базы СССР, пожалуй, в большей мере обусловлены были наличием громадного фонда легко открываемых объектов и в меньшей мере достижениями нашей советской геологической науки». Опираясь на собственный пример изучения Восточного Забайкалья, Смирнов отмечал, что южные склоны хребтов, так называемые «солнопеки», где горные породы обнажены, изучены геологами неплохо. В противоположность им, на северных склонах — «сиверах», густо заросших кустарником и лесом, почти не открыто новых месторождений. Между тем, и южные и северные склоны хребтов в геологическом отношении представляют одно целое, и если бы мы знали методы поисков руды, не выходящей на поверхность, то в Восточном Забайкалье за короткий срок удалось бы увеличить число месторождений, по крайней мере, вдвое! Дать же такие методы может только глубокая научная теория происхождения минеральных месторождений.

Конечно, советские геологи многое сделали для совершенствования теории геологии, наша геологическая наука заслуженно пользуется большим авторитетом не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Мне лично довелось быть свидетелем того глубокого уважения и внимания, которыми были окружены представители советской делегации на 20-й сессии Международного геологического конгресса, состоявшейся в 1956 г. в Мексике. Авторитет

нашей геологической науки неоспорим. Вместе с тем, советским геологам предстоит еще многое сделать для овладения наиболее эффективными методами поисков «закрытых» от прямого наблюдения месторождений.

* * *

В декабре 1958 г. в Алма-Ате проходили оживленные заседания Объединенной межведомственной всесоюзной сессии, посвященной металлогеническим и прогнозным картам. В разгар зимы, снежных заносов и превратностей суровой погоды Казахстана более пятисот ученых-геологов со всех концов Советского Союза выехало в Алма-Ату, чтобы обсудить волнующие всех вопросы открытия новых месторождений, составление карт прогноза.

Металлогения — это наука, раскрывающая закономерности размещения месторождений полезных ископаемых в недрах земли. Металлогенические карты призваны отражать эти закономерности, а прогнозные — давать направления для поисков новых месторождений. Пока еще нет единых принципов металлогенического анализа и единой методики составления металлогенических карт. В СССР существовало два направления в этой науке: согласно первому, сформулированному ленинградской школой геологов под руководством Ю. А. Билибина, рудные месторождения образуются в определенные этапы развития горных систем, в тесной связи с накоплением осадков, формированием гор и магматическими явлениями. Второе направление возглавляется академиком К. И. Сатпаевым и проводится в жизнь большой школой геологов Казахстана. Процесс образования месторождений расшифровывается ими на фоне обширного и объективного фактического материала по геологии и рудам отдельных частей земной коры. В первом случае представление о циклическом, многостадийном процессе развития приводит к конкретным выводам, во втором — на основании конкретного материала делаются прогнозы. На основе работ Ю. А. Билибина были обнаружены запасы золота и олова на северо-востоке Союза, а исследования К. И. Сатпаева привели к открытию ряда крупных месторождений в Казахстане.

Оба направления в науке имеют право на существование, однако оторванные друг от друга они могут привести к догматизму.

Работы по изучению металлогении Кавказа, и в частности Грузии, систематически проводятся рядом производственных и научных организаций, в том числе и Кавказским институтом минерального сырья, который за 30 лет своей деятельности успел выполнить ряд

значительных исследований, послуживших основой для создания многих промышленных предприятий. Если в первые два десятилетия особое внимание уделялось работам по изучению различных нерудных ископаемых, главным образом глин, мраморов, халцедона, барита и т. д., то сейчас центр тяжести перенесен на металлы, и именно здесь предпринимается попытка научного познания закономерностей пространственного размещения металлических ископаемых, с тем, чтобы направить дальнейшие поиски по верному пути.

Изучение металлогении Кавказа производится с участием квалифицированных специалистов Северного Кавказа, Армении, Азербайджана. Нами составлен первоначальный вариант металлогенической карты, который недавно демонстрировался в Алма-Ате. Было выяснено, что геологическое развитие Кавказа, этой сложно построенной горной территории, протекало в продолжении, по крайней мере, четырех циклов, и это позволило внести значительные коррективы в схему ленинградских геологов. Каждый из крупных циклов, оказывается, подразделяется на три главных стадии, в периоды которых происходит образование только определенных типов месторождений полезных ископаемых. Было выяснено, что некоторые металлы встречаются во всех циклах, начиная от древнейших и до самых молодых, и являются, таким образом, «сквозными», другие же образуются только в определенные периоды формирования территории Кавказа. На карте мы попытались отметить отдельные площади, история геологического развития которых позволяет предполагать наличие в их пределах тех или иных месторождений.

Если возможно на основании научного обобщения и анализа всей геологической ситуации того или иного района определить условия, при которых происходила концентрация металлов, и время, когда такие условия существовали, то, вероятно, можно наметить и места, где следует ожидать наличия месторождений, и тем самым значительно сузить границы площади, подлежащей детальным исследованиям. (Значительные территории, образованные, например, новейшими мощными наносами или покровами застывшей лавы, считаются безнадежными в смысле рудоносности и не подвергаются дальнейшим исследованиям). Значение хорошей карты весьма велико — она позволяет сконцентрировать поиски месторождений на сравнительно узком фронте, отчего сама эффективность поисков значительно возрастает. Но если карты составлены поспешно, небрежно, без учета всей суммы фактов, определяющих рудоносность района, то вред их колоссален! Они способны заморозить на долгие го-

ды поиски на потенциально перспективных территориях, отодвинуть их исследование в даль будущих лет! Поэтому выделение каждого района как благоприятного, так и неблагоприятного, весьма ответственно и требует не только добросовестности, но, может быть, и интуиции.

В апреле 1958 г. в Париже происходило совещание подкомиссии Международного геологического конгресса по металлогенической карте мира. Когда советские геологи представили составленный ими в Ленинграде макет будущей карты, иностранцы выразили бурный протест: «Нам, дескать, не нужны идеи, положенные в основу ваших рекомендаций. Это никого сейчас не интересует. Нам нужны точки месторождений: где, что и сколько!». Истинная подоплека такого рода требований совершенно очевидна: наука, мол, наукой, а вы покажите, что у вас есть, где у вас есть и сколько у вас есть! Но дело не в политическом лице западных бизнесменов от геологии, а в том, что дальше чисто статистических карт полезных ископаемых наука пока у них не продвинулась. Но связывать данное обстоятельство с отставанием Запада в геологических дисциплинах от советской науки было бы не только неправильным, но и определенно вредным — иностранные, и особенно американские, ученые во многих областях геологии добились весьма значительных успехов, недооценивать которые нельзя. В то же время необходимо учитывать и слабые их стороны — они не хотят смотреть в будущее: прогнозы дальнейших исследований там никого не интересуют, поэтому и металлогения в загоне! А странно... Вы, вероятно, помните диалог между кахетинцем и рачинцем: «Ты любишь чурчхелы?» — «Нет». «Ну, а пеламуши любишь?» — «Это другое дело — люблю». «Орехи любишь?» — «Конечно». «Так ты только нитку не любишь?» Американские геологи склонны заниматься лишь отдельными отраслями теории происхождения руд различных металлов. Поэтому-то они и игнорируют металлогению.

Каковы же первые шаги советских ученых в этой области? Что мы можем предложить в качестве исходных рубежей для штурма будущих месторождений? Какие, наконец, предварительные выводы можно сделать сейчас из составленной по Грузии металлогенической карты? Вот некоторые из них: в наиболее возвышенной части Главного Кавказского хребта следует искать месторождения молибдена, вольфрама, олова, золота и мышьяка. Южнее, в высокогорной части Абхазии, Сванетии и Рачи имеются все предпосылки для обнаружения новых месторождений ртути, сурьмы, мышьяка, вольфрама и, мо-

жет быть, кобальта. Между курортами Гагра и Джава прослеживается полоса, в которой следует ожидать наличия новых месторождений барита, свинца и цинка. В части, расположенной к западу от Зекарского перевала, следует искать новые месторождения железа, свинца и цинка, а, может быть, и золота. В Южной Грузии, где многолетние исследования Ю. И. Назарова уже привели к открытию ряда месторождений, без сомнения, будут открыты новые богатые скопления руд меди, барита, железа, свинца и цинка.

Грузинское геологическое управление, возглавляемое известным геологом К. Г. Кереселидзе и его помощниками Д. Н. Чихладзе и Д. П. Долидзе, уже много сделало для обеспечения нашей промышленности различным минеральным сырьем: подготавливаются к освоению новые баритовые и ртутные зале-

жи, медные и железные, марганцевые и сурьмяные. Но предстоит сделать во много крат больше.

Геологи, все более уверенно определяя пути для научно-обоснованных поисков рудных залежей, решают тем самым важнейшую задачу обеспечения сырьем нашего все быстрее развивающегося народного хозяйства.

Геологи, собравшиеся на сессии в Алма-Ате, приняли единодушное решение выполнить семилетний план поисковых работ за пять лет. Можно не сомневаться в том, что слово свое они сдержат! И это, несомненно, служит лучшим доказательством плодотворности первых шагов, сделанных в области металлогенического анализа — одной из интереснейших областей геологической науки, за которой в будущем еще не одно открытие!

АТОМНЫЙ РЕАКТОР СТРОИТСЯ

Беседа с заместителем директора по научной части Института физики Академии наук Грузинской ССР А. Гачечиладзе

В наши дни невозможно себе представить ни одной области науки или техники, которая прямо или косвенно не была бы связана с развитием ядерной физики.

Атомная энергия — это неограниченные возможности роста производительных сил, технический и культурный прогресс, увеличение общественного богатства, это — могучая власть человека над силами природы.

Многие годы напряженного труда сплоченного коллектива советских ученых, рабочих, инженеров, годы борьбы и отважных поисков привели к победе. В СССР была создана первая в мире атомная электростанция. Впервые в истории человечества энергия, заключенная в атомном ядре, стала использоваться в промышлен-

ных масштабах. Сооружение атомной электростанции в СССР положило начало развитию атомной энергетики в нашей стране, строительству целого ряда экспериментальных атомных установок.

XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза утвердил контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, и будущее небывало приблизилось к нам. Мы стоим на пороге новых грандиозных преобразований во всех областях знания и, в частности, преобразований, которые принесет человечеству энергия атомных ядер. В предстоящем семилетии будет уделено особое внимание мирному использованию атомной энергии.

В районе Тбилиси сооружается

первый в Закавказье атомный реактор. Усиленными темпами ведется монтаж этого могучего агрегата, и недалек тот день, когда в атомном котле «закипит» цепная реакция и вступит в строй новое научно-исследовательское учреждение Грузии.

Трудно переоценить значение этого замечательного сооружения для нашей республики. Здесь будут осуществляться важнейшие исследовательские работы в самых различных отраслях науки. Атомный реактор придет на помощь физикам и химикам, биологам и врачам, геологам и минералогам.

Здесь будут работать над изучением возможностей использования радиоактивных излучений в промышленности, сельском хозяйстве, медицине — для контроля за качеством материалов, для управления производственными процессами и автоматического регулирования этих процессов, а также для диагностики и лечения различных болезней.

Работой атомного реактора будет руководить небольшой коллектив сотрудников. Управление цепной реакцией будет происходить на расстоянии — с пульта управления. На щите пульта управления смонтировано

множество точнейших приборов, подробно рассказывающих о том, что происходит внутри атомного котла, они показывают положение стержней в реакторе, температуру, давление, количество воды, протекающей в рабочих каналах реактора.

Атомный котел, рабочие каналы, в которых происходят процессы деления ядра, скрыты от человеческого глаза. Они окружены толстой защитной бетонной стеной, чтобы коллектив, обслуживающий реактор, не подвергался вредному действию излучений.

Деятельность персонала будет сводиться только к наблюдению за приборами и оборудованием. Комплекс защитных сооружений реактора обеспечивает полную безопасность для населения и окружающей природы.

Монтаж реактора скоро будет завершен. Находясь на стройке, нетрудно уже сегодня представить себе деятельность этой замечательной машины будущего. Здесь чувствуешь дыхание нашего завтрашнего дня.

Одно из величайших достижений человечества — открытие атомной энергии советская наука успешно использует на благо и процветание нашего народа.

М. Фетисов,

доктор филологических наук.

Факты и обобщения

Заметки об очерках истории грузинской литературы

Грузинская литература — одна из самобытных составных частей нашего многонационального социалистического искусства. И нам, современникам советской грузинской литературы, особенно радостно и приятно, что эта литература, имеющая тысячелетние художественные традиции, находится в настоящее время в состоянии всестороннего расцвета.

Грузинская литература переживает этот расцвет потому, что своими корнями уходит в социалистически преобразованную действительность нашего времени, окружена вдохновляющей заботой и требовательным вниманием не только грузинского народа, но и всех братских народов нашей страны.

Естественно поэтому, что работа над изучением грузинской литературы, над обобщением ее опыта представляется делом исключительно ответственным и важным.

Мне хочется подробно остановиться на недавно выпущенной в свет «Истории грузинской литературы», написанной Александром Барамидзе, Шалвой Радани и Бесо Жгенти.

Следует, прежде всего, отметить, что перед нами — не только солидный труд в объеме шестисот страниц, примерно, около сорока печатных листов, но и труд (его в подзаголовке авторы скромно именуют кратким очерком), серьезный по своему содержанию, по широте и полноте систематизации историко-литературных фактов, по методологии исследования.

Особенно необходимо сразу же отметить одну важную особенность книги — целеустремленную обращенность ее содержания к нашей современности. Эта важная особенность сказалась не только в том, что в книге наличествует обстоя-

тельный раздел, посвященный советской литературе, но и в том, что авторы, пишущие о древней грузинской литературе, о литературе XIX века и начала XX века, убеждают: художественное наследство, созданное в прошлом, дорого нам, все лучшее в этом наследстве составляют те традиции, которые были подхвачены и развиваются литературой социалистического реализма.

Перед авторами стояла весьма трудная задача — показать основные этапы развития грузинской литературы с V века до наших дней. Эта задача трудна еще и потому, что в книге охватывается большой хронологический период словесного творчества грузин, и потому, что за пятнадцать столетий накопился богатейший художественный материал классического совершенства и непреходящей с течением времени ценности.

Как бы мы ни критиковали эту работу, какие бы недостатки мы ни отмечали, мы все же должны будем признать, что, в основном, авторы со своей работой справились успешно. Они раскрыли перед нами много интересных страниц из истории грузинской литературы, и эти страницы обогащают, расширяют наши представления о тех многонациональных художественных ценностях, которые созданы на протяжении веков народами нашей страны.

Как и всякий серьезный научный труд, эта книга вызывает много мыслей, ассоциаций, возбуждает раздумья, вызывает и ряд критических замечаний.

Первый принципиальный вопрос, который мне хотелось бы поставить, — это вопрос, который часто возникает в наших разговорах в связи с изданием очерков национальных литератур. Некоторые товарищи высказывают такую крайнюю точку зрения, что уже выпущенные

очерки национальных литератур страдают чрезмерной описательностью, тогда как они должны ставить большие проблемы, должны быть острее по обобщениям и выводам. Но как же можно создавать историю любой литературы без описания? Для того, чтобы составить правильную и содержательную историческую характеристику художественного творчества того или иного народа, надо описывать, анализировать, систематизировать соответствующие факты. И авторы книги поступают правильно, — оперируя конкретным фактическим материалом, они устанавливают взаимосвязи грузинской литературы с общественным развитием Грузии и доказательно показывают, как исторически складывались социально-художественные традиции, как подготавливались условия для торжества критического реализма, революционного романтизма в творчестве грузинских классиков прошлого века и для расцвета социалистического реализма в наше время.

Разумеется, нельзя превращать очерки в сплошное описательство, но и нельзя отказаться от целеустремленного, продуманного изложения, от систематизации, анализа и оценки историко-литературных фактов, которыми располагает та или другая национальная литература. Все это не противостоит проблемности очерков, а создает основу для ее разрешения.

И второй вопрос, который я хочу поставить, — это вопрос о том, как лучше подавать историю литературы? Подавать ли ее как сложный литературный процесс или ограничиваться монографическими характеристиками отдельных писателей и их произведений? В этом смысле очерк грузинской литературы также дает основания для размышлений, для критического разговора, и тут можно сделать авторам много упреков. Они все же, в основном, отказались от того, чтобы сравнительно исчерпывающе характеризовать грузинский литературный процесс, и преимущественно ограничиваются рамками коротких монографических характеристик, портретов отдельных писателей. Правда, эти характеристики в известной мере внутренне связаны друг с другом, чему способствуют и небольшие обзорные главы. Но тем не менее литературного процесса, включающего не только развитие творчества отдельных писателей, но и многие другие явления — развитие национальной эстетической мысли, разносторонние взаимодействия грузинской литературы с общественной жизнью страны, с идеологической борьбой, межнациональные литературные отношения, — все это не заострено в этой книге, не показано на ее страницах с должной полнотой.

Очень досадно, что в данном труде нет главы, которая характеризовала бы, хоть в общих чертах, грузинский фольклор. Грузия обладает богатым народным творчеством, есть в нем и подлинно классические произведения. Многие из этого наследия обстоятельно изучено грузинскими фольклористами. И необходимо было сказать о фольклоре, если даже не об отдельных его явлениях, то уж во всяком случае о связях его с литературой, о роли его в становлении самобытной национальной литературы. Несомненно, что ряд литературных явлений можно было бы истолковать, понять более ясно и точно, если бы в книге была глава о фольклоре.

Перейду к отдельным, более частным замечаниям, связанным с поставленными общими вопросами.

Первая часть обсуждаемого издания посвящена древней грузинской литературе V—XVIII веков. Эта глава, написанная А. Барамидзе, является примером того, как надо писать такой очерк. Очень хорошее впечатление оставляет глава о Шота Руставели — она написана великолепно — предельно кратко, ясно, простым языком; автор охватывает большой круг вопросов. Дан вдумчивый анализ классической поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Раскрыто поразительное богатство ее идейного содержания, мастерство Руставели, охарактеризованы и русские переводы поэмы. Кратко сказано о достижениях в изучении этого классического памятника древней грузинской литературы.

Выразительная монографическая характеристика Шота Руставели вызывает и некоторые критические замечания. Хочется обратить внимание, что тут слишком глухо говорится о народных истоках «Витязя в тигровой шкуре», не выдвинуто на первый план то, что произведение это героическое, причем эпическая героика блестяще раскрывается не только в характерах действующих лиц, но и в самом стиле бессмертной поэмы. Неполно выясняется своеобразие творческого метода Шота Руставели.

Автор может возразить: чтобы удовлетворить все эти требования, надо было бы включить в состав книги развернутую монографию о Шота Руставели. Нет, речь идет лишь об отдельных существенных дополнениях. А если бы это было сделано, то монографическая глава о Шота Руставели получилась бы еще более содержательной и интересной.

Иногда в очерке о древней грузинской литературе замечаются композиционные несоответствия. Так, о старинном романе «Висрамиани» говорится на трех страницах. Но это произведение не оригинальное. Сам автор главы к тому же аттестует главных героев «Висрамиани», как себялюбцев, ограниченных индивидуали-

стов, лишенных чувства семейного и общественного долга. И Шота Руставели резко выступал против апологии аморальности, которая проповедывалась в этом произведении. Вместе с тем неполных три страницы отведены характеристике «Амиран-Дареджаниани», одному из первых дошедших до нас памятников грузинской светской литературы XII века, отличающемуся яркими национальными особенностями, и о нем надлежало написать обстоятельнее.

В этой связи необходимо сказать и о том, что две обзорные главки, имеющие целью дать картину развития литературы XIX века (автор Ш. Радиани), очень малы. Они занимают всего только шестнадцать страниц. А ведь всем известно, что грузинская литература этого времени располагает крупными классическими произведениями, в ней происходил сложный процесс становления критического реализма, развертывалась напряженная борьба за передовые эстетические идеалы. Очевидно, вступительный очерк должен быть значительно шире и полнее.

Основное внимание Ш. Радиани сосредоточивается на историко-литературных характеристиках отдельных писателей. И здесь мне хочется выдвинуть, как удачную, образцовую характеристику творчества Ильи Чавчавадзе. Она очень лаконична и отвечает требованиям краткого очерка.

Автор дает разностороннюю характеристику деятельности и творчества Ильи Чавчавадзе как великого представителя грузинской художественной литературы и общественной мысли. Ш. Радиани правильно определяет его место в истории грузинской литературы, излагает его эстетические взгляды, выясняет его связи с русскими революционными демократами, определяет его роль в формировании грузинского литературного языка, показывает борьбу в этой области, дает анализ основных произведений, характеризует его мастерство поэта и прозаика. Даже такой простой перечень проблематики, которая заключена в этом монографическом очерке, показывает, что он очень содержателен. Вместе с тем автор критически оценивает и слабые стороны в деятельности Ильи Чавчавадзе, исторически обусловленные противоречия.

Очень неплохо даны характеристики Александра Чавчавадзе, Григория Орбелиани и других.

Однако некоторым писателям не повезло. Уже не обстоятельные монографические характеристики, а простые торопливые справки даны о писателях Рафаиле Эристави, Даниэле Чонкадзе и некоторых других. Мы можем с упреком сказать, что автор имел все возможности характеризовать творчество и этих писателей на том же уровне, на каком стоит раздел об Илье Чавчавадзе.

Видимо, когда эта книга будет переиздаваться (а она должна быть переиздана, потому что тираж ее всего только пять тысяч экземпляров), автор должен дать более подробные, более содержательные характеристики и оценки ряда грузинских художников слова прошлого столетия.

Книга эта, особенно в разделах по истории грузинской литературы XIX века, отличается богатством привлеченного фактического материала, и этот материал легко воспринимается, подводит к определенным историко-литературным обобщениям.

Возьмите, например, такую проблему, как русско-грузинские литературные отношения. Для ее понимания в очерке представлены очень интересные данные. Авторы показывают, что истоки этих литературных связей находятся в глубокой древности, они помогли формированию такого писателя XVIII века, как Давид Гурамишвили. Под влиянием русско-грузинского сближения создается в грузинской классической литературе представление о роли Ираклия II и значении его деятельности.

О дружбе грузинского и русского народов, о литературном ее выражении в книге дается большой фактический материал, формулируются и некоторые обобщения.

В XIX веке уже выковывается твердое идейное содружество самобытных грузинских мастеров слова с русскими писателями. Особенно ярко это проявляется в период 60-х годов, когда выступают Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Нико Николадзе и происходит взаимное обогащение русской и грузинской демократических культур. Надо вспомнить, что многие деятели грузинской культуры были одновременно и крупными деятелями русской культуры. Тема России и тема Грузии взаимно разрабатываются в русской и грузинской художественной литературе. Все это, наконец, помогает уяснить, как передовая литература оказывалась одним из факторов, определяющих общественную мысль нашей многонациональной страны.

Вырисовывается в очерке и другая проблемная линия. Грузинские писатели, связанные с народом, всегда были пламенными патриотами и замечательными интернационалистами. Это сочетание мы видим в литературе XIX века. Ш. Радиани приводит много интересных примеров, показывающих разносторонние связи грузинской литературы с мировой литературой. Тут и личные связи писателей, тут и переводы произведений мировых классиков, и обучение отдельных представителей грузинской литературы за границей. Но самими примерами ведь дело не исчерпывается. И в данном направлении очень важно было

сделать такие обобщения, которые мы отмечали по отношению к русско-грузинским литературным отношениям.

Напрашивается общий вывод: излагая богатый фактический материал, авторы не должны отказываться от определенных историко-литературных обобщений, не должны отказываться тем более потому, что они еще лучше помогут нам использовать грузинское классическое наследие, его традиции в процессе развития нашей социалистической литературы и культуры. Такие же обобщения обязательно нужны при рассмотрении развития реализма в Грузии и других проблемах.

Последняя часть коллективного труда посвящена литературе советского периода. Это самая большая по объему часть книги. Достаточно сказать, что если обзор литературы на протяжении, примерно, пятнадцати веков занял 360 страниц, то истории советской литературы за срок лет отведено 235 страниц. Правильно сделано.

Автором этого раздела является Бесо Жгенти. Он — своеобразный литературовед в том отношении, что в отличие от многих из нас, литературоведов, выступает постоянным, активным участником современного литературного процесса в Грузии. Такое сочетание благоприятно сказалось в данном случае. Он непосредственно знает все или почти все описываемые факты, участником многих литературных явлений был он сам; ведь он принимает участие в общественно-литературном движении Грузии с 1920 года. Выполненная Бесо Жгенти работа достойна весьма положительной оценки.

Но я хочу остановиться преимущественно на критических замечаниях, имея в виду, что одновременно с выходом обсуждаемой книги вынашивается замысел создания отдельного «Очерка истории грузинской советской литературы» в академической серии очерков братских литератур. Мне хочется, чтобы наши замечания и советы помогли как повышению качества этой книги в ее дальнейших переизданиях, так и в работе над подготовкой упомянутого отдельного очерка.

Какие же критические замечания напрашиваются?

В начале раздела «Грузинская советская литература» автор дает очень краткую характеристику нашей эпохи, и эта характеристика оказывается несколько праздничной. Конечно, великие достижения грузинского народа необходимо показать, но надо показать, что они достигнуты в результате героического упорного труда, преодоления серьезных трудностей. Сложный процесс рождения и утверждения нового мира соответствующим образом отражался в развитии литературы.

Кроме того, автор оттеняет те факто-

ры, которые стимулируют развитие грузинской советской литературы. Он правильно отмечает идейную общность национальных культур в СССР, значение метода социалистического реализма, влияние литературных взаимосвязей между братскими народами, влияние русской литературы, М. Горького. Все это верно. Но здесь важно особенно подчеркнуть один принципиальный момент — определяющее, решающее влияние самой жизни освобожденного народа, самой социалистически преобразованной действительности, тех идей, которые возникли в народной жизни советского времени и стали определяющими идеями поступательного развития грузинской советской литературы.

Когда же автор рассказывает о традициях классиков, то надо больше акцентировать внимание на таких традициях, как зарождение и развитие социалистической эстетики, марксистско-ленинской литературной критики в Грузии, связанной с именами А. Цулукидзе и Ф. Махарадзе. Эти вопросы безусловно необходимо разработать и ввести в состав очерка.

Дальше возникает еще один серьезный вопрос; я не могу высказаться сейчас категорически, но, мне кажется, следует над ним подумать. Автор начинает изложение по истории советской грузинской литературы с 1921 года, с момента установления Советской власти в Грузии. Исторически это верно. Однако мне представляется, что стоило бы подумать и о критическом освещении литературных явлений предшествующих годов. Да, совершенно бесспорно, что меньшевистская диктатура в Грузии не давала возможности развиваться художественному национальному гению, но в это же время зрели какие-то исторические предпосылки, имели место ростки подлинно народного творчества, которые помогли потом и развитию грузинской советской литературы. В мрачные годы меньшевистского господства в Грузии противоборствовали две культуры, существовала не только меньшевистская буржуазная культура, но давала о себе знать и народная культура. Уже тогда Галактион Табидзе создал вдохновенные произведения о победе Октября. Вот эту сторону литературного процесса тех лет надо будет исследовать и показать.

После краткого описания основных периодов развития истории грузинской советской литературы изложение в книге строится по принципу выделения основных видов и жанров, то есть рассматриваются поэзия, проза и драматургия. Между тем, литературный процесс подобен горной реке, которая пробивает себе новое русло, и очень важно показать литературный процесс полным борьбой, ясной партийной целеустремленности.

обеспечиваемой руководством нашей партии. Пока этого многостороннего описания литературного процесса в данной книге сделать не удалось.

В персональных писательских портретах, занимающих основное место и в последней части книги, сконцентрировано много интересного материала — за это мы должны поблагодарить автора.

Удачно, например, охарактеризованы творческие судьбы старшего поколения писателей: Галактиона Табидзе, Иосифа Гришашвили, Александра Абашели, Сандро Шаншиашвили, Тициана Табидзе, Валериана Гаприндашвили. Исключительно интересен и показателен творческий путь писателей, которые начали работать еще в условиях дореволюционного времени, испытали и преодолели много идейных противоречий. Наступает советская эпоха, а одновременно и расцвет этих талантов, людей с большим художественным опытом. Именно социалистическая революция сделала их народными поэтами, открыла широкие, ничем не ограниченные возможности для плодотворного творчества.

Не всегда изложение конкретных историко-литературных фактов сопровождается обобщениями. А когда автор обращается к обобщениям, очерк обретает яркие краски. Например, Бесо Жгенти говорит о возрождении сюжетной поэмы при характеристике творчества Алио Мирцхулава. И такое обобщающее замечание сразу дает представление об определенной характерной стороне развития грузинской литературы социалистического реализма.

Удачен по своей многосторонности портрет Ираклия Абашидзе. Тут есть и характеристика эстетических взглядов поэта и анализ его системы образов и своеобразия поэтического стиля и рассказ об активном вмешательстве поэта в жизнь, и многое другое. Все это очень интересные наблюдения и замечания.

Хочется мне выделить и то, что на мой взгляд, в очерке надо развить.

Вот пример. Анализ романа Константина Лордкипанидзе «Заря Колхиды» произведен хорошо. Автор обоснованно называет этот роман этапным произведением. Такие вдумчивые акцентировки произведений, разбираемых в книге, должны занять в очерке значительно большее место. В сжатом изложении нельзя, собственно, все разложить по полкам, обо всем одинаково полно сказать. Вот потому-то отдельные произведения и должны быть выделены, как сказано выше, с целью выяснения наиболее типичных тенденций современного литературного движения, и тогда процесс развития грузинской литературы в советскую эпоху приобретет еще более яркую окраску.

Хотелось бы отметить, что, видимо, книгу очень торопливо редактировали и печатали. В тексте встречаются некоторые стилистические ляпы, типографские опечатки. Например, на стр. 370 сказано: «Невидимый размах приобрела культурная революция». Вероятно, следует читать: «невиданный».

В книге, к сожалению, нет научно-справочного аппарата, нет библиографии, нет иллюстраций.

Недавно вышел «Очерк истории латышской советской литературы». Он снабжен большим количеством иллюстраций, и книга от этого значительно выиграла: Этот опыт надо будет учесть и в дальнейших изданиях по истории литературы Советской Грузии.

Оценивая положительно третью часть обсуждаемой книги, можно сделать общий вывод, что она представляет добротную основу для самостоятельного «Очерка истории грузинской советской литературы». Такой обстоятельный очерк нужен не только читателям нашей страны, но и нашим зарубежным друзьям.

Москва.

Шота Куридзе

ТОЛЬКО ЖИЗНЬ— ИСТОЧНИК ТВОРЧЕСТВА

Отрадно видеть, что наряду с маститыми писателями старшего поколения в жанре рассказа все более плодотворно работают молодые прозаики. Тяга к новому, стремление своеобразно, оригинально выразить свои мысли, наблюдения, желание говорить своим собственным голосом — вот что одновременно и характеризует наших молодых писателей и является необходимым условием их развития, залогом новых побед и достижений. Но путь исканий сложен и труден: он имеет много закоулков, в которых, не имея верного компаса, недолго и заблудиться. Об этом, думается, стоит напомнить в нашей дискуссии перед III Всесоюзным съездом писателей СССР.

Прежде всего — о верности традициям национальной литературы. Следование этим традициям, скажем сразу же, конечно, не предполагает отрицания всего того хорошего, что создано и создается писателями за рубежом, более того, оно не должно и не может вести к замыканию в узко-национальных рамках, ибо литература каждой страны, как и всякое искусство, развивается и обогащается во взаимосвязи и взаимообщении с литературами зарубежных стран.

Известно, что Ш. Арагвиспирели — один из выдающихся грузинских прозаиков-новеллистов — особенно внимательно относился к опыту французской литературы. Тем не менее, Ш. Арагвиспирели — глубоко национальный и самобытный писатель. Мы не можем упрекнуть его в подражательстве, в механическом заимствовании творческого опыта французских писателей. Он порой прибегал к их художественным приемам, но создавал совершенно самостоятельные произведения. Предпосылкой этого являлось глубокое знание жизни своего народа и верное художественное чутье писателя.

А между тем, некоторые наши молодые прозаики, порой откровенно подражая иностранным авторам, теряют свою национальную самобытность, свое творческое лицо и создают абстрактные, оторванные от жизни своей страны произведения. Переноса тему или идею иностранного писателя в свое произведение, молодые авторы совершают большую ошибку. Ведь выбор темы зависит от мировоззрения писателя, именно мировоззрение, идеология во многом определяют тематику его произведений. Об этом свидетельствует вся наша литература, начиная с «Мученичества Шушаники» и кончая новейшими произведениями современных писателей.

Выбор темы — очень важный этап творчества. Он определяет многое: какую жизнь хочет описать писатель, какую из ее сторон, какого человека он стремится запечатлеть, какие идеологические и художественные задачи ставит он перед собой.

Наша действительность предоставляет писателю возможность выбирать из множества тем, образов и явлений те, которые наиболее интересны и близки ему. В этом — одно из многих преимуществ советского писателя перед зарубежными. Никогда ни перед одним писателем всех существующих и существовавших ранее обществ не раскрывались такая яркая, богатая событиями жизнь, такой красивый, содержательный духовный мир человека, как перед писателем советским. Но чем шире выбор, тем труднее выбирать. Трудность эта заключается в том, что из бесчисленного множества явлений и характеров нужно выбрать основные, типические, определяющие.

На, казалось бы, личной основе построен рассказ Н. Лордкипанидзе «Трагедия без героя», но до каких широких социальных обобщений поднимается ав-

тор, как глубоко и верно рисует он страшную картину жизни крестьянина в капиталистическом мире. «Личная» тема приобретает в рассказе Н. Лордкипанидзе большое социальное звучание, ибо она связана с острыми актуальными общественными проблемами, в ней ощущается биение пульса современной автору действительности.

Ведь совершенно очевидно, что ни один из грузинских шестидесятников, ни один из современных наших писателей не создал бы ни одного общественно-значимого и высокохудожественного произведения, не будь он связан самыми тесными узами с современностью, с общественной, политической и культурной жизнью страны. Кто может упрекнуть творцов нашей большой литературы в пренебрежительном отношении к внутреннему миру изображаемых героев, к их личной жизни? Но дело в том, что понятие «личного» настолько расширилось в социалистической действительности, настолько слилось с «общественным», что их почти невозможно разграничить. Так, например, если герой произведения — рабочий или колхозник — не спит ночами, изыскивая метод, который позволит ему повысить производительность труда, дело это будет для него не только общественным, но и личным. Разве личные взаимоотношения советских людей изолированы от их общественной жизни? Разве в тяжелый момент личной жизни человека не поможет ему коллектив? Разве поведение его в обществе, в семье не есть дело и коллектива?

К сожалению, отдельные молодые прозаики, пренебрегая замечательными традициями грузинского рассказа, в поисках тем и образов обращаются не к жизни, а к внешнему подражательству. Характерен в этом отношении рассказ Тамаза Бибилури «Моя сестра». Автор рассказывает о любви двух молодых людей, о том, как девушка ждет возвращения любимого. Все описывается очень красиво. Но чему учит этот рассказ, что нового, ценного открывает он читателю? Н. Г. Чернышевский говорил, что всякая книга должна быть «учебником жизни». Выполняет ли эту функцию рассказ «Моя сестра»? Безусловно, нет. В нем нет никакой идеи, нет отражения конкретной социальной обстановки, личная жизнь героев оторвана от общественной, они живут в каком-то обособленном мирке чувств и ощущений. Автор, вероятно, забывает о том, что рассказ без определенных идей не может стать полнокровным художественным произведением.

Показ «личного» сам по себе не является ни отрицательным, ни положительным фактором в творчестве писателя. Все дело в том, каким идеям слу-

жит, что отражает это личное, в какой связи оно с общественным.

★ ★ ★

Следует сказать и о другой вредной тенденции. Заключается она в стремлении некоторых молодых авторов создавать абстрактные характеры, абстрактные художественные образы. Их интересует не конкретный человек, живущий в определенной стране, в определенную эпоху, а человек «вообще», вне времени и пространства.

Но ведь человек, личность — общественное явление. Он живет, развивается, действует в обществе, во взаимодействии с людьми, формируется под влиянием тех условий, в которых он существует. В этих условиях складывается его характер. И главным, определяющим фактором являются классовые, политико-экономические отношения.

У Серго Клдиашвили есть рассказ «Партизаны». В центре его — образы двух братьев — горцев Джату и Гиэргила. Младший из них, Джату, совершает преступление — убивает партизанского вожака Бондо Баская, движимый непреодолимым желанием завладеть его карабином. Джату, как и всякий горец, страстно любит оружие. Но не чуждо ему и присущее горцам чувство гостеприимства. В конкретной обстановке в его душе столкнулись эти два чувства. То, которое было сильнее, победило. Джату, убив Бондо, оказался побежденным в своей внутренней борьбе.

Совершенно другие стремления и желания руководят Гиэргилом. Он предан делу народа, делу Бондо и готов жертвовать не только собой, но и своей семьей во имя этого дела. Гиэргил чувствует глубокое духовное родство с Бондо. Недаром он говорит Джату: «Знай, ты лишь брат мне, а он — больше чем брат!». Эти слова Гиэргила раскрывают основную идею произведения.

Но что же является причиной такого различия интересов, моральных устоев братьев? Как мы видим, Серго Клдиашвили подчеркнул то общее, что объединяет и характеризует всех горцев, но — и это главное — он показал, как преломляется общее в характере отдельных людей, как облекается оно в индивидуальную форму, иначе — как общее проявляется в частном, конкретном. И обратно — показом конкретного он рисует общее. В этом органическом единстве общего и конкретного и заключается достоинство рассказа.

Человек — сын своей эпохи, своей страны, своего класса. Но что специфически современного в характере, скажем, героя рассказа Лии Гогишвили «Мать»?

Л. Гогишвили описывает один случай из жизни молодой девушки: ребенок-

сирота вдруг назвал девушку «мамой» и вскоре она оказалась в доме молодого вдовца. Увидав на стене портрет его покойной жены, она невольно сравнивает себя с нею. В ней вспыхивает чувство соперничества, и она решает занять в жизни Гиви (так зовут отца ребенка) место покойной. Чувства ее не находят в нем отклика, тем не менее она твердо надеется добиться желаемого. Все поведение героини, все ее переживания кажутся тем более непонятными и ложными, что как раз в тот «роковой» момент, когда ребенок принял ее за мать и позвал, девушка спешила на свидание с любимым человеком. Но автор очень просто все разъясняет: сей молодой человек не любил детей и не хотел их иметь. Это, мол, оттолкнуло от него героиню, и врожденный инстинкт материнства потянул ее к Гиви.

Даже отбросив прочие алогизмы, все-таки трудно принять всерьез этот рассказ. Как рассматривает автор любовь? Довольно странно: как моментальную вспышку, неверный огонек, который можно легко разжечь и еще легче погасить.

Великое, святое чувство любви низведено до кратковременного и поверхностного увлечения, до какой-то игры и в рассказе С. Демурханашвили «Сожаление». Сначала герои клянутся друг другу в верности, а потом ссорятся и, наконец, расходятся. Девушка выходит замуж, молодой человек женится. «Ах, разве я не знал, что игра еще не закончена и рано было праздновать победу!» — восклицает герой рассказа.

Позвольте, но где здесь любовь?!

В этой связи нельзя умолчать и о некоторых произведениях, которые будто бы и не лишены национального колорита, но по существу совершенно абстрактны.

Вот, к примеру, уже упоминавшийся рассказ Т. Бибилури «Моя сестра». Здесь как будто все национально, упоминается даже такой древний (и уже давно отошедший в область предания) обычай, как похищение женщин (!). Но печально, что автор, желая показать грузинскую молодежь, выставил ее представителей в совершенно не верном свете. Герой произведения — человек с довольно отсталыми взглядами. Его лучший друг Датуна, претендующий на руку его сестры, также далек от современной жизни. Он собирается похитить девушку, так как ее брат против этого брака. В чем же здесь дело? Да в том, что автор неверно, искаженно отразил в этом рассказе сущность национального, наделив нашу молодежь такими чертами, которые давно канули в вечность да и никогда не считались положительными. Произведение его не имеет и не может иметь никакого познавательного, а тем более воспитательного значения.

Нам могут возразить, что, мол, подобные явления происходят и в действительности. Да, безусловно; но выставлять их в таком свете, словно они выражают суть нашей жизни, — значит грешить против действительности. А именно к этому приводит отрыв национальной жизни от эпохи, от условий, от современности, интерес к самому чувству, изолированному от действительной жизни.

Рассказ Г. Натрошвили «Сын Закро» тоже построен на любовном сюжете. Однако любовь здесь несет большую общественную нагрузку. Любовь побуждает героя пересмотреть свое отношение к жизни, помогает ему преодолеть свои заблуждения. Обуреваемый честолюбием, герой рассказа Г. Натрошвили возомнил себя выше и лучше всех. И именно любовь помогла ему найти правильный путь. Поэтому вполне понятно, что и автор, и читатель сочувствуют ему и переживают каждый его шаг.

Молодым писателям ни на минуту нельзя забывать о том, что общечеловеческое тесно связано с национальным, как абстрактное с конкретным, как общее с частным. Именно поэтому общечеловеческое может зримо, осязаемо, верно передать только глубоко-национальный писатель. «Нет большей чести для великого поэта, чем его глубокая национальность, — иначе он не может стать великим», — говорил еще В. Г. Белинский.

★ ★ ★

В некоторых рассказах молодых прозаиков обращает на себя внимание еще одна черта — статичность героев. Молодые авторы почти не показывают характеров в развитии, не интересуются всем «каскадом» чувств и переживаний героя и останавливаются на какой-то ступени этого «каскада», сравнительно подробно ее рассматривая. Этот художественный прием тоже не нов в грузинской литературе. С успехом применял его Нико Лордкипанидзе («Трагедия без героя»), нередко находим мы его в рассказах Серго Клдиашвили («Осенний дождь»). Но нельзя фетишизировать ни один художественный прием. Не надо забывать и того, что, изображая характер в статике, описывая отдельный эпизод из жизни, автор помимо художественного мастерства должен владеть глубоким знанием жизни, должен уметь делать широкие социальные обобщения, суметь так «обыграть» ту или иную деталь характера героя, чтобы создать полное представление об этом характере. Только тогда его произведение приобретает художественную ценность.

Нико Лордкипанидзе в своей «Трагедии без героя» показал страшную судь-

бу человека, поправшего святое чувство отцовства. Но почему это произошло? Ведь при других условиях этот же человек, если бы потребовалось, подставил бы свою грудь под пули во имя спасения детей. Лишь страшный голод заставил его забыть обо всем. И когда он осознал, что произошло, он решил искупить свою вину самоубийством. Кто же здесь виноват? Писатель не указывает нам виновников, однако вывод напрашивается сам: виновата капиталистическая действительность, где за человеком, как тень, по пятам следует голод. Вот как «обыграл» писатель одну лишь деталь, один лишь эпизод из жизни, показав через него эксплуататорскую природу капиталистического общества.

Ведь мы не знаем ничего о предыдущей жизни героя, о становлении его характера, однако это не мешает нам ясно увидеть и всю его судьбу и всю картину той действительности, в которой он живет и погибает.

Но почему-то, имея перед собой такие замечательные образцы изображения характера героя, наши молодые прозаики иной раз пренебрегают ими, тяготеют порой к совершенно чуждым и неприемлемым для нашей литературы художественным приемам. В результате подобного заимствования появляются также бессодержательные рассказы, как

«Красная роза» Л. Гогишвили. Вот, в двух словах, сюжет рассказа: героиня внезапно влюбляется в незнакомца, преподнесшего ей на концерте цветы, и сразу же отвергает любимого ею до этого момента молодого человека. Идея произведения совершенно непонятна, неясны проблемы, волновавшие автора, непонятен образ героини. Автор что-то рассказал... но ничего не сказал.

Ясно, что подобный рассказ никак не подходит под рубрику новаторства, под видом которого иногда пытаются преподнести эпигонство и подражательство. Не лишне напомнить, что говорил о преклонении перед подобной «новизной» В. И. Ленин: «Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо покориться только потому, что «это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица! Здесь много лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к художественной моде, господствующей на Западе... Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости»¹.

Батуми.

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, ч. II, стр. 455—456, Москва, 1957 г.

КАЛАДЗЕ (Род. в 1907 г.) — грузинский поэт и драматург. Карло Ражденович. Первое стихотворение опубликовал в 1920 г. Начиная с 1926 г. издал ряд поэтических сборников, а также несколько пьес.

ГАМСАХУРДИА См. журнал «Литературная Грузия» № 2 за 1959 г. Константин Семенович

ЧИЛАДЗЕ (Род. в 1931 г.) — молодой грузинский поэт. Первые стихи были напечатаны в литературном альманахе Тбилисского государственного университета «Пирвели схиви». В 1956 и в 1958 годах вышли сборники стихов Т. Чиладзе.

БЕЛИАШВИЛИ См. журнал «Литературная Грузия» № 2 за 1959 г. Акакий Ионович

ЛОХВИЦКИЙ (Род. в 1922 г.) — русский писатель. Начал печататься с 1948 г. В 1955 г. вышел первый сборник рассказов М. Лохвицкого «Встречи в пути», в 1958 г. — второй сборник «Люди горных краёв» («Молодая гвардия», Москва).

ТЕВЗАДЗЕ (Род. в 1912 г.) — грузинский поэт. Печататься начал в 1936 г. Начиная с 1937 года было издано несколько сборников стихов А. Тевзадзе.

Итало КАЛЬВИНО — современный прогрессивный итальянский писатель, широко известен, как автор коротких рассказов, а также как исследователь и собиратель фольклора. Итало Кальвино автор книг «Виконт, разделенный надвое», «Барон, живущий на дереве» и др.

АБАШИДЗЕ См. журнал «Литературная Грузия» № 2 за 1959 г. Ираклий Виссарионович

ФЕТИСОВ (Род. в 1907 г.) — критик-литературовед, доктор филологических наук. Литературную деятельность начал в 1926 году. М. Фетисов — автор ряда монографий и критических статей о творчестве поэтов Средней Азии и Закавказья.

КУРИДЗЕ (Род. в 1917 г.) — литературный критик. Начал печататься в газетах и журналах Грузии и Аджарии с 1938 г. Первая книга Ш. Куридзе — «Образ нового человека в советской литературе» вышла в 1953 году.

Технический редактор М. Соселия

Подписано к печати 10 марта 1959 г.

Заказ № 227 УЭ 01262

6 печ. лист. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Тираж 4.000. Цена 4 руб.

ქურონალი «ლიტერატურული გრუზია»
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ზარია ვოსტოკა“

4 руб.

10375/

~~476~~

ՀԱՄԱՅՆՔԻ
ՆՈՒՅՆՈՒԹՅՈՒՆ